

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1908.

№ II.

ЯНВАРЬ.—КНИЖКА ВТОРАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ:

Стр.

- Къ сорокатыю служенія въ священномъ санѣ Высокопреосвященнаго Арсе-
нія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго. (Продолженіе). . . . . 141—174
- Слово въ день преподобнаго Антонія Великаго о союзѣ между вѣрой и
наукой. *Приватъ-доцента Императорскаго Харьковскаго
Университета, Соліценника Іоанна Филевскаго.* . . . . . 175—184
- Послѣдовательное раскрытіе догматовъ вѣры въ борьбѣ съ ересами съ
I-го до V вѣка. *Е. Н.* . . . . . 185—210
- Нѣмецкій протестантизмъ къ началу 20 столѣтія. (Продолженіе). *С. М.* . . . . . 211—221
- О воспитаніи. (Продолженіе). *Профес. П. Н. Липицкаго.* . . . . 222—238

II. ОТДѢЛЪ ИЗВѢСТІЙ И ЗАМѢТОКЪ по ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:

Содержаніе. I. Епархіальная извѣщенія.—Отъ Императорскаго Православ-
наго Палестинскаго Общества.—Отъ Совѣта Харьковскаго Епархіальнаго
Женскаго Училища.—Письмо Товарища Оберъ-Прокурора Святейшаго Св-
нода на имя Высокопреосвященнѣйшаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго
и Ахтырскаго, отъ 16 января 1908 года № 618.—II. Мысли пастыря. *Сол-
щенника Николая Зауровскаго.*—На правахъ „бѣдныхъ рождественницъ“. *Отаро-
дука.*—Миссіонерскій листокъ. Харьковское евангелистство къ 1908 году. *И.
Аввазова.*—Епархіальная хроника.—Ипопархіальный отдѣлъ.—Разныя извѣ-
стія и замѣтки.—Объявленія.—(Стр. 237—280).

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія, Соборная пл., въ зд. Присут. мѣсть.
1908.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ДВУХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣла богословско-философскаго. Въ него входятъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правды христіанской правдѣности, изъясненіе церковныхъ канонозъ и богосуженій, исторія Церквей, обзорніе замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни,—однимъ словомъ все, составляющее обичную программу собственно духовныхъ журналовъ. Сюда же съ апологетическою цѣлю будутъ входить изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафізики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе и менѣе пространные переводы и извлечения изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ чловѣка и во времяизчества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

2. Такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для Харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“, то въ немъ, въ видѣ особаго приложения, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ „Извѣстія и замѣтки по Харьковской епархіи“, въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти, церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе листовъ въ каждомъ №. Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 рублей, а за границу 12 руб. съ пересылкою.

РАЗСРОЧКА въ уплатѣ денегъ не допускается.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской духовной Семинаріи, при свѣчной лавкѣ Харьковскаго Покровскаго монастыря, въ Харьковской конторѣ «Новаго Времени», во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова и въ конторѣ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей»; въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи, въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Гостищынъ дв., № 45. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ конторахъ «Новаго Времени». Въ редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» можно получать полныя экземпляры ея изданія за прошлые 1884—1889 годы включительно по уменьшенной цѣнѣ, именно по 4 р. 50 к. за каждый годъ; по 5 р. за 1890—1897 г., по 6 р. за 1898—1902 годы. За 1903 г. и 1904 г. 7 руб., за 1905 и 1906 г. 3 р.

Лицамъ же, выписывающимъ журналъ за всѣ означенные годы, журналъ можетъ быть уступленъ за 100 р. съ пересылкою.

Кромѣ того, въ Редакціи продаются слѣдующія книги:

1. „Древніе и современные софисты“. Сочиненіе Т. Ф. Brentano. Съ французскаго перевелъ Яковъ Новицкій. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкою.

2. Оправедливы ли обвиненія, вводимыя графомъ Львомъ Толстымъ на православную Церковь въ его сочиненіи „Церковь и государство?“ Сочиненіе А. Рождественна. Цѣна 60 к. съ пересылкою.

3. БЕСѢДЫ Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, съ о.о. Благочинными Харьковской епархіи 1903 г. Цѣна 25 к. съ пересылкою.

4. „СОВЕСѢДОВАНІЯ“ Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, съ о.о. благочинными, выборными отъ духовенства и другими лицами. 1906 г. Цѣна 40 к.

Πίστει νοοῦμεν.

Вѣрою разумѣваемъ.

Евр. XI.

КЪ СОРОКАЛѢТІЮ СЛУЖЕНІЯ ВЪ СВЯЩЕННОМЪ САНѢ ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННАГО АРСЕНІЯ, АРХІЕПИСКОПА ХАРЬКОВСКАГО И АХТЫРСКАГО.

(4-го февраля 1868 года—4-го февраля 1908 года).

(Личныя его воспоминаія).

(Продолженіе *).

II. МОЕ СЛУЖЕНІЕ ВЪ СВЯЩЕННОМЪ САНѢ.

1. ВЪ м. Бѣлая-Церковь.

Мое супружество, принятіе священства и служеніе въ гимназій.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ, во время вакаціи, я распрощался съ Академіею. Устроилъ скромное угощеніе товарищамъ-студентамъ; и на еврейской, впрочемъ приличной, подводѣ, съ своими скромными студенческими пожитками, отправился на мѣсто первой своей службы; ѣхалъ я по большой дорогѣ черезъ г. Васильковъ, похожій на деревню, село Грибенки и др. Первый разъ я проѣзжалъ черезъ Кіевскую губернію; она мнѣ понравилась. На этотъ разъ я остановился въ Бѣлой Церкви на нѣсколько часовъ, чтобы оставить свое имущество въ своемъ новомъ жилищѣ и потомъ поѣхалъ дальше черезъ городъ Таращу, въ села: Рыжановку, Медвинъ и Веселый Кутъ-Уманьскаго уѣзда. Пришлось ѣхать въ лунную ночь и познакомиться съ украинскою ночью, описанною Гоголемъ. Дѣйствительно—предесты!.. Вообще нравилась мнѣ Украина и Малороссія; на этотъ разъ я путешествовалъ съ іеромонахомъ Братскаго монастыря о. Поликарпомъ Павловичемъ и его юною племянницею, окончившею курсъ въ Царскосельскомъ училищѣ; послѣднюю мы везли къ родителямъ. Но у меня была цѣль особая для этой поѣздки.

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 1 за 1908 г.

Я поступилъ въ Бѣло-Церковскую гимназію законоучителемъ съ занятіемъ мѣста священника въ новоустроившейся гимназической церкви; слѣдовательно, мнѣ скоро надо было быть священникомъ. Нужно было найти подругу жизни. Въ Кіевѣ, будучи студентомъ, я раза два встрѣчался со внучкою Преосвященнаго Александра (Павловича), извѣстнаго защитника Соловецкой обители отъ нашествія англичанъ, — окончившею курсъ въ одномъ петербургскомъ институтѣ; теперь она жила у отца — священника въ селѣ Веселомъ Кутѣ, имя ея Александра Гавриловна, родная сестра сопровождаемой нами дѣвицы. Въ м. Медвинѣ я останавливался сутокъ на двое; тутъ жилъ Преосвященный Александръ у своей сестры. Село это прекрасное, все въ садахъ; я пріятно провелъ время. Затѣмъ я пріѣхалъ въ село Веселый Куть. Мѣстный священникъ о. Гавріиль Павловичъ только что перешелъ въ это село; еще не устроился, и самое село скучное, пустое, въ степи, въ немъ не было ни садовъ, ни рощей, ни долинъ, — одна степь. Семейство священника хорошее. Старшая дочь А. Г. прекрасная и образованная дѣвушка. Но изъ за обстановки домашней, еще нельзя было начать сватовства. О. Гавріиль сказалъ мнѣ, что ему, еще нужно, устроиться; но вѣроятно предполагалъ переговорить съ своимъ отцомъ Преосвященнымъ Александромъ. Дружественно они проводили меня обратно въ Бѣлую-Церковь и обѣщались мнѣ писать, или даже скоро пріѣхать ко мнѣ. Такъ я вернулся къ мѣсту своего служенія, еще не имѣя въ виду ничего опредѣленнаго относительно своего брака.

Есть анекдотъ: учитель географіи экзаменовалъ еврейчика и спросилъ у него; какіе главные города въ Россіи? Еврейчикъ отвѣтилъ: Бердичевъ, Жашковъ и Бѣлая Церковь. Этотъ анекдотъ даетъ понятіе о Бѣлой Церкви. Это большое еврейское селеніе въ 20 т. жителей, изъ которыхъ $\frac{2}{3}$ евреевъ; остальные поляки и малороссы. Оно имѣетъ прекрасную синагогу, большой гостинный дворъ и не мало хорошихъ домовъ и магазиновъ; на окраинѣ его находится палацъ графа Бронницкаго и прекрасная гимназія, основанная этимъ графомъ, и на красивомъ возвышенномъ мѣстѣ обширный ко-

стель. Наконецъ въ немъ двѣ прекрасныхъ каменныхъ церкви православныхъ. Мѣстечко раздѣляется извѣстною своими каменными скалами, рѣкою Росью. Въ семи верстахъ отъ Бѣлой Церкви находится знаменитый садъ графовъ Браницкихъ, съ павильонами, прудами, статуями, оранжереями и проч., называемый „Александріею“. Въ не очень давнее прошлое время тамъ гащивали наши царскія особы и сохраняются до 30 дедевъ, посаженныхъ руками Высочайшихъ особъ Императоровъ Александра I-го, Николая I-го, Александра II-го и нѣкоторыхъ Великихъ князей. Въ досужее время въ этомъ саду я пріятно проводилъ время съ сослуживцами по гимназїи. Онъ служилъ прекраснымъ и единственнымъ мѣстомъ прогулки для Бѣлоцерковскаго общества.

Съ назначенїемъ меня въ Бѣлоцерковскую гимназію совпало устройство въ ней церкви, а потому и квартира мнѣ была приготовлена въ одномъ изъ корпусовъ гимназїи, небольшая, состоящая изъ трехъ, или съ перегородками—изъ пяти комнатъ, заново отдѣланная, уютная и удобная. По прїѣздѣ въ гимназію, въ однѣ сутки я обставилъ ее мебелью: явился факторъ—еврей и въ нѣсколько часовъ приторговалъ мнѣ двѣ дюжины стульевъ, 6 кресель, гордеробъ, шкафъ, комодъ, нѣсколько столовъ—сравнительно недорого, но прѣлично; онъ же принесъ и посуду изъ лавки; словомъ, оказалъ мнѣ большую услугу. До устройства своей семейной жизни я имѣлъ столъ у директора гимназїи, М. К. Чалаго. Своего хозяйства я еще не заводилъ. Начальство гимназїи и корпорация гимназическая приняли меня ласково, и нѣкоторые называли уже меня „батьюшкою“, хотя я еще ходилъ на должность во фракѣ. Устроился я въ гимназїи предъ праздникомъ Успенїя Божїей Матери; прїемныя экзамены для поступающихъ въ гимназію начались съ 16 августа; съ этого времени началась моя служба; церковь еще была не готова, и я еще не успѣлъ жениться. Между тѣмъ начальство меня торопило. Прошло около двухъ мѣсяцевъ со времени вступленїя моего на службу, а свѣдѣній отъ священника о Гавріилѣ Павловичѣ я не получалъ никакихъ. Дѣло о сватовствѣ къ дочери его я сталъ считать несостоявшимся.

Въ Кіевѣ мнѣ было знакомо нѣсколько семейство протоіерся

церкви Николая Набережнаго, о. Георгія Ивановича Соловьева¹⁾). Я зналъ старшую дочь его Марію Георгіевну, она кончила курсъ въ образцовомъ пансіонѣ, завѣдывала у отца хозяйствомъ, такъ какъ матери не было, и занималась воспитаніемъ младшихъ сестеръ; была умна, кротка и красива. Я рѣшился посвататься къ ней. Взялъ отпускъ у гимназическаго начальства и поѣхалъ въ Кіевъ. Какъ задумалъ, такъ и сдѣлалъ: я сдѣлалъ предложеніе Маріи Егоровнѣ и получилъ согласіе ея и отца. Черезъ нѣсколько дней, помолившись Богу, отецъ съ дочерію—невѣстою, стали готовиться къ браку, а я вернулся на службу въ Бѣлую-Церковь до Рождественскихъ праздниковъ. Скоро послѣ пріѣзда моего изъ Кіева въ Бѣлую Церковь, пріѣзжала жена священника Павловича съ двумя дочерьми—Александрою и Марфою. Секретно матери я долженъ былъ сказать, что медленность была причиною несостоявшагося сватовства, и что я уже сдѣлалъ предложеніе другой дѣвицѣ и получилъ согласіе. Обстоятельство было прискорбное, но отъ меня не зависѣвшее. Но пути Божіи неисповѣдимы: Александра Гаврилова и теперь здравствуетъ, супругою священника, а Марія Георгіевна уже 35 лѣтъ лежитъ въ сырой землѣ...

Предъ праздникомъ Рождества Христова я поѣхалъ въ Кіевъ, чтобы тамъ вступить въ бракъ и посвятиться во священника. 21 января 1868 года, въ воскресенье, былъ совершенъ мой бракъ съ Марією Егоровною въ церкви Св. Николая Набережнаго. Бракъ совершалъ ключарь Софійскаго собора, протоіерей Николай Яковл. Оглоблинъ. Во время вѣнчанія, при обрученіи о. протоіерей уронилъ на полъ кольцо Маріи Егоровны, долго его искали и не скоро нашли; въ публикѣ произошло движеніе и шепотъ: тогда-же это объяснено было нехорошимъ предзнаменованіемъ, именно, что невѣста скоро умретъ. Предразсудокъ?.. Но онъ оправдался.

Потомъ, чрезъ недѣлю послѣ брака, я началъ ходить въ Михайловскій монастырь, въ Крестовую церковь и готовиться къ посвященію во діакона.

¹⁾ Магистръ Кіевской Академіи и членъ консисторіи, скончался.

Митрополитъ Арсеній былъ въ Петербургѣ; посвящать меня долженъ былъ Викарій, Преосв. Порфирій (Успенскій). Въ это время было нѣсколько ставленниковъ семинаристовъ: я просилъ Преосвященнаго посвятить меня впередъ, такъ какъ мнѣ надо было вѣхать на должность, какъ законоучителю; но Владыка строго соблюдалъ очередь, и я двѣ недѣли ходилъ въ Крестовую церковь на клиросъ. Посвященіе меня въ діакона совершенно было въ Срѣтеніе Господне—2 февраля 1868 г., а во священника въ слѣдующее воскресенье (мясопустное), 4-го февраля. То и другое посвященіе было совершено въ Крестовой церкви Михайловскаго монастыря. Сырную и первую недѣли великаго поста я провелъ въ Кіевѣ, и подъ руководствомъ тестя о. протоіерея Соловьева научился совершать всѣ службы и требы. Въ концѣ первой недѣли я одинъ отправился въ Бѣлую Церковь, а чрезъ нѣсколько дней пріѣхала и жена съ своимъ отцомъ и всѣмъ своимъ имуществомъ. Мы устроились не роскошно, но уютно и прилично. Къ этому времени совершенно была устроена гимназическая церковь. Преосвященный Порфирій поручилъ освятить ее о. протоіерею Г. И. Соловьеву вмѣстѣ съ мѣстнымъ благочиннымъ. Освященіе было совершено во 2-е воскресенье великаго поста—25-го февраля, а 26 (царскій день) я первый разъ совершилъ литургію во вновь освященной церкви. Она устроена была въ память освобожденія отъ крѣпостной зависимости крестьянъ—во имя Св. Ап. Архиппа и Филимона—на 19 февраля и день восшествія на Престолъ Государя Императора Александра II. Тесть скоро вернулся въ Кіевъ; жизнь наша потекла скромно и пріятно. Мы пользовались любовью сосѣдей—семью директора и инспектора, жившихъ въ самой гимназій, и мѣстнаго протоіерея Іоанна Аникіев. Ромашкевича; жили мы въ довольствѣ и не скучали.

Любилъ я свою повенскую гимназическую церковь; пѣли въ ней пѣвчіе изъ гимназистовъ подъ руководствомъ учителя пѣнія Молоткова; въ алтарѣ тоже прислуживали мнѣ ученики. Почти на каждой литургіею я говорилъ краткія поученія. Директоръ М. К. Чалый всегда присутствовалъ при Богослуженіи и поощрялъ своими ласками и меня и пѣвчихъ; церков-

нымъ старостою былъ учитель рисованія, иконописанія и мастеръ иконостасовъ, Н. Гр. Осмоловскій. Бѣлоцерковская православная избранная публика любила посѣщать нашъ храмъ. Вся задача наша съ директоромъ была—поддержать знамя православія въ гимназїи, въ которой большинство учениковъ было евреи и католики. Съ этою цѣлю и была устроена церковь въ гимназїи. Строго мы праздновали праздники, особенно не совпадавшіе съ католическими; еще строже совершали говѣніе на первой педѣлѣ великаго поста, начиная съ попедѣльника, когда у католиковъ еще продолжается маляница. Честь и хвала директору Чалому за религіозность, за православіе и за народность. Будучи самъ сыномъ крестьянина Черниговской губерніи, онъ многимъ крестьянскимъ мальчикамъ открылъ дорогу, принимая ихъ сперва въ приготовительный классъ, а потомъ въ гимназію и выводилъ ихъ въ люди.

Бѣлоцерковская гимназія имѣла около 300 воспитанниковъ; но между ними православныхъ было не больше 70; остальные ученики были евреи и поляки-католики. Православному законоучителю надо было быть съ авторитетомъ. Благодареніе Богу, я пользовался уваженіемъ и любовію православныхъ и католиковъ. На урокахъ моихъ бывали и воспитанники католическаго исповѣданія, конечно, съ вѣдома и дозволенія ксендза. Сослуживцы были большею частію люди хорошіе. О директорѣ я сказалъ выше, къ сказанному прибавлю вообще: онъ былъ умный, дѣльный и благонамѣренный человѣкъ. Инспекторъ Ѡ. А. Токарскій добрый человѣкъ; его дочери были ближайшими сосѣдками моей супруги. Преподаватели: Сомчевскій, Дзюблевскій, Булюбашъ, Дикій, Суринъ—все были люди дѣльные, молодые, аккуратные по службѣ, были дружески расположены ко мнѣ. Изъ духовныхъ лицъ я вѣлъ близкое знакомство съ протоіереемъ Іоанномъ Аник. Ромашкевичемъ. Мы съ женою часто бывали у него и онъ съ женою у насъ. Съ нимъ я ѣздилъ въ ближайшія села въ гости къ священникамъ и особенно въ Бирюки—къ о. Гр. Клебановскому. Такимъ образомъ знакомился я съ малороссійскою жывнію и красивыми мѣстностями по рѣкѣ Роеи. Замѣчательно то, что я ладилъ съ ксендзомъ-законоучителемъ Лукою Ѡед. Люблинскимъ. Объ

одномъ онъ меня просилъ; не говорить съ нимъ о вѣроисповѣднихъ разностяхъ, и я избѣгалъ съ нимъ религіозныхъ вопросовъ. Когда я уѣзжалъ изъ Бѣлой-Церкви на службу въ Кіевъ, Лука Ѳедоровичъ просилъ меня уступить ему на память письменный столъ. Я подарилъ ему оный.

Въ первый годъ моей службы въ Бѣлой Церкви, во время вакаціи, я ѣздилъ съ женою на родину въ Смоленскую губернію. Для этого путешествія я купилъ недорогой экипажъ; ѣхали на почтовыхъ лошадяхъ; желѣзной дороги отъ Кіева до Смоленска тогда еще не было. Путешествіе было продолжительное и особенно утомительное для жены. Я посѣтилъ Смоленскъ, родное село Волсту-Пятницу, гдѣ служилъ заупокойную литургію и папнихиду на могилѣ отца и посѣтилъ родные поля, луга и лѣса. По двѣ недѣли прогостилъ у братьевъ: о. Петра въ селѣ Покровѣ-Жырково, Бѣльскаго уѣзда. и у о. Якова—въ селѣ Ярыгинѣ, Сычевскаго уѣзда. Былъ въ г. Вязьмѣ; посѣтилъ нѣкоторыя церкви и тѣ улицы, на которыхъ находятся дома, въ которыхъ я жилъ, будучи школьникомъ. Это было лѣтомъ 1868 г.

Во второй годъ моей службы въ Бѣлую Церковь посѣтилъ Высокопреосвященный Арсеній, Митрополитъ Кіевскій. Приготовился и я встрѣтить его въ гимназической церкви. Онъ посѣтилъ ее, я хотѣлъ сказать ему рѣчь при встрѣчѣ у порога церковнаго; но онъ сказалъ „не нужно“ и пошелъ въ алтарь, а я сталъ говорить эктению на солеѣ (діакона у меня не было). Владыка все напелъ у меня въ порядкѣ и обошелся со мною ласково. Тогда же я служилъ съ нимъ литургію въ соборѣ и обѣдалъ у протоіерея Ромашкевича. За литургію я попадѣлся быть награжденнымъ набедренникомъ, но никто Владыкѣ не напомнилъ о мнѣ. Ночлегъ митрополитъ имѣлъ у графа Браницкаго.

Во второй годъ супружеской моей жизни, а именно: 10-го іюля 1869 г., Господь далъ мнѣ сына Владимира. Для этой семейной радости къ крещенію его пріѣзжалъ изъ Кіева тестъ о. протоіерей Соловьевъ съ двумя дочерьми. Онъ былъ воспріемнымъ отцемъ внука, а крестною матерію жена протоіерея Варвара Павловна Ромашкевичъ. Первенецъ мой умеръ

въ Кіевѣ на 8-мъ мѣсяцѣ отъ рожденія и погребенъ на Щеквицѣ.

Въ Бѣлой Церкви я прожилъ ровно два года. Хотя жить мнѣ было тамъ хорошо, расположеніемъ общимъ я пользовался, но оставаться надолго мнѣ тамъ не хотѣлось. Привлекательный во всѣхъ отношеніяхъ Кіевъ невольно тянулъ къ себѣ. Я узналъ, что открылось мѣсто законоучителя въ Кадетскомъ корпусѣ; подалъ прошеніе; но мнѣ предпочтенъ былъ старшій меня по службѣ и пользовавшійся доброю репутаціею священникъ магистръ П. А. Троцкій, служившій при Воскресенской печерской церкви. Я изъявилъ согласіе занять его мѣсто и Митрополитъ Арсеній охотно перевелъ меня въ Кіевъ. Это было въ августъ 1869 года.

2. Служеніе мое въ Кіевѣ.

Священникъ Павелъ Антоновичъ Троцкій занималъ мѣсто, кромѣ Воскресенской церкви, при Кіево-Подольской гимназій и въ нѣмецкомъ училищѣ законоучителя. Эти мѣста его и я занялъ. Сначала въ Кіевѣ средства мои были довольно скудныя, особенно судя по дороговизнѣ его, сравнительно съ Бѣлою Церковію; но всетаки жить можно было; съ теченіемъ же времени средства мои значительно увеличились, но и трудовъ было у меня много.

1. Въ Воскресенской церкви и мои отношенія къ Лаврѣ.

Воскресенская Печерская церковь находится вблизи Лавры, приходская; но приходъ былъ маленькій и находился около Ольгинской церкви, далеко отъ Воскресенской. Кромѣ двухъ мѣсяцевъ апрѣля и мая въ Воскресенской церкви причту дѣлать было нечего. Въ апрѣль и май, когда бываетъ великій приливъ богомольцевъ въ Лавру, довольно бываетъ труда и въ Воскресенской церкви: служба бываетъ ежедневная и почти цѣлдневная. Для богомольцевъ, кромѣ литургіи, вечерни и утрени, служатся молебны, панихиды, водосвятіе, совершается исповѣдь и читаются правила къ Причастію. Этотъ двухмѣсячный трудъ, давалъ кусокъ хлѣба причту на цѣлый годъ (я получалъ дохода до 600 руб. и 400 руб. казеннаго жало-

ванья). Жилъ я одинъ годъ на дворѣ церковномъ, въ плохой, а главное—скрыой квартирѣ; въ ней скончался мой сынъ Владиміръ; за тѣмъ я нанялъ себѣ квартиру на Печерскѣ, по Рѣвницкой улицѣ, въ домѣ баронессы Пиллеръ фонъ-Пильхау. Этотъ домъ я чрезъ годъ приобрѣлъ въ собственность. Воскресенская церковь довольно красивая, обширная; построена въ XVI столѣтіи. Сравнительно съ богатствомъ и великолѣпіемъ Лавры, она конечно незамѣтна. Но я именно тѣмъ былъ доволенъ; и теперь съ любовію вспоминаю это, что она находилась въблизи Лавры и что я жилъ около этой русской святыни.

Любилъ я Кіево-Печерскую святую обитель. Бывало, отслуживши обѣдню въ своей церкви, я шелъ къ поздней литургіи въ Великую Лаврскую церковь. Любилъ слушать лаврскихъ братскихъ пѣвчихъ и лаврскій напѣвъ. Съ наслажденіемъ я слушалъ Лаврскую Херувимскую и Славословіе, „Слава въ вышнихъ Богу“—кіевского напѣва. Нерѣдко бывалъ по средамъ на акаѳистѣ Успенію Божіей Матери. Часто я гулялъ въ лаврскихъ садахъ; у колодцевъ преподобныхъ Антонія и Θεодосія, отдыхалъ подъ тѣнью вѣковыхъ деревьевъ, находящихся въблизи сихъ колодцевъ. Въ опредѣленные времена года посѣщалъ я лаврскія пещеры и поклонялся св. угодникамъ кіево-печерскимъ. Не разъ бывалъ на Лаврской колокольнѣ и обозрѣвалъ окрестности Кіева; бывалъ въ лаврской ризницѣ, бібліотекѣ и типографіи; посѣщалъ лаврскія дачи: Голоубево и Китаево, собѣдніе монастыри—Выдубицкій и Троицкій. Чрезъ все это я хорошо изучилъ Лавру и, при помощи іеромонаха Нектарія, написалъ „Путеводитель по святымъ Кіево-Печерской Лавры“ для богомольцевъ, чтобы книжка эта продавалась какъ можно дешевле. Митрополитъ Арсеній благодарилъ меня за эту книжку и предложилъ мнѣ пожертвовать ее Лаврѣ; я пожертвовалъ; но Соборъ Лавры выдалъ мнѣ 200 руб. Книжка моя продается по 16 коп., уже выдержала до десяти изданій.

Кромѣ священническаго мѣста при Воскресенской церкви, для увеличенія своихъ средствъ къ жизни, я нѣсколько времени преподавалъ Законъ Божій православнымъ дѣтямъ въ нѣмецкой школѣ. Но объ этой школѣ, равно какъ и о пансіонѣ въ Владѣрковомъ, гдѣ я тоже преподавалъ Законъ Бо-

жій дѣвицамъ, довольно одного упоминанія. Гораздо важнѣе то, что, состоя на службѣ въ Кіевѣ, я былъ законоучителемъ въ Кіево-Подольской прогимназіи, въ Кіевской военной (нынѣ Кадетскій корпусъ) гимназіи, Епархіальномъ женскомъ училищѣ и Настоятелемъ церкви и законоучителемъ въ Кіевскомъ Институтѣ благородныхъ дѣвиць.

2. Въ Кіево-Подольской прогимназіи.

При переходѣ изъ Бѣлоцерковской гимназіи въ Кіевъ, къ Воскресенской церкви, я совместно просилъ опредѣлить меня законоучителемъ въ Кіево-Подольскую (находящуюся въ нижней части Кіева, на Подолѣ) прогимназію, гдѣ жалованья законоучителю полагалось 800 рублей. Просьба моя была уважена. Для разъѣздовъ по заведеніямъ, находившимся въ разныхъ частяхъ города, я обзавелся лошадью и крытыми дрожками. Подоль отъ Печерска отстоитъ почти на пять верстъ. Въ прогимназіи я бывалъ три раза въ недѣлю. Четыре года я былъ законоучителемъ въ прогимназіи; при мнѣ было въ ней два инспектора—добрый старичекъ Штефанъ и умный Саковичъ. Я пользовался полною любовью и уваженіемъ въ прогимназіи, ученики были преданы мнѣ. Бывало только я приѣду на урокъ, всѣ ученики, находившіеся на дворѣ, бросаютъ свои игры, закричатъ „батюшка, пріѣхаль“ и бросаются ко мнѣ, берутъ благословеніе и цѣлуютъ руки. Нерѣдко я бывалъ ихъ судьей, за нравственные проступки и разбиралъ ихъ ссоры. Сослуживцы мои были все люди молодые и дѣльные, но нѣкоторые маловѣрующіе. Въ прогимназіи у меня была прекрасная бібліотека книгъ религіозно-нравственнаго содержанія для учениковъ. Родители не жалѣли давать деньги своимъ дѣтямъ на книги для моей бібліотеки. Начало этому добродѣлю положилъ еще предшественникъ мой законоучитель о. П. А. Троцкій. Въ прогимназіи учениковъ было болѣе 300 человекъ; но половина—были евреи. Оставилъ я службу въ прогимназіи, по назначеніи меня въ Крымъ ректоромъ Таврической семинаріи. Сослуживцы проводили меня съ честію. Прощальную рѣчь говорилъ мнѣ учитель русскаго языка А. В. Старковъ. А благодарность отъ всей прогимна-

зи выразилъ мнѣ въ особомъ отношеніи Инспекторъ А. А. Соковичъ. Я приведу здѣсь это отношеніе и рѣчь Старкова.

„Милостивый Государь Александръ Дмитриевичъ!

„Общество нашихъ товарищей по службѣ поручило мнѣ обратиться къ Вамъ съ покорнѣйшею просьбою почтить своимъ посѣщеніемъ нашъ братскій вечеръ, устраиваемый въ память тѣхъ теплыхъ отношеній, которыя Вы сумѣли усановить и поддерживать со всѣми товарищами въ теченіе Вашей службы въ нашемъ заведеніи...

„Пользуюсь случаемъ, чтобы лично отъ себя выразить Вамъ чувства глубочайшаго уваженія и благодарности за Вашу истинно гуманную, просвѣщенную и вполне добросовѣстную службу на пользу нашего юнаго заведенія. Думаю, что память о Вашей благотворной дѣятельности надолго сохранится въ нашемъ заведеніи и будущіе дѣятели помянутъ Васъ такимъ же теплымъ словомъ, какъ и мы живые свидѣтели Вашей дѣятельности.

„Позвольте выразить надежду, что разставаясь съ нашимъ заведеніемъ, Вы оставляете при насъ Ваши симпатіи и пожеланія полного успѣха нашему заведенію, а также помянете добрымъ словомъ людей, искренно преданныхъ Вамъ“.

„Съ чувствомъ глубокаго уваженія и преданности Вамъ имѣю честь быть и проч.“.

Инспекторъ Прогимназіи А. Соковичъ.

№ 178, 1878 г. мая 1.

Согласно сему приглашенію, общество товарищей устроило вечеръ въ честь меня, на который пригласило и нѣкоторыхъ почетныхъ гостей, наприм. семейство помощника попечителя М. А. Тулова и др.

При оставленіи мною службы при Бѣлоцерковской гимназіи, общество товарищей во главѣ съ директоромъ М. К. Чалымъ тоже дѣлало мнѣ небольшой прощальный вечеръ. Прощальную рѣчь, исполненную признательности и благодарности мнѣ, говорилъ самъ Директоръ. Я былъ ему очень благодаренъ. Прощальное собраніе было въ квартирѣ Инспектора Ѳ. А. Токарскаго.

Черезъ нѣсколько дней я пригласилъ къ себѣ на вечеръ всѣхъ сослуживцевъ по Кіево-Подольской прогимназіи и нѣкоторыхъ другихъ близкихъ ко мнѣ лицъ. Вечеръ прошелъ задушевно. За ужиномъ, неожиданно для меня, всталъ учитель словесности А. В. Старковъ (нынѣ директоръ Кіевской Подольской гимназіи) и произнесъ слѣдующую рѣчь:

„Мм. Гг. Опять мы собрались всѣ, но не въ гимназіи уже! Собрались, чтобы въ товарищескомъ кружкѣ провести вечеръ съ тѣмъ же изъ нашихъ сослуживцевъ, къ которому каждый изъ насъ питаетъ любовь и уваженіе. Мнѣ кажется, что, сказавъ слово „каждый изъ насъ“, я не ошибся въ этомъ. Относительно же себя лично я вправѣ былъ бы меньше всѣхъ узнать Ал. Дм., такъ какъ на мою долю пришлось служить съ нимъ для одной и той же цѣли очень и очень недолго. И въ самомъ дѣлѣ, знаніе человѣка вполне, а особенно въ короткое время, нелегко, хотя однако возможно. Но если я позволю себѣ въ присутствіи Ал. Дм. и Вася всѣхъ высказать свое мнѣніе о немъ,—то это, благодаря тому, что Ал. Дм. не любитъ маскироваться и быть инымъ, чѣмъ есть на самомъ дѣлѣ. Откровенность, простота въ обращеніи, добросовѣстное отношеніе къ дѣлу; скажу больше: сознаніе собственного достоинства, а слѣдовательно и отсутствіе того печальнаго явленія, которымъ вчастую заражено человѣчество. Я хочу сказать о принаравливаніи, или приспособленіи ко взглядамъ начальства и заискиваніи у него. Вотъ отличительная черта Ал. Дм., которую я могъ замѣтить въ такой короткій періодъ совместной вашей службы. И послѣ этого, какъ не пожалѣть о такомъ человѣкѣ. Но, теряя въ лицѣ Ал. Дм. друга и товарища общаго дѣла, я могу себя лично утѣшить только тѣмъ, что путь, предназначенный для него, волилъ по немъ и что какъ воспитанника, такъ и будущіе его сослуживцы, найдутъ въ немъ теплое сочувствіе въ дѣлѣ труда и полюбятъ его также искренно и горячо, какъ и мы. Теперь же, провозглашая тостъ за Ал. Дм., я съ гордостію всегда и вездѣ могу сказать, что служилъ съ А. Дм. Бранцевымъ“.

А. Старковъ.

3. *Въ Епархіальномъ женскомъ училищѣ.*

Кромѣ прогимазіи, по переходѣ въ Кіевъ, мнѣ предложили уроки по Закону Божію въ Кіевскомъ Епархіальномъ женскомъ училищѣ за небольшое вознагражденіе, время свободное у меня было и я принялъ оное. Четыре года я преподавалъ Законъ Божій въ семь училищѣ, сперва въ трехъ классахъ—двухъ среднихъ и старшемъ, а потомъ въ одномъ старшемъ классѣ. Въ старшемъ классѣ я преподавалъ церковную исторію и въ остаточное свободное классное время читалъ псалтирь съ краткими поясненіями. Последняго желалъ Митрополитъ Арсеній. Хотя во всѣ четыре года я пользовался малою платою отъ училища, но не удостоивался никакого вниманія начальства; причиною тому были недружелюбныя отношенія ко мнѣ распорядителя училища, протоіерея П. Г. Лебединцева, вопреки желанію котораго я былъ переимѣненъ въ Кіевъ; но службу въ семь училищѣ я вспоминаю съ удовольствіемъ. Я любилъ училище и меня любили тамъ. Училище было весьма благоустроено, обширно, чисто. Начальница Ал. Кир. Станиславская была женщиною съ авторитетомъ, распорядительная. При училищѣ хорошій садъ; самое мѣсто училища прекрасное, въ лучшей части города „*Липкахъ*“. Недалеко отъ училища царскій дворецъ, домъ генераль-губернатора, губернатора командующаго войсками, а потомъ вблизи была и квартира Вел. Княгини Александры Петровны ¹⁾. Успѣхи моихъ воспитанницъ были отличныя: время въ училищѣ я проводилъ всегда съ пользою и удовольствіемъ. И тѣни никакой непріятности у меня тамъ никогда не было. О. Распорядителя старался я рѣже видѣть. Среди учителей многіе были люди весьма дѣльные: проф. Терновскій Ф. А., А. М. Воскресенскій, Х. М. Орда ²⁾, протоіерей Каменскій, Н. С. Нагайскій и др. На выпускъ воспитанницъ въ училищѣ бывалъ Митрополитъ Арсеній и многіе почетные посѣтители.

¹⁾ Впоследствии Вл. Кн. устроила Покровскій монастырь и переселилась въ оный на другой конецъ города.

²⁾ Епископъ Ириней, скончался въ Орлѣ.

4. Въ Кадетскомъ корпусѣ.

Вскорѣ, по переходѣ моемъ въ Кіевъ, въ началѣ сентября 1869 г., меня пригласили преподавать Законъ Божій въ Кіевскую Валандимірскую военную гимназію (нынѣ Кадетскій корпусъ) въ качествѣ втораго законоучителя, сверхъ штата. Я взялъ 12 уроковъ въ недѣлю за 800 руб. жалованья въ годъ. Штатнымъ законоучителемъ тамъ былъ предшественникъ мой по Воскресенской церкви священникъ П. А. Троцкій. И здѣсь я преподавалъ Законъ Божій около четырехъ лѣтъ. Кадетскій корпусъ находится за городомъ, на юго-западной сторонѣ, около Одесской желѣзной дороги, въ роцѣ; мѣстность прекрасная; корпусъ великолѣпный—четыре-этажный, каменный, прекрасной архитектуры. Въ немъ я бывалъ три раза въ недѣлю. Уроки занималъ я въ среднихъ классахъ. Надо было имѣть особенное умѣнье, тактъ и силу воли, чтобы воспитанниковъ держать въ рукахъ. Кадеты были—народъ смѣлый и шаловливый. Слабохарактернымъ наставникамъ и воспитателямъ съ ними трудно управляться. При мнѣ нѣкоторые учителя положительно уходили изъ класса отъ буйныхъ учениковъ, таковы—фр. яз. Ж—съ; нѣм. яз. В—ль; географіи—Г—ій и др. Я хорошо зналъ характеръ своихъ будущихъ питомцевъ; а потому и принялъ мѣры: рѣшился быть строгимъ въ своихъ требованіяхъ и справедливымъ въ отношеніи воспитанниковъ и въ то же время участливымъ, въ надеждѣ, что они поймутъ и оцѣнятъ меня. Такъ и случилось. Безъ всякой борьбы я овладѣлъ своими учениками. На урокахъ былъ строгъ и справедливъ; шалости были немислимы; послѣ урока, я позволялъ ученикамъ обращаться ко мнѣ за совѣтами; бесѣдовалъ съ ними и иногда дѣлалъ прогулки въ паркѣ. Такого рода отношенія—привязали воспитанниковъ ко мнѣ. Они открыто выражали свою любовь ко мнѣ и цѣлыми классами просили меня, чтобы я каждаго изъ нихъ называлъ „ты“, а не „вы“. Особенное вліяніе на воспитанниковъ сказывалось во время ихъ говѣнья. На исповѣди они бывали у меня благоговѣйны и откровенны. Многіе по два и по три раза подходили къ исповѣди, стараясь приобщиться Св. Таинъ безгрѣшными и чтобы не забыть ни

одного грѣха, особенно важнаго. Бывало умилительно смотрѣть, когда я подъѣзжалъ къ корпусу, а у воспитанниковъ бывала большая перемяна уроковъ и рекреція, и они гуляли въ паркѣ, замѣтивъ меня подъѣзжающимъ, всѣ бросались съ словами: „батюшка ѣдитъ“ и цѣловали у меня руки. Для сторонняго зрителя эта картина была бы поразительна, но для меня, воспитанниковъ и для служащихъ въ то время, она приглядѣлась и дѣлалась обыкновенною. Словомъ, успѣхъ мой въ Кадетскомъ корпусѣ былъ полный. Живя внѣ корпуса, я не входилъ въ близкія отношенія съ служащими; только дружественно жилъ съ товарищемъ по предмету О. П. Троцкимъ ¹⁾. Это человекъ прекрасный, магистръ Кіевской Академіи, старше меня по ученію на 6 лѣтъ, религіозный и теплой души; отзывчивый на всякое доброе дѣло. Хорошій семьянинъ, къ нему я часто заходилъ завтракать, отдохнуть и побесѣдовать.

5. Въ Институтъ благородныхъ дѣвицъ.

Спустя три года послѣ перехода моего въ Кіевъ, мнѣ предложено было занять мѣсто священника и законоучителя въ Кіевскомъ Институтѣ благородныхъ дѣвицъ, съ оставленіемъ при Кіево-Печерской Воскресенской церкви. Дѣло было такъ:

Въ 1872 г., осенью, Кіевъ посѣтила Ея Величество Императрица Марія Александровна. Посѣтила Она и Институтъ. При этомъ спросила Начальницу Института о законоучителѣ. Начальница выразила желаніе о перемѣнѣ его. Государыня спросила начальницу: „имѣеть-ли она кого въ виду?“ Начальница упомянула обо мнѣ, но, при этомъ прибавила, что у меня много занятій и Митрополитъ уже ей отказалъ въ перемѣщеніи меня въ Институтъ. Императрица сказала: „Я буду просить Сама Митрополита“. На другой день у Ея Величества во дворцѣ былъ завтракъ; Митрополитъ Арсеній сидѣлъ по правую руку Государыни. За столомъ Она обратилась ко Владыкѣ. „у Меня къ Вамъ просьба—перевести въ Институтъ священника, котораго желаетъ Начальница“. Послѣдняя здѣсь же находилась и произнесла мою фамилію. На слѣдую-

¹⁾ Окончался.

щій день рано утромъ Митрополитъ прислалъ за мною и сказалъ мнѣ: „я не желалъ Васъ переводить въ Институтъ, потому, что у васъ довольно дѣла и къ тому же вы вдовецъ. Но вчера Сама Императрица просила о переводѣ Васъ, я далъ согласіе; теперь идите въ Институтъ. Я думалъ предложить Вамъ принять монашество, но Институтъ не помѣшаетъ, если Вы пожелаете“. Я отвѣтилъ, что теперь и противъ монашества я ничего не имѣю“. „Вотъ и хорошо: Богъ все устроитъ“. Немедля меня перевели въ Институтъ, а на мое мѣсто въ Воскресенскую церковь—моего товарища по Академіи Священника Михаила Линчевскаго. При этомъ переводѣ, прочія законоучительскія должности, кромѣ нѣмецкой школы, я удержалъ за собою.

Немного мнѣ пришлось служить въ Институтѣ, съ декабря 1872 по іюнь 1873 г. Но и въ это малое время я сроднился съ Институтомъ и любилъ его. Вліяніе мое на Институтъ было большое. Начальница А. А. Родзянко, Инспекторъ Ив. П. Хрущевъ, членъ Совѣта Н. Вик. Куницкій, всѣ классныя дамы и воспитанницы были ко мнѣ расположены. До меня въ Институтской церкви воспитанницы не присутствовали за всеобщими въ воскресные и праздничные дни. Я просилъ Начальство ввести хожденіе воспитанницъ ко всеобщимъ, а воспитанницы охотно разучили всю всеобщую и шѣли прекрасно. Вообще все мое вниманіе обращено было на богослуженіе и, по истинѣ, оно было красою Института. Усердіе воспитанницъ было неограниченное. Часто я говорилъ поученія въ церкви—краткія и на память. Особенно сказалось мое вліяніе на Институтъ во время Великаго Поста, во дни говѣній всѣхъ живущихъ въ Институтѣ. Я никогда не забуду богослуженій, отправляемыхъ въ Институтской церкви, въ великіе дни Страстной седмицы: пѣніе превосходное, усердіе къ церкви, благоговѣнное стояніе—все это производило умиленіе и давало особенный религіозный характеръ всему Институту. Я помню, что воспитанницы не отходя ни днемъ, ни ночью, по очереди добровольно, читали Евангеліе предъ Плащаницею со времени выноса Ея, до Пасхальной утрени. На торжественномъ актѣ, въ присутствіи Митрополита Арсенія, въ годичномъ отчетѣ

Инспекторъ съ одобрительной стороны о мнѣ распространился. Митрополитъ мнѣ замѣтилъ: „преувеличено, ты мало здѣсь былъ и многого не могъ сдѣлать“... Я отвѣтилъ Владыкѣ: „я не зналъ, что въ отчетѣ будетъ говорить о мнѣ Инспекторъ“. А говорилъ онъ потому, что я уже получилъ назначеніе на должность Ректора Семинаріи въ Крыму. Изъ служащихъ при мнѣ въ Институтѣ я съ почтеніемъ вспоминаю Начальницу А. А. Радзянко; женщина умная и добрая; она была истинная мать для воспитанницъ; онѣ любили ее безгранично. Далѣе—добрая и умная была ея помощница А. Д. Сенаторская, и др. Когда моя дочь подросла, я не на минуту не задумался отдать ее на воспитаніе этимъ почтеннымъ лицамъ.

6. *Моя семейная жизнь въ Кіевѣ.*

Выше я кратко сказалъ о своемъ сватовствѣ и о бракѣ. Въ томъ и другомъ нельзя не видѣть особеннаго дѣйствія Промысла Божія въ назначеніи мнѣ подруги жизни—направляющаго жизнь мою къ особымъ цѣлямъ, касающимся служенія Церкви Божіей въ санѣ иноческомъ. Не продолжительна была моя семейная жизнь. Въ Бѣлой Церкви мы счастливо и спокойно прожили два года. Богъ далъ намъ сына Владиміра. Въ Кіевѣ семейною жизнію мы прожили тоже съ небольшимъ два года. Первая наша квартира была при Воскресенской церкви плохая, тѣсная и сырая. Въ ней умеръ нашъ сынъ Владиміръ. На весну 1870 г. я нанялъ себѣ квартиру на Печерскѣ—на Рѣвницкой улицѣ въ домѣ Баронессы М. Т. Пиллеръ-фонъ-Пильхау; черезъ годъ я этотъ домикъ купилъ и opravилъ. Въ это время у насъ родилась дочь Анна. Самѣй домъ мы отдали въ наемъ, а сами перешли во флигель, чистый, уютный и съ садикомъ. Средства къ жизни наши были вполне достаточны. Жизнь наша была вполне счастливая, хотя трудовая для меня: ежедневно я выѣзжалъ на уроки въ 7½ часовъ утра и возвращался домой около 5-ти часовъ по полудни. Но, скоро послѣ рожденія дочери, оказалась болѣзнь моей жены, сведшая ее въ могилу.

Вообще моя покойная жена Марія Георгіевна была слабого здоровья. Въ продолженіе нашей четырехлѣтней супружеской

жизни она постоянно лечилась. Но въ послѣдній годъ она значительно стала слабѣе, и именно съ сентября. Съ трудомъ я заставилъ ее лечиться у лучшихъ кievскихъ докторовъ, но они уже не остановили ея болѣзни. До Рождества Христова я еще не думалъ, что дни ея сочтены. Но по разнымъ предчувствіямъ, а можетъ быть и по сознанію слабости своего здоровья, она иногда говорила „должно быть я нынче умру“. Первый разъ на святкахъ я сказалъ своему сосѣду, протоіерею Іоанну Григ. Антонову, что Марія Егоровна не выздоровѣетъ, потому, что она какъ цвѣтъ увядаетъ. Но онъ мнѣ на это отвѣтилъ: „Господь съ вами, что вы это?!“... Послѣ этого мы иногда съ своею женою говорили о смерти. Иногда вмѣстѣ плакали. Въ концѣ января, до половины феврала 1872 г. я былъ боленъ ревматизмомъ, она усердно за мною ухаживала и даже, однажды, въ ясный день ѣздила со мною къ доктору Хрженжевскому. Помню, однажды мы сидѣли съ Марією Егоровною на диванѣ и говорили о ея смерти; она съ вѣрою и великодушно заговорила о приготовленіи къ смерти, о мѣстѣ для погребенія, объ одѣяніи, гробѣ и погребеніи. Я все это исполнилъ. И потомъ мы не разъ говорили о смерти; только когда она уже слегла въ постель, о смерти перестала говорить, а все надѣялась поправиться. Тяжелы и грустны были тѣ бесѣды наши: но онѣ подготавливали меня къ ея смерти, а ее подготовили къ христіанской кончинѣ. На масляной недѣлѣ она не только еще ходила, но даже угощала гостей, хотя была уже очень слаба и блѣдна; окончательно она слегла въ постель на первой недѣлѣ Великаго Поста, въ четвергъ. Въ этотъ день я поѣхалъ на урокъ въ военную гимназію, оставивъ Марію Егоровну въ постелѣ. Вообще же она рано вставала, готовила мнѣ чай и въ здоровомъ состояніи иногда ходила на базаръ за провизією. Пріѣхавши въ этотъ день съ уроковъ въ три часа, я нашелъ ее въ постолѣ, что меня сильно поразило, такъ что она замѣтила мое смущеніе и въ утѣшеніе сказала: „ты не безпокойся, я такъ сегодня не вставала, потому что, при боли желудка, совѣтуютъ лежать, но я могу встать и ходить по прежнему“. Я не могъ перенести этихъ словъ, вышелъ въ другую комнату, не показавши ей своихъ

слезъ, а въ душѣ подумалъ, что больше не встать ей... Съ пятницы на субботу той же недѣли ей сдѣлалось очень плохо. Тяжела была для меня эта ночь! Я предложилъ ей, не говоря о тяжеломъ положеніи, что „завтра, т. е. въ субботу, многіе говѣютъ; нежѣшало бы и тебѣ поговѣть“; она согласилась, я тотчасъ далъ знать своему сосѣду прот. Антонову. На завтра, послѣ литургіи, онъ поисповѣдалъ ее и приобщилъ Св. Таинъ. Она была весела и я доволенъ. Въ воскресенье—въ недѣлю Православія, у насъ много было посѣтителей; былъ и тестъ о. Георгій Ивановичъ Соловьевъ. Далѣе недѣли три болѣзнь Маріи Егоровны незамѣтно шла впередъ. Оплакивая ея послѣдніе дни, я старался доставить ей мирную христіанскую кончину. Посовѣтывалъ ей пособороваться, проведши ту мысль, что Елеосвященіе имѣетъ цѣль не только приготовленія къ смерти, но и выздоровленія. Она сама по требнику увѣрилась въ моихъ словахъ, прочитала обрядъ Елеосвященія и немедленно пожелала особороваться. Три сосѣда—прот. І. Гр. Антоновъ, свящ. К. Іоан. Омоенко и мой помощникъ, священ. Онуф. Пет. Ольшанскій совершили надъ нею Таинство Елеосвященія. Она усердно молилась... Прояснилась погода, запахло весною, ей какъ будто сдѣлалось лучше; она повеселѣла. Но болѣзнь дѣлала свое дѣло. На Благовѣщеніе я ее самъ приобщилъ Св. Таинъ во второй разъ; въ исповѣди не было нужды; тогда же я приобщилъ и свою малютку—дочь. Скоро послѣ того; пріѣзжалъ батюшка-тестъ провѣдать больную; меня дома не было; онъ дождался меня, и при мнѣ навсегда простился съ дочерью. Далѣе начались дни весенніе—прекрасные; но здоровье Маріи Егоровны быстро ухудшалось; она сдѣлалась опасно больною; я взялъ увольненіе на время отъ уроковъ. Во время ея болѣзни по ночамъ я былъ при ней, а днями при ней находилась ея сестра Нина. Предъ Вербнымъ Воскресеніемъ ей сдѣлалось очень плохо. Наканунѣ праздника я спрашивалъ ее: какой завтра праздникъ? Она отвѣтала: „Входъ Господень во Іерусалимъ“; а въ то воскресенье? „Свѣтлое Христово Воскресеніе“, и при этомъ прибавила „хоть бы мнѣ къ этому празднику сидѣть“. Видимо, не хотѣлось ей умирать. Въ послѣднее время она о смерти не заговаривала и малютку—

дочь равнодушно на глаза не могла принимать. На Вербное Воскресеніе она поисповѣдалась въ другой разъ и приобщилась Св. Тайнъ въ третій и послѣдній разъ. Плоха она сдѣлалась и пищи почти не принимала. Ясно видѣлъ я, что дни ея сочтены; но не терялъ надежды, что она доживетъ до Пасхи. Настала страстная седмица. На душѣ было тяжело. Подъ вторникъ ночью она была необновенно плоха, все металась и не разъ повторяла—„умру я“. Но какъ только я заплачу, она замѣтитъ и рѣзко скажетъ: „что ты плачешь, не плачь!“ Предъ разсвѣтомъ она послала за докторомъ. Въ 7 часовъ утра я спросилъ ее—идти-ли мнѣ въ церковь? Были богомольцы, надо было ихъ исповѣдывать, читать правила, служить часы и литургію. Марія Егоровна сказала: „иди, помолись за меня“ и потомъ прибавила: „возьми меня съ собою“. Это были послѣднія ея слова ко мнѣ. Я пошелъ въ церковь, чрезъ 15 минутъ послѣ моего выхода изъ дома она тихо скончалась въ присутствіи сестры Нины и моего брата Павла Дмитріевича. Мнѣ не дали знать. На обѣднѣ я молился объ ея выздоровленіи. Пришедши домой, я нашелъ уже ее одѣтою и положенною на столъ. Это было 11 апрѣля 1872 г. Моя дорогая покойница пролежала въ домѣ послѣ смерти два дня; въ среду въ 4 часа пополудни ее вынесли въ Ольгинскую церковь, что на базарной Печерской площади. Въ продолженіе этихъ двухъ дней, по моей покойницѣ было отслужено 12 паннихидъ разными священниками, сочувствующими моему горю. Погребеніе совершено было въ четвергъ. Заупокойную литургію и погребеніе совершали инспекторъ семинаріи архимандритъ Виталій (скончавшійся въ санѣ Епископа Калужскаго), игуменъ Николаевскаго монастыря Мельхиседекъ, прот. І. І. Антоновъ; прот. Андр. Петр. Борецкій, священникъ военной гимназіи П. А. Троицкій, доцентъ Академіи священ. Гр. Малеванскій; свящ. Спасской Печерской церкви Кл. Ооменко, Звѣринской церкви свящ. Александръ Радкевичъ; священ. Θεодосіевской церкви Андрей Торонецкій; помощникъ мой свящ. Онуфрій Омшанскій и Смоленской епархіи свящ. о. Прохоръ; было бы и еще много духовныхъ лицъ при погребеніи, если бы тогда

не былъ Великій Четвертокъ, и если бы тогда въ Лаврѣ не совершалось Муровареніе.

Погребена Марія Георгіевна на Аскольдовой могилѣ. Эта историческая и живописная по положенію мѣстность приняла прахъ моей жены. Игуменъ Николаевскаго монастыря, къ которому принадлежитъ Аскольдова могила, уступилъ мнѣ за полцѣны прекрасное мѣсто для могилы, съ котораго видѣны родной домъ моей жены и родная церковь на Подолѣ и открывается широкій и далекій видъ на Запднѣпровье. Когда жива была моя жена, сюда мы не разъ приходили съ нею погулять, посидѣть на лавочкѣ около ея будущей могилы. Тамъ мы любовались запднѣпровскими видами и видами, открывающимися на Подолѣ и дальше къ Межигорью и Вышгороду. Лавочка и теперь стоитъ на томъ же мѣстѣ, а около ней могила и на ней памятникъ въ видѣ колонны, увѣнчанный крестомъ съ надписью: „Марія Егоровна Брянцева; родилась 1847 году, 21 августа, скончалась 1872 г. 21 апрѣля. Царство небесное тебѣ, кроткая дочь, добрая жена и примѣрная мать“. А на другой сторонѣ памятника къ церкви написано: „Прошу всѣхъ и молю, о мнѣ молитесь Христу Богу“. Спустя 12 лѣтъ послѣ смерти Маріи Георгіевны, мнѣ писали уже въ Петербургъ, что памятникъ на могилѣ жены моей наклонился и буквы померкли. Я попросилъ одну добрую и близкую знакомую мнѣ даму О. Н. Л., которая зиму проводитъ въ Петербургѣ, а лѣто въ Кіевѣ, вблизи Лавры и могилы своего мужа героя Русско-Турецкой войны, чтобы она осмотрѣла могилу моей жены и исправила что можно. Усердіе ея переполнило мое желаніе: она передѣлала склепъ въ могилѣ, переставила памятникъ, поволотила буквы и обвела могилу желѣзною рѣшеткою. За это усердіе всегдашняя моя благодарность этой боголюбивой и добродѣтельной женщинѣ.

Послѣ погребенія жены, родные и знакомые зашли въ домъ мой и раздѣлили мою поминальную трапезу. Проводивши ихъ, я пошелъ въ свою Воскресенскую церковь, служилъ утрою Страстей Христовыхъ; читалъ 12 евангелій. О, съ какимъ глубокимъ чувствомъ утѣшенія я читалъ Страстныя Евангелія... Марія Георгіевна была умная женщина; страстно любила чи-

татъ книги и перечитала ихъ множество; читала ихъ съ пониманіемъ, и много знала. Хозяйствомъ любила заниматься, но чужда была женской щепетильности и не придиричива къ прислугѣ. Не любила роскоши, скромно одѣвалась, къ развлеченіямъ не была приучена; хорошо понимала домашнюю медицину, въ сужденіяхъ о болѣзняхъ иногда предупреждала врачей. Сильно привязана была къ дѣтямъ; и днемъ, и ночью неотлучно была при дѣтяхъ. Удивительно была кротка и покорна своему своенравному и въ болѣзненномъ состояніи грозному отцу. Ко мнѣ она привязана была и своему отцу и сестрамъ называла свою жизнь счастливою. Сынъ нашъ Владиміръ умеръ 7 мѣсяцевъ и погребенъ на Щековицкомъ кладбищѣ, недалеко отъ бабушки Ал. Авер. Соловьевой, матери покойной жены. Въ концѣ третьяго года нашей супружеской жизни (1871 г. 10 января) Богъ далъ намъ дочь Анну.

Р ъ Ч Ъ,

сказанная при погребеніи моей жены законоучителемъ военной гимназіи, свящ. П. А. Троцкимъ.

„При гробѣ жены, молодой жены, доброй матери и при томъ жены священника есть надъ чѣмъ подумать; и надъ тобою, почившая, нельзя не призадуматься.

Не добро быти единому человѣку на земли. изрекла Премудрость Божія еще въ началѣ бытія человѣка, сотворимъ ему помощника по нему,—и вотъ создается по волѣ Божіей, жена. Ева—мать жизни, помощница, подруга и утѣшительница мужа. Что ни говорите о такъ называемыхъ несчастныхъ супружествахъ, несоотвѣтствующихъ своему назначенію, а жена всетаки остается матерію жизни, помощницею, подругою и утѣшительницею жизни мужа, ничѣмъ и ни кѣмъ незамѣнимою, и потеря жены, этого друга жизни, для мужа горе, тяжкое горе. Это горе тѣмъ тяжелѣе для тебя, собратъ мой, что ты лишился друга твоей жизни въ такихъ раннихъ лѣтахъ, что лишился въ ней матери твоей малютки; лишился такой дорогой подруги, какою была твоя супруга, что ты лишился подруги жизни, будучи пастыремъ и священникомъ.

Всего около пяти лѣтъ (4 года и 2¹/₂ мѣсяца, 21 января 1868 г.—11 апрѣля 1872 г.) прожилъ ты жизнью семьянина, отца семейства; только что вы свили себѣ свое семейное гнѣздо, только что жизнь стала улыбаться вамъ, какъ вы сами выражались, и вотъ счастливая жизнь ваша семейная разстраивается, семейное гнѣздо рушится, молодое много общающее супружество разрывается. Какъ бы для воспоминанія о семейномъ горѣ осиротѣвшему отцу оставляется дитя безъ матери. Плачь и слезы его будутъ долго, долго самую жгучую болью отзывать въ сердцѣ осиротѣвшемъ. Гдѣ моя мать? скажетъ бѣдная сиротка, если Богъ дастъ ей возрасти до первыхъ проблесковъ сознанія. Нѣтъ у меня матери, скажетъ потомъ эта сиротка, когда Богъ приведетъ ей расти въ кругу своихъ сверстницъ, испытывающихъ материнскія ласки. Какова была моя мать? расскажите мнѣ, станетъ она спрашивать у отца и у другихъ ближнихъ, въ минуты глубокаго раздумья, и всѣ эти вопросы ея какою грустью будутъ отзывать въ ея нѣжномъ сердцѣ, въ сердцѣ ея родителя и окружающихъ?... Мать! зачѣмъ оставляешь такъ безвременно твою дочь малютку? Боже! Зачѣмъ отнимаешь мать у дитяти, не умѣющаго отличить правой руки отъ лѣвой. Зачѣмъ отнимаешь у молодого супруга подругу жизни, которая была для него ангеломъ утѣшителемъ, истинною помощницею въ его не легкой жизни.

Горе твое, осиротѣвшій собратъ мой, уже и въ томъ, что ты лишился "такой" дорогой помощницы твоей, но горе твое еще и въ томъ, что съ этого времени, какъ бы ни устроишь свою жизнь, людскою зазирающей глазь станетъ зорче прельняго слѣдить за твоею жизнію и, пожалуй чего добраго, станетъ видѣть и въ твоей вдовой жизни то, чего въ ней и не будетъ; злоязычныя уста, чего добраго, станутъ распространять на счетъ тебя такія рѣчи, какихъ ты безъ сомнѣнія не будешь заслуживать. Вотъ тебѣ къ одному кресту прибавится еще и другой, отбитый клеветою людскою. Дай Богъ тебѣ силу и умѣнье поставить себя выше всѣхъ этихъ мелочей и дряблѣ житейскихъ.

Но все таки этими и подобными благожеланіями твое горе не облегчается, собратъ. Ты грустишь и плачешь о потерѣ не возвратимой... и плачь!

Но плачь не безутѣшно. Ты священникъ; ты самъ учитель вѣры; покажи теперь на дѣлѣ, что ты вѣришь крѣпко, вѣришь въ мудрый и благой Промыслъ Божій, который въ жизни нашей все направляетъ къ лучшему и изъ зла дѣлаетъ добро; покажи же на дѣлѣ, что ты смотришь на смерть чью бы то ни было не какъ на уничтоженіе, а какъ на перемѣну формы жизни, перемѣну неизбежную—къ лучшему; покажи теперь на дѣлѣ, что ты вѣришь въ достоинство жизни, украшенной добромъ, что о такой жизни нѣтъ нужды много грустить; покажи теперь на дѣлѣ, что ты вѣришь въ таинственную связь душъ, здѣсь живущихъ и туда отходящихъ; покажи здѣсь на дѣлѣ вѣру твою въ загробную встрѣчу душъ родственныхъ между собою и въ вѣчно блаженную жизнь этихъ душъ.

Какъ учителя и проповѣдника вѣры Христовой, мы и не думаемъ утѣшать тебя,—если, только ты нуждаешься въ утѣшеніи нашемъ,—чѣмъ либо другимъ, какъ только святою утѣшительною вѣрою Христовою.

Теперь къ тебѣ моя рѣчь, отходящая отъ насъ. Гради и ты съ миромъ въ свой путь. Твои временные останки съ подобающею честію мы сложимъ въ одной изъ горъ Кіевскихъ, какъ сѣмя для твоего будущаго тѣла, тѣла безсмертнаго. Душа же твоя на празднованіе Страстей Христовыхъ и Пасхи Христовой да грядетъ въ общество небожителей, къ Богу, откуда и вышла. Но не забывай назирать и на нашу грѣшную землю; жоть не часто витай твоимъ таинственнымъ присутствіемъ и любовію вокругъ твоихъ родныхъ, близъ оставленнаго тобою любимаго супруга, и особенно близъ колыбели твоей малютки; будь для ней невидимымъ ангеломъ хранителемъ, когда уже Господь не судилъ тебѣ ласкать ее въ твоихъ материнскихъ объятіяхъ.

За тѣмъ, прости душа, отходящая отъ насъ! Прости до загробнаго свиданія съ тобою! Аминь“.

7. *Заключительныя воспоминанія о Кіевѣ.*

Мнѣ желательно еще вспомнить о нѣкоторыхъ мѣстахъ дорогаго для меня Кіева, лицахъ и событіяхъ, касающихся кіевской жизни.

Когда я жилъ на родинѣ, съ любовію слушалъ рассказы о Кіевѣ и чуть-чуть не далъ обѣщанія поклониться его святынямъ. Но Промыслу угодно было поселить меня въ желанномъ городѣ — сперва поучиться, а потомъ и служить. Но этого мало, мнѣ пришлось жить въ сосѣдствѣ съ Лаврою и ея пещерами, быть настоятелемъ церкви, стоящей подрядъ съ Лаврою, съ восточной стороны ограды коей видны ближнія и дальнія Лаврскія пещеры, съ ихъ садами и церквами. Лавра мнѣ знакома была какъ свой домъ. Не разъ я бывалъ на высокой Лаврской колокольнѣ и любовался окрестностями Кіева; любилъ слушать лаврскій звонъ. Относясь съ великимъ уваженіемъ къ Лаврѣ, съ любовію я велъ знакомство съ нѣкоторою лаврскою братією. Не скрою, многіе изъ нихъ были суровы и горделивы. Но многіе въ высшей степени поучительны и благодѣтельны. Съ любовію вспоминаю я о добромъ намѣстникѣ Лавры о. архимандритѣ Варлаамѣ; врачѣ игуменѣ Филаретѣ; глубоко старцѣ архимандритѣ Веніаминѣ; іеросхимонахѣ Антоніѣ; игуменѣ Нектаріѣ и мн. др. Любилъ я гулять въ окрестности Лавры, по валу, окружающему арсеналь и Лавру и на Печерскомъ плацу. Приснопамятна мнѣ Рѣзницкая улица, гдѣ былъ мой домикъ; любилъ я Ольгинскую церковь и ея настоятеля о. прот. І. Гр. Антонова. Часто ходилъ я на Аскольдову могилу; со смерти жены этотъ историческій, съ прекрасными видами, холмъ сдѣлался мнѣ роднымъ.

Всегда дорогою для меня былъ Кіевскій, Златоверхо-Михайловскій монастырь; онъ первый пріютилъ меня, когда я шриѣхалъ въ Кіевъ. Подъ благословеніемъ св. великомуч. Варвары я держалъ пріемный экзаменъ для поступленія въ Академію. Никогда дорожка моя не прекращалась въ эту св. обитель, когда я жилъ и бывалъ въ Кіевѣ.

Всегда былъ и будетъ близокъ моему сердцу Киево-Братскій монастырь съ дорогою Академією, дающею мнѣ высшее образованіе и открывшею мнѣ путь жизни. Ни одинъ праздникъ, ни одно торжество въ Академіи не были опущены мною; я всегда съ любовію стремился туда и старался принять участіе въ торжествѣ своей „alma mater“. При этомъ всегда читалъ и поклонялся чудотворной иконѣ Божіей Матери Киево-Братской.

Съ любовію я присутствовалъ при служеніи по субботамъ акаѣистовъ этой иконѣ, выразительно читанныхъ о. архимандритомъ Филаретомъ, ректоромъ академіи. Нельзя безъ чувства умиленія вспоминать служенія, ежегодно совершаемаго въ семь монастырѣ 31 декабря, когда поминаются основатели, благодѣтели, начальствовавшіе, учившіе и учившіеся въ Кіевской Академіи. Заупокойное служеніе, проповѣдь, приличная случаю, поминаемыя имена, все это переносило меня въ далекое прошлое историческое.

Въ 1869 г. 22 сентября Академія праздновала свой 50-ти лѣтній, или лучше— болѣе 300 лѣтній юбилей своего существованія. И я былъ участникомъ этого великаго торжества. Между прочими приготовленіями въ Академіи къ этому торжеству, приснопамятный о. ректоръ архим. Филаретъ украсилъ конгрегаціонную академическую залу портретами, числомъ до 200 лицъ, имѣвшихъ отношеніе къ древнему Богоявленскому братству, его школѣ, къ старой и новой Кіевской Академіи. Въ этихъ портретахъ представлена исторія въ лицахъ не только Академіи, но и всего юго-западнаго края и южно-русской Церкви. Прекрасный памятникъ ректорства о. архим. Филарета! Изъ Кіевскихъ общенародныхъ религіозныхъ торжествъ особенно замѣчательнъ крестный ходъ, совершаемый 15 іюля въ память крещенія Св. Владиміромъ Кіевлянъ. Это торжество бываетъ великолѣпно. Совершаются крестные ходы изъ Лавры, изъ Братскаго монастыря, изъ Софійскаго собора и Десятинной церкви ¹⁾. Всѣ эти ходы соединяются около Днѣпра у памятника—крещальни Владиміра. По окончаніи молебна, всѣ крестные ходы возвращаются своєю дорогою. Торжество бываетъ вполне достойное воспоминаемаго событія. Память учрежденія его принадлежитъ извѣстному ориенталисту и археологу М. Н. Муравьеву и Митрополиту Арсенію. Другое общенародное религіозное торжество бываетъ 6 января, когда совершается крестный ходъ изъ Братскаго монастыря на Днѣпръ.

Я сдѣлалъ бы большой пропускъ въ описаніи своей жизни въ Кіевѣ, если бы не сказалъ хотя нѣсколько словъ о тѣхъ

¹⁾ Т. е. изъ Печерска, Старога Кіева и Подолы— всѣхъ частей г. Кіева.

лицахъ, которыя вліяли на ходъ моей жизни и имѣли то или другое отношеніе ко мнѣ, во время пребыванія моего въ Кіевѣ. Изъ таковыхъ лицъ первое мѣсто въ моихъ воспоминаніяхъ о Кіевѣ справедливо долженъ занять приснопамятный Высокопреосвященный Митрополитъ Арсеній. Первый разъ я увидѣлъ этого святителя скоро по приѣздѣ моемъ въ Кіевъ въ августѣ 1863 года. Я пошелъ въ Лавру поклониться святынь; тамъ узналъ, что въ Великой Лаврской церкви будетъ служить литургію Митрополитъ. Я пожелалъ видѣть встрѣчу его, и видѣлъ, хотѣлъ подойти подѣ благословеніе, но меня не допустили; я наблюдалъ, какъ онъ поклонялся св. мощамъ, почивающимъ въ Великой церкви; потомъ перешелъ я и въ алтарь; слушалъ и наблюдалъ за нимъ всю литургію; послѣ причащенія его и священнослужащихъ Св. Таинъ я удостоился получить отъ него благословеніе, а въ концѣ литургіи слушалъ его проповѣдь, каковую онъ говорилъ долго, но тихо, на память. По старости лѣтъ, сѣдинѣ и согбенности онъ живо напоминалъ мнѣ собою—Тимоея, Архіепископа Смоленскаго. Послѣ того я много разъ видѣлъ его на служеніяхъ въ Лаврѣ, въ Софійскомъ соборѣ и въ Академіи на экзаменахъ и на актахъ. Онъ меня опредѣлилъ священникомъ и законоучителемъ въ Бѣлоцерковскую гимназію. Но лично я сталъ извѣстенъ Его Высокопреосвященству со времени посѣщенія имъ Бѣлой церкви. Затѣмъ въ Кіевѣ, когда я былъ при Воскресенской церкви, онъ иногда удостоивалъ меня названія „сосѣда“. Но ближе меня познакомилъ со Владыкою выполненіе его порученія—составить по консисторскимъ документамъ историко-статистическое описаніе церковно-приходскихъ школъ Кіевской епархіи. (Тогда былъ споръ въ чьихъ рукахъ оставить народное образованіе—духовенства или М. Нар. Просвѣщенія. Митрополитъ Арсеній сильно ратовалъ за власть въ этомъ дѣлѣ духовенства, а Министръ Народнаго Просвѣщенія и Обертъ-Прокуроръ Св. Синода, графъ Дм. Андр. Толстой, настаивалъ за Министерство Народнаго Просвѣщенія). Своею работою я угождалъ Владыкѣ. Послѣ того, когда я овдовѣлъ, Митрополитъ Арсеній разъ спросилъ меня: „не думаю ли я идти въ монахи“? Я отвѣтилъ: какъ Богу угодно; теперь мнѣ все равно; я не

прочь и отъ монашества“. Впослѣдствіи, какъ увидимъ ниже, Владыка припомнилъ мои слова въ Св. Синодѣ. Митрополитъ Арсеній, во время экзаменовъ, на актахъ и другихъ собраніяхъ, былъ весьма разговорчивъ, ласковъ и обходителецъ; многосвѣдущъ и мудръ; до глубокой старости сохранилъ свѣжесть памяти; а потому его продолжительное, многосодержательное и многоопытное прошлое дѣлало бесѣду его интересною и поучительною.

Кромѣ Митрополита Арсенія, въ Кіевѣ соприкасался на минуту съ моею жизнію Преосвященный Серафимъ Аретинскій, бывшій въ мое время въ Кіевѣ Викаріемъ: онъ позволилъ мнѣ пожить и покорчиться въ Михайловскомъ монастырѣ, во время пріемныхъ экзаменовъ, при поступленіи моемъ въ Академію. Но былъ трудно доступный святитель; лично не удавалось бесѣдовать съ нимъ; только разъ въ Братскомъ монастырѣ на аллеѣ я встрѣтилъ его, принялъ благословеніе и поблагодарилъ за хлѣбъ-соль. Высокопреосвященный Серафимъ умный и добрый святитель, любилъ торжественную обстановку, былъ гостепріименъ и хлѣбосоль; но въ дѣлахъ медлителенъ и для просителей недоступенъ. Говорили, болѣзнь заставляла его быть таковымъ ¹⁾).

Въ послѣдній годъ моего ученія въ Академіи я не разъ имѣлъ честь быть у Преосвященнаго Порфирія (Успенскаго), Епископа Чигиренскаго, Викарія Кіевскаго, заступившаго мѣсто Преосвященнаго Серафима. Для курсоваго сочиненія на тему: „Патріархъ Кириллъ Лукарисъ и его заслуги для Православной Церкви“ у Преосвященнаго Порфирія мнѣ пришлось брать нѣкоторыя книги касающіяся моей темы. Моя тема Преосвященнаго занимала; онъ не разъ спрашивалъ меня: „оправдаю ли я Лукариса отъ нареканій относительно его неправославія? Я отвѣчалъ: „надо оправдать; но данныхъ много и „за“ и „противъ“. Сочиненіе мое вышло удачное; я его напечаталъ въ „Странникѣ“ и отдѣльно книжкою. Въ благодарность за источники для составленія своего сочиненія, я поднесъ ему свою книжку. Преосвященный Порфирій посвящалъ меня въ санъ діакона, священника и протоіерея. Этотъ

¹⁾ Скопчался въ санѣ архіепископа Воронежскаго.

святитель былъ въ полномъ смыслѣ ученый мужъ, дѣлами епархіальными не любилъ заниматься и въ управленіи монастыремъ былъ оригиналевъ. Въ приемахъ и обращеніи былъ серьезень и даже суровъ; зналъ цѣву себѣ и не любилъ укаживать, или заискивать сильныхъ міра. Докторъ Эллинской словесности, онъ былъ оріенталпствъ, какихъ мало, и по наружности въ немъ проявлялись приемы восточнаго челоуѣка (грека). Ученые труды его по православному востоку извѣстны всей Россіи. Онъ сдѣлалъ богатые вклады своихъ трудовъ Академіи Наукъ, Императорской Публичной библіотекѣ, Св. Синоду и Археологическому музею при Кіевской Духовной Академіи. Скончался въ Москвѣ въ Донскомъ монастырѣ. Расскажу къ характеристикѣ его два случая изъ его служенія въ Михайловскомъ монастырѣ, когда и я служилъ съ нимъ. На второй день Пасхи 1873 г. я назначень былъ къ служенію съ Преосвященнымъ Порфиріемъ для производства меня въ санъ протоіеря. Послѣ пропѣтія одного (3-го) пасхальнаго часа, служащіе вышли на средину церкви, думая, что сейчасъ начнется литургія. Преосвященный громко сказалъ: „зачѣмъ вышли, идите въ алтарь, а пѣвчіе пусть поютъ шестый часъ“. Мы съ поникшими главами простояли весь 6-й часъ на срединѣ церкви. Тогда же, во время пресуществленія Св. Даровъ за Литургією, я сдѣлалъ земный поклонъ. Владыка громко мнѣ сказалъ: „учителю, и сихъ ли невѣси; отъ праздника Пасхи до Пятидесятницы земныхъ поклоновъ не полагается“. Я ему отвѣтилъ скромно: „прилично времени“. Онъ еще громче крикнулъ мнѣ: „молчать“. Въ алтарь всѣ слышали и губы прикусили. При совершеніи Литургіи, вслѣдъ за пресуществленіемъ Св. Даровъ и предъ причащеніемъ въ Пасхальные дни, я кладу земные поклоны. Такъ дѣлалъ Высокопреосвященный Антоній, Архіепископъ Казанскій; я самъ видѣлъ и онъ же говорилъ: такъ дѣлалъ Митрополитъ Кіевскій Филаретъ. Такъ дѣлалъ Митрополитъ Исидоръ...

Съ благодарнымъ чувствомъ вспоминаю я своего ректора Академіи, впоследствии Епископа Рижскаго, Филарета. Это былъ начальникъ съ крѣпкою силою воли. Въ Академіи онъ зналъ меня отлично. По окончаніи курса мною, онъ рекомен-

довалъ меня на мѣсто законоучителя въ Бѣло-Церковскую гимназію, а когда я перешелъ въ Кіевъ, отрекомендовалъ меня въ нѣкоторые дома высшаго круга для занятія Закономъ Божиимъ съ дѣтьми. При свиданіяхъ былъ ласковъ и обходителенъ со мною и во время академическихъ праздниковъ, приглашалъ меня на хлѣбъ-соль.

Во время академической моей жизни и служенія въ Кіевѣ я имѣлъ честь получать благословеніе отъ покойныхъ святителей: Исидора—Митрополита Петербургскаго, Преосвященнаго Евсевія—Архіепископа и Экзарха Грузіи; Антонія, Архіепископа Владимірскаго; Агаѳангела—Архіепископа Волынскаго; Евсевія—Архіепископа Могилевскаго, Антонія Архіепископа Казанскаго; Дититрія Архіепископа Одесскаго; Антонія Архіепископа Кишиневскаго и мн. др. Всѣ въ Бозѣ почили...

8. Назначеніе и переходъ мой изъ Кіева въ Крымъ на должность Ректора Таврической Семинаріи.

Однажды (осенью 1872 г.) проходилъ я чрезъ Братскій монастырь и встрѣтилъ профессора Академіи А. Д. Воронова, онъ спросилъ у меня: не желаю ли я поступить Ректоромъ во вновь устрояемую Таврическую Семинарію. Я отвѣтилъ: если назначутъ, поѣду. Онъ посовѣтовалъ мнѣ написать письмо Преосвященному Епископу Гурію въ Симферополь. Я написалъ и получилъ отвѣтъ, что на должность ректора новой Семинаріи приглашенъ инспекторъ Московской Академіи архимандритъ Михаилъ, впоследствии Епископъ Курскій ¹⁾, имѣются еще въ виду другія лица и что буду имѣться въ виду и я. При этомъ Преосвященный Гурій совѣтуетъ мнѣ присмотрѣться къ семинарскимъ порядкамъ, приготовить каталогъ книгъ для Семинарской бібліотеки и подыскивать наставниковъ. Какъ будто онъ предвидѣлъ, что я буду назначенъ въ его Семинарію ректоромъ; между тѣмъ, какъ приглашаются на эту должность другіе лица, а я только буду имѣться въ виду. Послѣдствія показали, что Архимандритъ Михаилъ предложенія не принялъ; на должность ректора въ Симферополь былъ представленъ священникъ и законоучитель Коллегіи Га-

¹⁾ Окончался.

лагана въ Кіевѣ И. Т. Экземплярный ¹⁾, а вторымъ кандидатомъ указанъ протоіерей г. Саратова Смѣльскій; въ представленіи этомъ обо мнѣ только упоминалось. Мнѣ это было извѣстно. При такомъ ходѣ дѣла, я не только пересталъ думать о полученіи означеннаго мѣста, но совершенно забылъ о немъ. Такъ было до пятой недѣли Великаго Поста 1873 г. Помню, въ это время у меня болѣло горло; я сидѣлъ дома и не ѣздилъ на уроки, была среда. Пріѣхалъ ко мнѣ студентъ Академіи П. Н. Мочульскій и привезъ выписку изъ Синодальнаго Указа о моемъ назначеніи на должность Ректора въ Таврическую Семинарію. Это было для меня такъ неожиданно, что я прямо счелъ это назначеніе за волю Божію и сейчасъ же обвязался платкомъ и пошелъ въ Лавру помолиться Богу. По средамъ въ Лаврѣ читается акаѳистъ предъ Чудотворнымъ образомъ Успенія Божіей Матери. Нѣсколько раньше туда же пошла матушка моя. Оправившись здоровьемъ, я любопытствовалъ въ Консисторіи прочесть весь указъ: въ немъ говорилось, что, по личнымъ отзывамъ Кіевского Митрополита Арсенія въ Св. Синодѣ, ректоромъ въ Таврическую Семинарію назначенъ священникъ А. Брянцевъ, что же касается священника Экземплярскаго, то, по отзыву основателя Коллегіи Г. Галагана, онъ нуженъ тамъ...

До праздника Пасхи я не дѣлалъ никакихъ приготовленій къ отбыванію въ Крымъ. И до 1-го іюня продолжалъ свои занятія по должности законоучителя во всѣхъ мѣстахъ своей службы. На второй день праздника Пасхи Преосвященный Порфирій посвятилъ меня въ санъ протоіерея (9-го апрѣля). Послѣ Пасхи помаленьку я началъ готовиться къ новой должности. Испросилъ позволеніе у о. ректора Кіевской Семинаріи архимандрита Виталія ²⁾ ознакомиться по журналамъ съ дѣлами распорядительнаго и педагогическаго собраній, съ распредѣленіемъ времени семинарской жизни и образомъ жизни семинаристовъ, съ росписаніемъ уроковъ, занятіями учениковъ, помѣщеніями ихъ. Познакомился съ правилами, или

1) Впоследствии, Архіепископъ Варшавскій Геронимъ (скончался).

2) Скончался Калужскимъ епископомъ.

инструкціями семинарскими, съ бібліотекою—основною и ученическою. Около двухъ недѣль я ходилъ въ Кіевскую Семинарію для ознакомленія съ дѣлами. Немедля также выписалъ памятную книжку С.-Петербургской Семинаріи и по ней познакомился со всѣмъ строемъ этой Семинаріи. При этомъ болѣе мѣсяца трудился надъ составленіемъ каталога книгъ для бібліотеки своей Семинаріи, такъ что въ продолженіе апрѣля и мая для новой Таврической Семинаріи я сдѣлалъ многое; отправляться на новую должность было совершенно не страшно. Были намѣчены и паставники изъ окончившихъ курсъ въ Академіи. Въстѣ съ этими приготовленіями надо было продать свой домикъ и распродать свое скромное имущество. Скоро и хорошо устроилось это дѣло: у меня квартировала прежняя хозяйка дома Баронеса М. Г. Пиллеръ-фонъ Пильхау. Она пожелала обратно купить домъ; я съ удовольствіемъ ей продалъ, уступивъ ей 500 рублей сравнительно съ другими покупателями. Имущество же мое купилъ Архимандритъ Николаевскаго монастыря Мельхиседекъ для своей сестры. Въ общей сложности въ оцѣнкѣ имущества я ему много уступилъ, но вышло и мнѣ и ему хорошо. Отъ продажи домика и домашней утвари у меня составила небольшая сумма денегъ, съ которою я и уѣхалъ изъ Кіева въ Симферополь. Съ горестію я разставался съ Кіевомъ; скорбѣла по Кіеву и моя матушка: она любила Лавру и ея пещеры. Собираясь въ дорогу, моя матушка, а за нею и двухлѣтняя дочь Аня часто повторяли: „прощай городъ Кіевъ, прощай Св. Лавра“. На прощанье поклонились мы святынь Кіевской; отслужилъ я обѣдню въ пещерахъ и на Аскольдовой могилѣ и 5 іюня въ день кончины моего отца, отправились въ Крымъ.

Семья моя состояла изъ матушки, дочери Аняты, брата Павла Дмитріевича окончившаго курсъ въ Кіевскомъ университетѣ, няньки и слуги. Поѣхали мы по Кіево-Одесской желѣзной дорогѣ. Въ Одессѣ пробылъ я три дня, подробно осмотрѣлъ Одесскую Духовную Семинарію. Достоважаемый о. ректоръ прот. Март. Θεод. Чемена показалъ мнѣ все относящееся къ учебно-воспитательной и экономической частямъ; познакомилъ и съ канцелярскою частію. Представлялся Высоко-

преосвященному Димитрію архіепископу Одесскому, былъ въ Соборѣ и поклонился могилѣ знаменитаго архіепископа Иннокентія. Семья моя погуляла по городу и посѣтила Соборъ, вблизи котораго мы остановились въ гостинницѣ „Бѣлый Лебедь“ (несовсѣмъ хорошей). Перевезли всѣ свои вещи на пристань и на пароходѣ „Цесаревна“, чрезъ Черное море, отправились въ Севастополь. Погода была хорошая, но была небольшая качка, которая скоро подѣйствовала на матушку и няньку. Анюта, вѣроятно, тоже почувствовала себя нехорошо, сначала сильно и долго плакала, но потомъ заснула и проспала часовъ 15, проснулась утромъ часовъ въ 9, когда пароходъ остановился предъ Евпаторіею; была очень весела и доставила удовольствіе публикѣ своею привѣтливостію. Изъ Одессы пароходъ отошелъ въ 3 часа по полудни, а въ Севастополь мы прибыли въ 11 часовъ утра, на другой день. Здѣсь мы остановились въ гостинницѣ Кюста, на берегу моря и пожелали осмотрѣть городъ. Поѣхалъ я въ Херсонесскій монастырь, мѣсто крещенія св. Владиміра, гдѣ гостепріимно былъ принятъ архимандритомъ Евгеніемъ. Отъ него я получилъ первыя свѣдѣнія о строящейся Таврической Семинаріи; затѣмъ возили меня съ братомъ на такъ называемую сѣверную сторону, на „Братское кладбище“, гдѣ схоронены убитые воины въ Крымскую войну; былъ въ Соборѣ, строящемся надъ могилами адмираловъ Нахимова, Лазарева и др., видѣлъ Малаховъ курганъ. Севастополь представился намъ въ печальномъ состояніи: половина его домовъ еще лежала въ развалинахъ. Отъ Севастополя до Симферополя тогда еще не было желѣзной дороги (1873 г.). Я распорядился нанять дроги для вещей, съ которыми поѣхалъ мой служитель и четырехмѣстную коляску для себя съ семьей. Переѣздъ нашъ отъ Севастополя до Симферополя, по живописнымъ мѣстамъ, совершился прекрасно. На полдорогѣ мы останавливались въ г. Бахчисараѣ, стояли здѣсь три часа, осматривали древній Успенскій Скитъ и ханскій дворецъ. Къ 6 часамъ вечера мы прибыли въ Симферополь; въ дорогѣ были около 11 часовъ, проѣхавъ отъ Севастополя 70 слишкомъ верстъ. Въ Симферополѣ мы остановились въ гостинницѣ Шнейдера; была суббота. Братъ пошелъ

смотрѣть семинарію и городъ. А я остался въ гостинницѣ отдыхать до слѣдующаго дня. Это было 1873 г., іюня 11-го.

Такимъ образомъ мы совершили переѣздъ изъ Кіева въ Симферополь въ 7 дней. На пути достаточно познакомились съ прекраснымъ городомъ Одессою, съ полуразрушеннымъ Севастополемъ и съ чисто Азіятскимъ—Бахчисараемъ. Вся дорога прошла вполнѣ благополучно и приятно. Маленькая дѣвочка моя была здорова и весела.

(Продолженіе будетъ)

С Л О В О

ВЪ ДЕНЬ ПРЕПОДОБНАГО АНТОНІЯ ВЕЛИКАГО ¹⁾.

О союзѣ между вѣрой и наукой.

Въ храмѣ университета, посвященномъ молитвенной памяти великаго подвижника и свѣточа христіанства, мысль о союзѣ между вѣрой и наукой, религіей и знаніемъ,—всегда поучительна, всегда жизненна. Особенно же она поучительна и необходима теперь, какъ отвѣтъ на запросъ современности, на заботы нашего общества о высшихъ идеалахъ познанія и вѣрныхъ путяхъ жизни.

Съ прискорбіемъ должно сказать, что ничто такъ не страдаетъ въ наше время отъ сомнѣній и недостатка довѣрія, какъ религія. Теперь многіе не только говорятъ объ упраздненіи религіи, какъ царства вѣры, но и утверждаютъ, что вѣра и не можетъ существовать при наукѣ или вмѣстѣ съ нею.

Обыкновенно говорятъ, что если человѣкъ вѣруетъ, значитъ—онъ еще не знаетъ истины, а когда узнаетъ, тогда уже не будетъ вѣровать. Вѣровать въ то самое, что уже знаетъ человѣкъ, такъ-же невозможно, какъ невозможно для него хотѣть того, что уже дано ему.

Такъ ли это? Справедливо ли вѣру отрицать во имя знанія или противопоставлять знанію, какъ суевѣріе наукѣ?

Нѣтъ безотраднѣй мнѣнія, какъ утверждать непримиримый споръ вѣры съ разумомъ, доказывать совершенную несовмѣстимость откровенія и научнаго познанія. При такомъ взглядѣ въ сознаніе, въ душу человѣка, въ его нравственную природу вносится какое-то непонятное и неестественное раздвоеніе и

---

¹⁾ Произнесено въ университетской церкви 17 сего января.

полный распадъ. Единая личность человѣка превращается въ какое-то странное зрѣлище вѣчной борьбы и неутолимой вражды самыхъ существенныхъ потребностей, самыхъ лучшихъ чувствъ и настроеній. Жизнь человѣка утрачиваетъ свой разумный смыслъ, гаснетъ во тьмѣ ужасныхъ противорѣчій. Да и что это была бы за жизнь, если-бы каждый изъ насъ для того только и вѣровалъ, чтобы вовсе ничего не знать или стремился къ свѣту знанія для того только, чтобы ни во что больше не вѣровать?

Но вѣра и знаніе, по самому своему существу, неотдѣлимы другъ отъ друга. Невозможно, чтобы вѣрующій не мыслилъ о предметѣ своей вѣры и не зналъ, чему онъ вѣруеть и о чемъ мыслить. Точно такъ-же невозможно, чтобы ученый, изслѣдуя предметъ своей науки, въ то-же время не вѣрилъ, по крайней мѣрѣ, въ свой познающій разумъ.

Вѣра и знаніе—это два пути или способа одной и той-же познавательной дѣятельности человѣческаго духа, стремящагося понять, осмыслить тайны мірозданія, проникнуть въ глубины ихъ, познать бытіе и дѣйствія Творца вселенной. Вѣра въ чистотѣ сохраняетъ и осуществляетъ идеаль знанія, расчѣвываетъ малодушіе и сомнѣніе въ людяхъ. Указывая на границы умственной дѣятельности человѣка, она пробуждаетъ жажду познанія, углубляетъ и проясняетъ интересъ изслѣдованія, усовершенствуетъ научный трудъ. Оттого вѣра сопутствуетъ знанію на всѣхъ ступеняхъ его развитія. Оттого множество знаній стоитъ только на степени довѣрія къ свидѣтельству истины, а само знаніе, какъ неизмѣнная научная истина, какъ совершенство мысли, познающей міръ, бытіе, жизнь, Бога и человѣка, составляетъ только далекій идеаль, къ которому устремляется наука. И если-бы вѣра, какъ понятіе, была только суевѣріемъ и вела-бы къ невѣдѣнію истины или даже къ отрицанію ея познанія, то, очевидно, пришлось бы отбросить за сходство, за недоказанность такъ-же и вѣру въ науку. Но какъ невозможно послѣднее, такъ нельзя сомнѣваться и въ необходимости вѣры въ познавательной дѣятельности человѣка.

Вѣра и знаніе не только находятся въ сродствѣ и единеніи, но вѣра, какъ непосредственное знаніе внутренняго

опыта, какъ религіозное чувство, и неотдѣлима отъ самой организаціи нашей души.

„Душа по природѣ—христіанка“. Человѣкъ по самой организаціи своей духовной жизни религіозенъ и всегда вѣруетъ въ Бога, какъ всегда надѣется и любитъ Его. Невѣріе—это бѣдность души, элементарность духовной природы человѣка. Оттого религія, какъ источникъ и сила вѣры, входятъ въ составъ всей душевной дѣятельности человѣка, въ его труды, мысли и дѣла и обуславливаетъ единство и цѣлость гармоническаго развитія всѣхъ силъ и способностей его духа, всѣхъ элементовъ его природы. Она отображается въ личности человѣка, какъ солнце искрится въ зеркалѣ водъ или играетъ въ цвѣтахъ радуги, соединяющей небо съ землей.

Область вѣры и область знанія—это одна и та-же область истины, одно и то-же свѣтоносное царство ея.

По своему вѣчному бытію и существу истина одна, и не можетъ противорѣчить себѣ, когда открывается въ ученіи вѣры или свидѣтельствуется въ научномъ познаниі. *„Одинъ и тотъ же источникъ не можетъ изливать соленую и сладкую воду. Не можетъ смоковница приносить маслины или виноградная лоза смоквы“* (Іак. 3, 12). И если сомнѣніе еще сохраняетъ всю свою силу въ вопросѣ: „что есть истина“?—то для служителей истины она ясно выступаетъ въ своей вѣчной природѣ, какъ конечная цѣль познанія Бога изъ Его откровенія, влекущая насъ въ себѣ, покоряющая нашъ разумъ и волю.

Предъ нашимъ разумомъ, испытующимъ истину, лежитъ огромный трудъ, необъятныя задачи познанія. Мы чувствуемъ безмѣрное разстояніе между нашими силами, нашими знаніями и безпредѣльнымъ величіемъ и совершенствомъ изслѣдуемой истины. И душа наша невольно ощущаетъ трепеть, чувство благоговѣнія, смиреніе мысля, радость продвѣдѣнія идеала. Это свидѣтельство непосредственной близости вѣчной истины нашему духу, сродной ему по его существу—и есть *„страхъ Господень—начало премудрости“* (Притч. 9, 10), залогъ нашихъ успѣховъ въ *„познаніи святыхъ“*. Ибо Господь есть живая и вѣчная Премудрость. *„Всяка премудрость отъ Господа, и съ Нимъ есть въ оныхъ“* (Сир. 1, 1). *„Господь даетъ пре-*

мудрость, и отъ лица Ею познание и разума“ (Притч. 2, 6). Онъ даетъ людямъ и этотъ трудъ науки, это великое дѣло познания истины, и Онъ-же дѣлаетъ этотъ трудъ благимъ и бремя его легкимъ для всѣхъ Имъ призываемыхъ и просвѣщаемыхъ.

Изученіе міра, знакомство съ окружающею насъ природою только углубляетъ внутреннее свидѣтельство нашей души о Богѣ, только еще больше убѣждаетъ насъ въ бытіи „Отца сотворъ“ (Іак. 1, 17). Создавъ человѣка по образу Своему, Богъ и въ природѣ напечатлѣлъ Свой образъ. Оттого въ жизни и исторіи природы всегда видны „присносущная сила Ею и Божество“ (Рим. 1, 20).

Составляя понятіе о вещахъ и явленіяхъ міра, о силахъ и законахъ его бытія и жизни, мы какъ бы проникаемъ во внутреннюю сущность міровой жизни, выступаемъ за предѣлы видимаго, чувственнаго, кажущагося и являемаго и открываемъ тамъ духовныя начала и вѣчные символы, говорящіе намъ о всемогуществѣ, премудрости и благости Творца и Промыслителя вселенной. Въ томъ и состоитъ природа нашего познания, что мы при помощи *отры* (Евр. 9, 3) находимъ и усвояемъ разумность, цѣлесообразность, красоту, вложенныя въ устроеніе міра, въ природу каждой вещи ея Создателемъ. Не своимъ размышленіемъ и изслѣдованіемъ человѣкъ вноситъ „свѣтъ познания“ въ какъ-бы темную и неразумную до него область бытія и жизни, а напротивъ—эта область бываетъ темна и безмолвна только до тѣхъ поръ, пока человѣкъ самъ не увидитъ свѣта, не познаетъ разумности и великолѣпія вселенной во свѣтѣ „вся премудростію Сотворившаго“,— во свѣтѣ Того, Кто сказалъ: „Я свѣтъ міру: кто послѣдуетъ за Мною, тотъ не будетъ ходить во тьмѣ, но будетъ имѣть свѣтъ жизни“ (Іоан. 8, 12),— Кто чистѣйшую красоту Своей Богочеловѣческой природы изобразилъ въ неподражаемой красотѣ полевыхъ цвѣтовъ (Пѣс. Пѣс. 2, 1).

На такое именно направленіе познания Бога въ природѣ и указываетъ естествоиспытателямъ всѣхъ временъ псалмопѣвецъ. „Небеса проповѣдуютъ славу Божию и о дѣлахъ рукъ Ею отъцаетъ твердь. День дню передаетъ рѣчь и ночь ночи

открываетъ знаніе. Нѣтъ языка и нѣтъ нарѣчій, гдѣ не слышался бы голосъ ихъ. По всей землѣ проходитъ звукъ ихъ и до предѣловъ вселенной слова ихъ" (Пс. 18, 2—5). Каждый день,—какъ бы такъ говорить псалмопѣвецъ,—солнце съ небесъ освѣщаетъ землю и всѣ сокровища и красоты ея, составляющія славу Божию. Намъ нѣтъ надобности учиться особому языку для чтенія этой дивной книги; языкъ природы понятенъ всѣмъ людямъ и звукъ рѣчей ея всюду слышенъ. День за днемъ люди открываютъ новыя чудеса міра и новые предметы для изученія; всѣмъ естествоиспытателямъ, разсматривающимъ природу при свѣтѣ солнца во всѣхъ царствахъ ея, будетъ работы, доколѣ стоитъ міръ. Но настаетъ ночь, развертывается картина звѣзднаго неба предъ астрономомъ, и нѣтъ конца его наблюденіямъ. Въ теченіи вѣковъ открываются новыя міры и новыя ихъ соотношенія; и со всѣхъ концовъ міра по всѣмъ отраслямъ естествознанія въ одну общую сумму науки собираются свѣдѣнія о новыхъ познаніяхъ, сообщаемыхъ разуму человѣческому таинственнымъ голосомъ неба и земли. И благо имъ, если они слышатъ въ созерцаемыхъ ими предметахъ вѣщанія о славѣ Божіей, и въ сердцахъ своихъ воздаютъ Ему хвалу и благодареніе!

На этомъ пути Богопознанія и истиннаго просвѣщенія стоялъ и Антоній Великій. Однажды одинъ философъ, слушавшій бесѣды Антонія, спросилъ его, откуда у него такія возвышенныя познанія о Богѣ, о мірѣ, о душѣ человѣка, когда онъ не умѣетъ ни читать, ни писать. Антоній, не говоря ни слова, одной рукой указавъ на небо, а другой—на землю. Вотъ гдѣ его наука и источники мудрости! Это вселенная—необъятная книга Божія, заставляющая и великихъ ученыхъ на каждой страницѣ, въ каждой строчкѣ ея видѣть ясно начертанное имя Божіе. Это и для насъ путь къ Богу, путь благоговѣнія предъ Творцемъ всяческихъ и познанія Его въ тайнахъ неба и земли.

Но въ природѣ, кромѣ догматическаго ученія о Богѣ, изображены и нравственныя свойства нашего духа, ея несознаваемые, но для человѣка понятныя,—это: цѣлесообразность и неизмѣнный порядокъ въ дѣйствіяхъ и явленіяхъ природы,

устраняющій всякую мысль о возможности нарушенія законовъ, предписанныхъ ей отъ Бога. „Посмотрите на полевая лилии, какъ онѣ растутъ? Взгляните на птицъ небесныхъ“ (Мат. 6, 26, 27). „Будьте мудры, какъ зми, и просты, какъ голуби“ (Мат. 10, 16),—сказалъ Христосъ—Спаситель въ урокъ всему человѣчеству.

Бога, Подателя всякой духовной силы и всякаго блага, можно постичь не отвлеченнымъ разсужденіемъ, не теоріей о вселенной, а повиновеніемъ Ему. Только любовью къ Нему и Его откровенію можно приобрѣсти богатство полевыхъ лилій, свободу птицъ небесныхъ, мудрость зми, кротость голубя. Присутствіе вѣчнаго порядка въ мірѣ становится очевиднымъ лишь при исполненіи велѣній Предвѣчнаго Творца жизни, и только этимъ путемъ мы можемъ на землѣ познать волю Его. А творящій волю Господню узнаетъ истину опытно, какъ воплощеніе добра въ жизни, какъ торжество правды Божіей, безъ которой невыполнима никакая правда для человѣка, никакая истина. Оттого добро и правда, будучи въ единеніи и нераздѣльности съ истиной по существу и цѣли, всегда процвѣтаютъ тамъ, гдѣ въ силѣ и любви истинное знаніе.

Наука—аскетична, и не одна отрасль ея не можетъ безъ ущерба для своего истиннаго достоинства и для своихъ высшихъ интересовъ отказаться отъ усвоенія того чистаго правдивнаго духа, который истекаетъ изъ высокаго религіознаго стремленія къ совершеннѣйшей истинѣ, къ славѣ Божіей и общему благу людей. Оттого вѣрные служители науки и суть лучшіе друзья добра и правды, суть тѣ-же отшельники, какъ и подвижники. Ихъ внутренняя напряженная дѣятельность духа, сосредоточенность ума, устраняющая суетные помыслы, миръ сердца, закрытаго для страстныхъ волненій и вожделѣній, успѣхи, достигнутые въ занятіяхъ научнаго труда, тихія радости познанія истины, которыя для нихъ выше шумныхъ развлеченій свѣта—все это и есть то „духовное дѣланіе“, что такъ украшаетъ подвиги праведниковъ. И чтобы быть на прямомъ пути къ правдѣ царства Божія, имъ нужно только вѣнчать свои духовные труды молитвой, для непосредственнаго общенія съ Богомъ. Оттого такъ и дорогъ намъ кроткій об-

разъ египетскаго пустытника, Антонія Великаго, что въ дивной красотѣ этого образа мы видимъ воплощеніе того идеала правды и истины, который всегда дорогъ и для людей чистой науки. Намъ духовно сближаютъ съ нимъ тѣ возвышенныя, общія всѣмъ христіанамъ, начала вѣры и жизни по вѣрѣ, которыя высокоцѣнны и для самоотверженныхъ работниковъ на нивѣ науки.

Но расторгающіе союзъ вѣры и науки говорятъ намъ: „не будемъ отрицать религіозныхъ элементовъ въ познавательной дѣятельности человѣческаго разума и нравственнаго авторитета въ людяхъ науки; но есть много ученій и знаній, несогласныхъ и несогласимыхъ съ вѣрою, противорѣчащихъ ей, устраняющихъ ее“? На этой почвѣ большею частію создается такъ называемый „научный индифферентизмъ“ къ религіи.

Но такъ ли это? Въ какомъ смыслѣ наука можетъ колебать и упразднять въ насъ религіозныя убѣжденія, стѣснять свободу совѣсти, затемнять чистоту сердца—эти самыя источныя начала нашей жизни? Можетъ ли знаніе астрономіи противорѣчить заповѣди Христа—Спасителя: „ищите прежде царства Божія и правды Его“ (Мат. 6, 33) или теорія чиселъ упразднить ученіе Евангелія о любви къ ближнему? Печать религіознаго освѣщенія несомнѣнно лежитъ на наукѣ даже на самыхъ высокихъ или отвлеченныхъ вершинахъ ея, повидимому, удаленныхъ отъ свѣта религіозной жизни. Въ безсмертной мысли человѣка, познающей истину, проявляется то-же самое дыханіе Божества, которое сказывается въ насъ въ минуты молитвенныхъ озареній. И если воля Творца нашей души выражена въ самомъ строѣ ея, въ организаціи ея силъ и способностей, и если въ насъ вложено этой волей стремленіе къ научному познанію, то мы можемъ только осуществлять его. И, познавая, мы только повинемся Богу, какъ трудясь, молимся Ему, какъ вѣруя въ Него, идемъ къ Нему, живемъ Имъ. Поэтому, каковы бы ни были наши научныя познанія, Евангеліе Христово, нагорная проповѣдь останутся для насъ вѣчной правдой, неумирающей истиной, и мы не перестанемъ руководствоваться ею въ жизни до тѣхъ поръ, пока останемся людьми, пока будемъ чувствовать себя разумно—свободными существами.

Религія неустраима по самой неполнотѣ научнаго опыта, и потому голосъ религіозной вѣры не можетъ остаться беззвучнымъ для науки въ ея-же собственномъ интересѣ, чтобы на самомъ дѣлѣ пользоваться всѣмъ тѣмъ вліяніемъ, которое ей принадлежитъ по праву.

Не все обнимается и обнято знаніемъ разума, измѣрено, взвѣщено, исчислено имъ. О многомъ наука молчитъ, и человекъ, съ грустью, долженъ сказать: „не знаю“. Научное міросозерцаніе въ „позитивныхъ формахъ“ не даетъ намъ картины всего міра въ дѣйствительномъ его состояніи. Въ дѣйствительности всѣ построенія мысли суть только явленія нашей личной увѣренности въ истинѣ. Гдѣ подлинная дѣйствительность въ зрѣлищѣ „чудесъ природы“, наблюдаемыхъ и опредѣляемыхъ наукой, мы этого не знаемъ. Мы теряемся въ безконечномъ океанѣ неизвѣстнаго. Мы не знаемъ всѣхъ условій, при которыхъ возможна жизнь. Мы не знаемъ условій, въ которыхъ находятся міры вселенной; не знаемъ о существованіи безчисленнаго множества міровъ, находящихся внѣ тѣхъ предѣловъ, до которыхъ можетъ достигнуть нашъ глазъ, смотрящій въ небо въ сильнѣйшіе телескопы. Та пустота, которую мы представляемъ во вселенной, есть только пробѣлъ въ нашемъ знаніи. Даже самъ человекъ для философіи позитивизма только „мировая загадка“, а свобода его личности только иллюзія ума или самообманъ.

Религія восполняетъ этотъ пробѣлъ знанія о конечныхъ вопросахъ мысли и жизни. Своимъ великимъ, радостнымъ и удостоительнымъ ученіемъ о Богѣ въ природѣ, о сотвореніи и спасеніи міра Богомъ, она говоритъ намъ о полнотѣ и вѣчности жизни въ Богѣ, а ученіемъ о свободѣ и безсмертіи человѣческаго духа, отъ Бога испещшаго и къ Богу грядущаго, указываетъ мѣсто человекѣ во вселенной, какъ сыну Божию, возлюбленному и, такимъ образомъ, спасаетъ его отъ тягостнаго чувства одиночества и заброшенности въ мірозданіи, отъ случайности слѣпыхъ законовъ природы, и въ насъ самихъ, въ нашей совѣсти и въ нашей исторіи открываетъ предвѣщную, мысль, заботливо руководящую нашей жизнію.

Но религія не только возжигаетъ свѣтъ вѣчности тамъ, гдѣ

люди живутъ обманчивымъ миражемъ чувственнаго міра, невѣдомой дѣйствительности, но она служитъ глубочайшей основой всего нашего высшаго знанія. Отъ нея оно исходитъ и въ ней получаетъ свое необходимое завершеніе. Чѣмъ больше умъ человѣческій углубляется въ познаніе Бога, тѣмъ полнѣе онъ входитъ въ познаніе міра и человѣка. Основныя истинны вѣры—это тѣ идеальныя высоты, на которыя должна подняться наша свободная мысль, нашъ творческій разумъ, чтобы выйти изъ тѣсныхъ границъ видимаго, признать бытіе иной высшей дѣйствительности и тамъ найти примиреніе всѣхъ противорѣчій нашей природы, дать успокоеніе уму въ божественномъ вѣдѣніи, а успокоеніе сердцу въ ощущеніи любви Божіей и въ вѣяніи Его благодати. Оттого холодомъ вѣетъ на вершинахъ знанія, незареннаго догматами религіи, хотя и обогащеннаго великими пріобрѣтеніями разума, достойными удивленія. Въ странахъ глубокаго сѣвера бываютъ и ясныя дни, идутъ и теплые дожди, и свѣтъ солнца льется, но не растутъ тамъ высокія деревья, не зрѣютъ тамъ нѣжные плоды, не рдѣютъ тамъ виноградныя гроздья: тамъ вѣчный ледъ въ подпочвѣ. Такъ леденѣетъ и нашъ разумъ, когда не согрѣтъ духомъ Христовымъ, не освѣщенъ, не углубленъ въ истинѣ Господней, когда живетъ онъ безъ Божества, безъ святыни вѣры, безъ вдохновенія и молитвъ, безъ слезъ, безъ любви, творящей жизнь.

Среди тревогъ и религіозно-мучительнаго раздумья наша эпоха, однако, приблизила насъ къ пути единенія вѣры и науки. Холодныя и однообразныя формы „позитивнаго постиженія“ научныхъ фактовъ и положеній не удовлетворяютъ многихъ ученыхъ и естествоиспытателей. Люди ищутъ новыхъ путей для знанія и жизни. Вѣкъ мысли смѣняется вѣкомъ чудесъ вѣры и любви. Жизнь для озабоченныхъ становится отреченіемъ, смиреніемъ, набожностію. И намъ нужно утвердить вѣчные устои вѣры, найти въ себѣ силы сознательнаго, идейнаго отношенія къ жизни, выработать единое, стройное міросозерцаніе.

Въ этомъ трудномъ дѣлѣ лучшій свѣточъ и вѣрная побѣда—наша христіанская религія. Ея святыни—вѣчныя идеи, без-

смертныя цѣнности, неумирающіе идеалы истины, добра и правды Божіей. Ничѣмъ ихъ не переоцѣнить и ничимъ замѣнить. И религія зоветъ насъ къ самоуглубленію, устремляетъ нашъ взоръ внутрь себя, въ реальный образъ Божій въ душѣ человѣка, зоветъ не отъ жизни, а къ жизни, призываетъ смотрѣть на міръ, на дѣла жизни, на задачи познанія очами любви Божіей и вѣры Богооткровенной. Она начертала предъ нами идеаль духоваго совершенства, внѣ котораго утратила бы весь свой смыслъ и жизнь, и знаніе, и исторія. Этотъ идеаль—универсальная гармонія, великое единеніе вѣры и науки, откровенія и разума. И только при увѣренности въ этомъ идеалѣ внатнымъ становится для насъ и сегодняшній праздникъ въ университетѣ, и сегодняшній духовный зовъ университета: къ свѣту и истинѣ.

Будемъ же, ища научной истины, руководствоваться и свѣтомъ религіозной вѣры. Пусть этотъ свѣтъ тихо свѣтитъ; но мы знаемъ, что это горитъ „звѣзда сѣптая и утренняя“ (Апок. 22, 16), что это свѣтъ „Одѣвающегося сѣтмомъ, яко ризою“. Ему, какъ Богу Предвѣчному, одинаково поклоняются наука и религія, и Ликъ Его истины одинаково ищутъ. Будемъ помнить, что если велико царство истины, то бесконечно исканіе свѣтлаго царства Божія и правды его. Будемъ твердо вѣровать въ истину словъ: „ищите и обрящите“ (Мат. 7, 7),—и, заботясь о приобрѣтеніи цѣльнаго знанія, сохранимъ себя и добрыми христіанами, сынами свѣта, сынами дня. Познаемъ истину во Христѣ, и она сдѣлаетъ насъ воистину свободными,—свободными духомъ, вѣрою и знаніемъ. Аминь.

Приватъ-доцентъ Императорскаго Харьковскаго университета,
Священникъ Іоаннъ Филевскій.

Последовательное раскрытіе догматовъ вѣры въ борьбѣ съ ересями съ I-го до V-го вѣка.

Прежде чѣмъ приступить къ рѣшенію вопроса о послѣдовательности догматическаго развитія, т. е. о томъ, какой ходъ мысли замѣчается въ историческомъ процесѣ, извѣстномъ подъ этимъ именемъ, — необходимо хотя въ общихъ чертахъ раскрыть самое понятіе о догматическомъ развитіи. Дѣло въ томъ, что смыслъ этого богословскаго термина далеко нельзя считать опредѣленнымъ и точнымъ: представители различныхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій соединяютъ съ этимъ понятіемъ различное значеніе, въ зависимости отъ такого или иного пониманія ими христіанства. Не только католики и протестанты, но и многіе современные православные мыслители признаютъ догматическое развитіе по отношенію къ христіанскому вѣроученію, обращая вниманіе на то, какъ оно получило свое начало отъ Господа Иисуса Христа и какъ оно опредѣлилось въ Церкви въ послѣдующія времена. Представители различныхъ вѣроисповѣданій ссылаются на исторію въ подтвержденіе истинности своихъ выводовъ и подкрѣпляютъ эти выводы фактами. Но такъ какъ факты эти освѣщаются различно, вслѣдствіе субъективнаго отношенія къ нимъ, то отсюда слѣдуетъ, что для рѣшенія вопроса о сущности догматическаго развитія, чтобы получить какіе-нибудь положительные результаты и придти къ твердымъ и безспорнымъ выводамъ, — нужно избрать другой исходный пунктъ. Нужно обратить вниманіе на самое пониманіе христіанства, изъ котораго собственно и вытекаетъ такое или иное рѣшеніе нашего вопроса. Критеріемъ при этомъ должно служить истинное евангельское ученіе и при томъ не по формѣ только, но по духу и смыслу всеменской Церкви:

согласіе съ этимъ духомъ должно быть несомнѣннымъ признакомъ истинности извѣстнаго воззрѣнія, въ его общей идеѣ и частныхъ выводахъ; наоборотъ, уклоненіе отъ христіанскаго духа и противорѣчіе съ нимъ есть вѣрный признакъ несостоятельности даннаго взгляда. Только выяснивши вопросъ съ этой точки зрѣнія, можно разсмотрѣть и историческія факты, для подтвержденія нашихъ соображеній, и установить точно христіанское понятіе о догматическомъ развитіи.

Итакъ, что же нужно разумѣть подъ именемъ догматическаго развитія? Не уклоняясь отъ прямого отвѣта на вопросъ, считаемъ не лишнемъ замѣтить, что самый этотъ терминъ не вполне точно выражаетъ, обозначаемое имъ православное понятіе: вопросъ о догматическомъ развитіи впервые былъ поднятъ и разработанъ на католическомъ западѣ, тамъ это было необходимо для оправданія тѣхъ нововведеній въ догматической области, какія были сдѣланы католичествомъ за все время его историческаго существованія, по сравненію съ Церковью вселенской первыхъ вв. и современной православной. При свѣтѣ этой теории была разсмотрѣна вся исторія Церкви, начиная съ самаго ея основанія; историческіе факты объяснены въ смыслѣ благопріятномъ для католичества, представлены въ искаженномъ видѣ и такъ или иначе подогнаны подъ эту теорію. Но то, что католическіе богословы дѣлали по необходимости, сознавая быть можетъ, свою неправоту,—то совершенно свободно, по искреннему убѣжденію, сдѣлалъ нашъ православный богословъ и философъ В. С. Соловьевъ. Какъ истинный и убѣжденный христіанинъ, положившій всю силу своего таланта на рѣшеніе религіозныхъ вопросовъ, онъ старался, елико возможно, содѣйствовать скорѣйшему осуществленію общехристіанскаго идеала братскаго единенія и приближенію того, желаннаго для всѣхъ христіанъ, момента, когда всѣ они, разъединенные до сихъ поръ вѣроисповѣдными перегородками и религіозной враждой, сольются въ одну великую братскую семью, въ единое стадо съ Единымъ Пастыремъ. В. С. Соловьевъ старался сблизить по возможности двѣ основныя формы,—въ какія отлилось нынѣ христіанство и въ какихъ сохранилось ученіе древней вселенской Церкви,—право-

славіе и католичество, и то, что ихъ разъединяетъ, онъ хотѣлъ сдѣлать исходнымъ пунктомъ ихъ сближенія. Главенство папы и другіе католическія новшества, какихъ не знала древняя Церковь, служатъ главными препятствіями для православія къ соединенію съ католичествомъ. Для устраненія ихъ, В. С. и принялъ католическую теорію догматическаго развитія, которая вполне удовлетворительно объясняетъ законность и необходимость новыхъ римскихъ догматовъ; но онъ нѣсколько сгладилъ и смягчилъ слишкомъ рѣзкія католическія черты этой теоріи, придавъ ей, если можно такъ выразиться, православный характеръ. Онъ представилъ дѣло въ такомъ видѣ, что, собственно, православіе болѣе уклонилось отъ всецелскаго типа христіанства; что оно на практикѣ не отвергало католическихъ воззрѣній, и только неблагопріятныя историческія условія воспрепятствовали возвести въ принципъ эти воззрѣнія.

Сущность теоріи догматическаго развитія, по Соловьеву, заключается въ слѣдующемъ: Іисусъ Христосъ, пришедшій на землю, чтобы сообщить людямъ истину, не далъ имъ ее сразу во всей полнотѣ и разнообразіи догматовъ, какую мы видимъ въ Церкви впоследствии: Онъ сообщилъ имъ лишь самое основное и существенное въ христіанствѣ, что въ зародышѣ заключало въ себѣ все остальное содержаніе догматики, и представилъ имъ самимъ развивать свободно это ученіе при содѣйствіи Св. Духа, котораго Онъ обѣщалъ дать своей Церкви. Это существенное и главное, не только въ христіанствѣ, но и вообще въ откровенной религіи, значитъ и въ іудействѣ,— есть идея *Богочеловѣчества*. „Истина откровенія, говоритъ В. С., одна и недѣлима. Отъ первыхъ главъ Бытія и до послѣднихъ главъ Апокалипсиса, отъ Эдема на Востокѣ и до Новаго Іерусалима, сходящаго съ небеси, эта истина состоитъ въ одномъ и томъ же: ей принадлежитъ одно и то же названіе: *богочеловѣчество, сочетаніе Бога съ твореніемъ*. Эта единая и неизмѣнная истина, заложенная въ чловѣчествѣ сначала какъ *чаяніе* (для языковъ), и какъ *обѣтованіе* (для народа Божія), становится *событіемъ* черезъ явленіе во плоти дѣйствительнаго Богочеловѣка Іисуса Христа, какъ личнаго средоточія для всецелскаго богочеловѣчества. Истина Богочеловѣка уже

пришедшаго во плоти и еще грядущаго въ славѣ, эта единая истина содержитъ въ себѣ всю полноту новозавѣтнаго откровенія. Христіанское человѣчество изначала обязано было неизмѣнно держаться этой истины, *въ ея существѣ*, но оно не могло (по свойству человѣческаго естества) сразу обнять ее во всей полнотѣ ея частныхъ опредѣленій, которыя и должны были въ борьбѣ съ заблужденіями постепенно раскрываться для ума Церкви по мѣрѣ усвоенія имъ ума Христова“ („Догматическое развитіе Церкви“, „Православное Обзореніе“, 1885, декабрь, 750 стр.). Въ приведенныхъ строкахъ вполне ясно выражена основная идея теоріи В. Соловьева. Далѣе онъ поясняетъ, что эта единая истина откровенной религіи на первыхъ порахъ жизни христіанства дана была, какъ „истина Богочеловѣка во плоти явившагося, воскресшаго, вознесшагося и излизшаго Духа Св. на учениковъ Своихъ“ (тамъ же, стр. 752), и была предметомъ обязательнаго вѣрованія въ Апостольскій вѣкъ. Книга Дѣяній показываетъ, что проповѣдь апостольская состояла, въ предложеніи слушателямъ этой истины; усвоеніе ея считалось достаточнымъ для принятія христіанства. Тоже свидѣлствуютъ и посланія апостольскія. Это не то значить, будто въ писаніяхъ апостольскихъ заключается только это ученіе, и ничего болѣе. Нѣтъ, „безъ сомнѣнія, Апостолы учили христіанъ весьма многому и словомъ и посланіями своими. Сокровища богословской мысли, находящіяся въ посланіяхъ Ап. Павла, еще не исчерпаны христіанскою наукой. Но значеніе Іисуса Христа какъ Мессіи, какъ Сына Божія, пришедшаго во плоти для спасенія людей—это было единственнымъ догматомъ вѣры христіанской, опредѣленно утвержденнымъ и безусловно обязательнымъ для всѣхъ вѣрующихъ“ (756 стр.). Такимъ образомъ В. С. признаетъ, что большинство частныхъ догматическихъ истинъ христіанства были не обязательны для вѣрующихъ апостольскаго вѣка, потому что не были ясно формулированы и раскрыты, а находились въ видѣ зародыша въ основномъ догматѣ. Изъ этого перво-догмата затѣмъ, по мѣрѣ надобности, и выводятся всѣ прочія истины догматическія учительною властью Церкви. Частныя эти истины, еще не выясненныя Церковью и въ послѣдпо-

стоольскій періодъ, становятся предметомъ неправильнаго пониманія и толкованія ихъ, но это не препятствуетъ лицамъ, высказывающимъ такія ошибочныя мнѣнія, быть вполне православными членами Церкви и даже быть причисленными къ лику святыхъ. Таковы, напр. св. Іустинъ Философъ, св. Теофилъ Антиохійскій и другіе отцы доникейскаго періода, весьма неудовлетворительно учившія о Св. Троицѣ, и, несмотря на это, причисленные къ лику свв., такъ какъ ученіе о Св. Троицѣ не было еще раскрыто до I-го всел. собора. Но разъ извѣстная истина опредѣлялась и раскрывалась на вселенскомъ соборѣ, она становилась уже обязательной для всѣхъ вѣрующихъ, а кто не хотѣлъ принимать соборнаго опредѣленія о ней, тотъ считался еретикомъ. И соборъ всегда давалъ нѣчто новое по сравненію съ тѣмъ, что было раньше; онъ дѣлалъ шагъ впередъ въ догматическомъ развитіи. Вслѣдствіе этого до Никейскаго, напр. собора, на которомъ опредѣлено ученіе о единосущіи, не бывшее дотолѣ обязательнымъ догматомъ и даже, какъ будто, несуществовавшее, по крайней мѣрѣ, не ясно сознаваемое,—не было ереси-аріанства, а была только *возможность* ереси и *опасность* ея. „Когда же Арій и единомышленники его, опираясь на смутный сомнительный субординаціонизмъ древнихъ о.о. и, такъ сказать, *подчеркивая* этотъ субординаціонизмъ, стали прямо и рѣшительно отрицать единосущіе, совѣчность и равенство Сына съ Отцомъ,—тогда Церковь, *не имѣя возможности оставаться при одномъ прежнемъ ученіи*, которое давало поводъ къ такимъ злоупотребленіямъ, дѣлаетъ шагъ впередъ и опредѣляетъ въ прямыхъ, ясныхъ и точныхъ выраженіяхъ истину единосущія, даетъ такимъ образомъ этой истинѣ форму догмата, безспорнаго и безусловнаго, обязательнаго для всѣхъ членовъ Церкви (763 стр.). Такъ же шло это развитіе и дальше; каждый послѣдующій вселенскій соборъ давалъ что-нибудь новое, дотолѣ или неизвѣстное совсѣмъ, или бывшее предметомъ необязательнаго и смутно-сознаваемаго вѣрованія. Соборное опредѣленіе получало силу общеобязательнаго закона, и кто рѣшался противиться этому, тотъ становился еретикомъ. Исторія 2-го, 3-го, 4-го, словомъ всѣхъ вселенскихъ соборовъ, даетъ подтвержденіе высказанной

мысли. Этотъ процессъ догматическаго развитія, начавшись съ первыхъ временъ христіанства, не прекращался, такимъ образомъ, во всю послѣдующую эпоху исторической жизни; но онъ далеко еще не закончился на 7-мъ всел. соборѣ: онъ продолжается и послѣ него, но уже только на западѣ, тогда какъ Востокъ отсталъ отъ этого прогрессивнаго движенія и находится въ застоѣ. Такой прогрессъ будетъ продолжаться въ Церкви до конца временъ, пока, наконецъ, божественная истина не предстанетъ предъ вѣрующими во всей полнотѣ. „Безъ сомнѣнія, божественная истина есть тайна. Но сущность этой тайны *открыта* намъ въ воплощеніи Христовомъ, а частныя ея стороны постоянно раскрываются въ церковномъ ученіи дѣйствіемъ Духа Св., живущаго въ Церкви“ (797 стр.). Такова, въ общихъ чертахъ, теорія догматическаго развитія, предлагаемая В. Соловьевымъ, какъ пониманіе имъ догматической исторіи Церкви, какъ философія исторіи догматовъ.

Безспорно, эта теорія обладаетъ внѣшней стройностью и изяществомъ, научностью и внутренней убѣдительностью; основывается она на дѣйствительныхъ фактахъ исторіи и удовлетворительно, повидимому, объясняетъ многія явленія церковно-исторической жизни. Несмотря на эти достоинства, она не можетъ быть принята какъ выраженіе ученія православной Церкви по различнымъ причинамъ. Прежде всего она противорѣчимъ духу и смыслу истиннаго христіанства—потомъ, съ научной точки зрѣнія она не выдерживаетъ строй критики: при внимательномъ разсмотрѣніи ея обнаруживаются и ея внутреннія противорѣчія, и ея несогласіе съ исторіей, неправильное толкованіе однихъ фактовъ и замалчиваніе другихъ.

И прежде всего, нельзя согласиться съ основной мыслью В. С., будто Іисусъ Христосъ сообщилъ людямъ, въ качествѣ обязательнаго для всѣхъ Его послѣдователей ученія, одинъ только первоdogматъ, изъ котораго потомъ, съ теченіемъ времени раскрывались и развивались частныя догматическія истины, заключавшіяся въ немъ *implicite*. Оtkровеніе христіанское есть абсолютная, божественная истина, которой люди собственными силами и средствами никогда бы не

могли найти и постичь. Какъ таковая, она должна была быть и дѣйствительно была сообщена въ такой полнотѣ и такомъ совершенствѣ, въ какомъ только необходимо было ее знать человѣку и возможно было усвоить ее. Будучи самооткровеніемъ Божества людямъ, истина христіанская всегда и на всѣ времена должна остаться неизмѣнной, въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ получена отъ Бога. Какъ вполне совершенная, она не нуждается ни въ какомъ развитіи ея людьми,—вѣдь невозможно совершенствовать безконечно совершенное; отъ людей требуется только усвоеніе ея и постепенное уясненіе въ собственномъ сознаніи, насколько это доступно человѣку,—постепенное, такъ сказать, органическое претвореніе и переработка безграничнаго содержанія ея въ ограниченныя формы собственнаго разума. Если мы допустимъ, что откровенная истина подчинена закону внутренняго развитія и прогресса, то этимъ самымъ поставимъ ее въ разрядъ естественныхъ продуктовъ человѣческой мысли, которые, дѣйствительно, не являются сразу данными и готовыми въ умѣ человѣка, а постепенно зараждаются, развиваются, прогрессируютъ, слѣдуя логическимъ законамъ мышленія и проходя естественныя ступени логическаго развитія. Предположимъ, что христіанское вѣроученіе дѣйствительно подлежитъ развитію, которое совершается на вселенскихъ соборахъ, и каждый изъ нихъ прибавляетъ къ прежнему содержанію его что-нибудь новое, чего раньше не было въ немъ. Тогда истина откровенія окажется лишенной своего абсолютнаго и сверхъестественнаго характера: если люди могутъ ее дополнять и развивать, что возможно, что они могли и сами достигъ ея и открыть самое первоначало, изъ котораго идетъ это развитіе. Правда, В. С. не отрицаетъ участія Св. Духа въ опредѣленіи на вселенскихъ соборахъ догматовъ, онъ говоритъ, что развитіе догматическое и совершается, именно, при посредствѣ и содѣйствіи Духа Св., всегда живущаго въ Церкви, по непреложному обѣтованію Спасителя. Конечно, эта мысль В. С. вполне вѣрна, и никто не станетъ ея оспаривать: истинность ея вполне очевидна: нельзя отрицать участія Св. Духа въ опредѣленіи догматовъ. Но все-таки не ясно въ теоріи В. С.,

почему Богъ не сразу открылъ людямъ свою спасительную истину во всей ея полнотѣ, а распредѣлилъ ее по частямъ: сначала далъ самое главное, потомъ постепенно дополнялъ данное по мѣрѣ усовершенствованія способности вѣрующихъ къ воспріятію истинъ. Но развѣ первые послѣдователи Христовы были менѣе совершенны, чѣмъ христіане послѣдующихъ вѣковъ? Ужели первые не могли вмѣстить и усвоить того, что потомъ послѣдніе прекрасно восприняли и уразумѣли?

Далѣе, истины, открытыя на вселенскихъ соборахъ, становятся обязательными для всѣхъ вѣрующихъ на всѣ времена, становятся въ собственномъ смыслѣ догматами, и, такимъ образомъ, съ каждымъ новымъ соборомъ объемъ догматики христіанской все увеличивается чрезъ прибавленіе новыхъ элементовъ; съ каждымъ поколѣніемъ догматика становится все совершеннѣе и полнѣе, современные христіане имѣютъ, какъ будто, гораздо лучшую вѣру, чѣмъ первенствующіе христіане. Вѣра послѣднихъ, согласно съ этой теоріей, представляется элементарной и бѣдной содержаніемъ, во всякомъ случаѣ, далеко не такой совершенной, какъ теперь.

Если мы обратимся къ исторіи, то найдемъ тамъ уже, такъ сказать, документальное опроверженіе рассматриваемой теоріи въ этой сторонѣ, и несостоятельность ея, станетъ для насъ весьма замѣтной. Такъ, вопреки утверженію В. С., будто на первыхъ порахъ въ Церкви было очень мало обязательнаго для всѣхъ членовъ догматическаго содержанія,—исторія показываетъ, что и первенствующіе христіане содержали всѣ тѣ догматы, какіе существуютъ и теперь въ Церкви: вѣдь въ ученіи апостольскомъ заключается,—и съ этимъ согласенъ и В. С.,—столько сокровищъ богословской мысли, что они еще до сихъ поръ не исчерпаны и не разработаны наукой: все догматическое ученіе Церкви основывается на этомъ преданіи Апостоловъ, устномъ или письменномъ, и ни въ чемъ не отступаетъ отъ него. Между тѣмъ уже и сами Апостолы смотрѣли на *все*, проповѣдуемое ими, какъ на нѣчто безусловное и непреложное; они вмѣняли въ обязанность своимъ послѣдователямъ хранить *все* преданіе, какое только послѣдніе получили: писанныя посланія имѣютъ одинаковую важность съ

устной проповѣдью Апостоловъ. Уже въ посланіи къ Евреямъ Ап. Павелъ перечисляетъ почти всѣ главные предметы ученія христіанскаго, которые и тогда уже входили въ составъ огласительнаго символа вѣры, преподававшася желающимъ вступить въ Церковь. Затѣмъ, извѣстно, что символы, употреблявшіеся въ Церкви до Никейскаго собора, сходны между собой по изложенному въ нихъ ученію и, различаясь только частными, отдѣльными выраженіями, направленными противъ еретиковъ, появившихся въ помѣстныхъ церквахъ,—всѣ содержатъ въ себѣ то же почти, что и Никейскій, который является синтезомъ и повтореніемъ прежнихъ символовъ; слѣдовательно, и до Никейскаго собора были тѣ же обязательныя догматы вѣры, что и послѣ него. Тотъ фактъ, что многіе отцы Церкви доникейскаго періода излагали не вполне свободное отъ неточностей и противорѣчій ученіе по вопросамъ догматическимъ, еще невыясненнымъ до того времени богословской наукой и не получившимъ строго логическаго обоснованія и систематизаціи, — этотъ фактъ нисколько не говоритъ въ пользу разсматриваемой теоріи. Дѣло въ томъ, что эти Отцы всѣ держались истиннаго воззрѣнія на разбираемые ими догматы, принимая безусловно ученіе апостольское, и только въ предѣлахъ самаго этого ученія они старались уяснить и истолковать заключающіяся въ немъ мысли. Выказывая иногда при этомъ ошибочныя мнѣнія, они далеки были отъ того, чтобы навязывать эти мнѣнія всѣмъ и выдавать ихъ за безусловно истинныя и обязательныя.

Положительно противъ теоріи В. С. свидѣтельствуетъ и фактъ осужденія на соборахъ не только еретическаго ученія, но и самыхъ личностей еретиковъ, умершихъ задолго до вселенскаго собора. Для такихъ еретиковъ должны бы быть не обязательны, повидимому, постановленія соборовъ, бывшихъ послѣ ихъ смерти, такъ какъ на этихъ соборахъ всегда устанавливалось ученіе новое, какого раньше не было и какого, слѣдовательно, нельзя было отъ нихъ требовать. А между тѣмъ „Церковь анаеematствуетъ на V вселенскомъ соборѣ Теодора Мопсуэтскаго, умершаго въ 426 году, анаеematствуетъ за то самое ученіе, за которое подвергся анаеемѣ на

III-мъ всел. соборѣ (431 г.) ученикъ Θεодора Несторій“. „Выводъ отсюда можетъ быть только одинъ, именно: по сознанию Вселенской Церкви, истина тѣснѣйшаго ипостаснаго соединенія божества и челоуѣчества въ Иисусѣ Христѣ была общеобязательною, слѣдовательно—догматомъ, и *прежде* точнаго опредѣленія ея на III всел. соборѣ, такъ что отвергавшій ее Θεодоръ Мопсуэтскій былъ уже еретикомъ и противникомъ Церкви, хотя распространялъ свое ученіе ранѣе упомянутого собора и его догматическаго опредѣленія“ („Авторитеты и факты въ вопросѣ о развитіи церковныхъ догматовъ“, „Вѣра и Разумъ“, № 13, отд. церк., стр. 44). Такимъ образомъ и исторія показываетъ несостоятельность разсматриваемой теоріи и ея непригодность для объясненія всѣхъ явленій церковной жизни въ области догматики. Это обстоятельство въ связи съ несогласіемъ данной теоріи и съ духомъ истиннаго христіанства, заставляетъ отвергнуть ее, какъ рѣшительно неподходящую для православія.

Какова должна быть православная точка зрѣнія на разсматриваемый вопросъ, это уже нѣсколько выяснилъ для насъ разборъ теоріи В. С. Такъ, теперь очевидно, что нельзя подъ именемъ догматическаго развитія разумѣть естественной эволюціи всего содержанія христіанской догматики изъ одного простаго и элементарнаго начала, и что по отношенію къ христіанскому ученію такая точка зрѣнія неприменима и неумѣстна: о развитіи самой сущности его и расширеніи содержанія говорить безусловно нельзя. Если и можетъ быть рѣчь о какомъ нибудь развитіи, то только лишь въ отношеніи къ пониманію и усвоенію умомъ вѣрующихъ того, что они уже восприняли живой, сердечной вѣрой и что является прежде всякаго размышленія и обсужденія, прежде рефлектирующей дѣятельности разума. Правда, сама вѣра, какъ и знаніе, на первыхъ порахъ своего появленія въ душѣ челоуѣка можетъ оставаться неясною, недостаточно опредѣленною и полною; но это касается субъективнаго усвоенія нами вѣры, а не объективнаго содержанія. Челоуѣкъ вѣрующій, углубляясь своей мыслью въ содержаніе вѣры, постепенно открываетъ все новыя стороны богооткровенной истины, насколько это возможно

для него, или лучше, насколько Духъ Св. просвѣщаетъ его; но его вѣра со стороны своего содержанія не допускаетъ развитія, такъ чтобы можно было сказать, будто его знаніе можетъ заключать въ себѣ болѣе истинъ, чѣмъ сколько даетъ ему ихъ вѣра. Содержаніе христіанской вѣры не можетъ развиваться; оно есть свободный даръ Божества: *развивается же только субъективное пониманіе христіанства*. Въ абсолютномъ и неизмѣнномъ не можетъ быть никакого процесса и слѣдовательно, никакой исторіи; процессъ и исторія возможны только въ субъективномъ человѣческомъ развитіи“ („Вѣра и Разумъ“, 1898 г. № 2, отд. ц. „Наши новые богословы и философы“, Г. Столнова, стр. 106). Этотъ процессъ развитія субъективнаго пониманія христіанской истины совершается такимъ образомъ, что принятая прежде чувствомъ, „мысль божественная начинаетъ усваиваться и умомъ человѣка; встрѣчаясь и соприкасаясь съ тѣми или другими мыслями его, она взаимно и ихъ объясняетъ и сама ими объясняется, причемъ новыя открытія ума человѣческаго въ области истины прибавляютъ догмату новую ясность; такимъ образомъ, каждый догматъ все больше соприкасается съ прочими частями догматики, и съ теченіемъ времени становится возможной полная система знанія“ („Вѣра и Разумъ“, 1887 г., № 22, стр. 575). Въ вышеозначенномъ только смыслѣ и можно понимать догматическое развитіе въ православной Церкви. Дальнѣйшій ходъ мыслей сочиненія, долженъ подтвердить и раскрыть всесторонне эту идею и, на фактахъ показать ея состоятельность и согласіе съ исторіей.

Разсмотрѣвши теорію В. С. и на основаніи ея разбора и критики установивши истинное понятіе о догматическомъ развитіи, мы можемъ перейти и къ главному вопросу темы, — послѣдовательности этого развитія; въ частности, намъ предстоитъ выяснить, въ чемъ состоитъ послѣдовательное развитіе мысли, какимъ логическимъ законамъ слѣдуетъ коллективная мысль человѣчества вообще, независимо отъ того, въ какой области она проявляется, — въ догматикѣ ли, въ литературѣ, или въ философіи, поскольку, конечно, эти процессы сходны между собой. Никто же не станетъ отрицать, что догматиче-

ское развитіе, поскольку оно есть естественный процессъ человеческой мысли, происходящій подъ вліяніемъ разнообразныхъ, внутреннихъ и внѣшнихъ побужденій,— должно совершаться по законамъ этой мысли и подчиняться опредѣленнымъ логическимъ условіямъ. Справедливость этого положенія дѣлаетъ вполне умѣстнымъ вопросъ о законмѣрности и логичности и всякаго вообще процесса развитія коллективной мысли. Когда мы говоримъ о законмѣрности, о логикѣ какой-нибудь мыслительной дѣятельности, мы уже принимаемъ какъ несомнѣнный фактъ, что эта дѣятельность непременно совершается по известнымъ законамъ мысли и, вслѣдствіе этого, вполне логична: въ ней одно изъ другого вытекаетъ, послѣдующее обуславливается предыдущимъ; каждый отдѣльный моментъ ея связанъ съ другими и составляетъ одно звено непрерывной цѣпи цѣлаго. При разсмотрѣніи подобныхъ процессовъ мысли, такимъ образомъ, задачей изслѣдованія не можетъ служить нахожденіе логической связи между отдѣльными ихъ частями, такъ какъ эта связь уже есть на лицо и даже въ самомъ фактѣ существованія известнаго процесса мыслится въ понятіи его какъ существенная черта его содержанія. Вопросъ въ данномъ случаѣ можетъ касаться лишь того, *какъ* именно логиченъ данный процессъ мысли, *по какимъ* логическимъ законамъ онъ развивается, какіе принципы осуществляетъ въ этомъ развитіи,— словомъ, *какова* логика этого процесса. Пояснимъ это примѣромъ. Исторія философіи представляетъ собой, несомнѣнно, самый логичный и послѣдовательный изъ всѣхъ известныхъ намъ процессовъ мысли. Все въ ней связано неразрывно между собой, одна система является прямымъ логическимъ выводомъ изъ всего предыдущаго, и каждый философъ, прежде чѣмъ создавать собственное міросозерцаніе, самымъ тщательнымъ образомъ изучаетъ своихъ предшественниковъ и только послѣ критическаго разбора ихъ идей, онъ строитъ зданіе собственной философіи. Вообще нужно замѣтить, что между развитіемъ христіанской догматики и философіи можно найти многія черты сходства, можно провести параллель, которая помогла бы уяснить интересующій насъ вопросъ—о логикѣ догматическаго развитія. Такъ, въ философіи даны, такъ сказать, съ самаго

начала извѣстныя проблемы, которыя потомъ все время изслѣдуются и рѣшаются, такъ что, собственно говоря, содержаніе философіи опредѣлилось съ самаго появленія ея на свѣтъ, и уже первымъ греческимъ философамъ извѣстны эти основныя проблемы, хотя не всѣ они возбуждали въ нихъ одинаковый интересъ. Въ различное время выдвигалась то одна то другая изъ нихъ, смотря по потребностямъ времени, но эта послѣдовательная смѣна философскихъ вопросовъ происходила далеко не случайно,—напротивъ, здѣсь замѣчается строгая закономерность и логичность, какъ бы осуществленіе нѣкаго опредѣленнаго плана. Это особенно касается греческой философіи: вся она отъ Thalèse и до Платона представляетъ такой логичный процессъ, въ которомъ можно прослѣдить взаимую связь отдѣльныхъ моментовъ и общій смыслъ ея, какъ одного цѣлаго. Планъ развитія, осуществленный въ ней, представляется, какъ извѣстно, въ видѣ постепеннаго и послѣдовательнаго перехода отъ самаго элементарнаго, простаго и конкретнаго къ сложному, отвлеченному и возвышенному. Начавъ съ рѣшенія вопросовъ о мірѣ, какъ цѣломъ, какъ космосѣ, греческая философія перешла затѣмъ къ человѣку, къ внутренней психической жизни и закончила свою исторію теософіей, рѣшеніемъ проблемы объ Абсолютномъ Существовѣ и Его отношеніяхъ къ ограниченному и условному бытію. Такой, удивительный своей правильностью и телеологичностью ходъ развитія философіи, совершался не въ силу какихъ-нибудь роковыхъ, внѣшнихъ и невѣдомыхъ людямъ законовъ: послѣдніе являются законами развитія человѣческой мысли, законами естественной эволюціи пониманія.

Если мы прослѣдимъ теперь развитіе богословской мысли, то увидимъ и здѣсь явленія, аналогичныя философскому развитію. И здѣсь съ самаго начала дано богооткровенное ученіе, которое подобно философскимъ проблемамъ, должно оставаться тѣмъ же во все дальнѣйшее теченіе христіанской исторіи, какимъ получено свыше отъ Бога: задача догматическаго развитія въ томъ, чтобы усвоить, объяснить, доказывать это ученіе, что, дѣйствительно, и осуществляется мало по малу. И здѣсь, какъ въ философіи, усвоеніе и уясненіе со-

вершается не сразу, и божественная истина воспринимается не во всемъ ея объемѣ, а по частямъ: сначала разбирается одинъ вопросъ, потомъ выступаетъ на первый планъ другой и т. д. И здѣсь развитіе происходитъ по законамъ логики, и въ немъ осуществляется приблизительно такой же планъ какъ и въ философіи: мысль направляется отъ общаго къ частному и съ каждымъ шагомъ впередъ захватываетъ все шире и глубже подлежащія ея компетенціи вопросы.

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію исторіи и прослѣдимъ постепенный ходъ развитія христіанской догматики отъ появленія христіанства на землѣ до V в. нашей эры, когда, въ эпоху IV-го всел. собора, *завершился главный періодъ догматическаго развитія Церкви*: въ теченіе этого времени разсмотрѣно и разработано все существенное въ догматикѣ, и послѣ IV-го всел. собора мы не видимъ уже въ этой области ничего такого, что по важности и значительности равнялось бы предшествующимъ моментамъ догматическаго развитія. Последующіе соборы дѣлаютъ лишь дальнѣйшіе выводы и приложения тѣхъ результатовъ, какіе достигнуты интенсивной работой богословской мысли въ прежнее время, а св. Іоаннъ Дамаскинъ въ VIII в. синтезируетъ въ своей „Догматикѣ“ всѣ слѣдствія и продукты этой грандіозной работы. Чѣмъ началась, какъ продолжалась и закончилась эта работа, это мы попытаемся указать и раскрыть въ дальнѣйшемъ изложеніи. Въ сжатомъ очеркѣ исторіи разсматриваемаго процесса мы постараемся представить внутренней смыслъ послѣдняго, причинную связь его отдѣльныхъ моментовъ и общую формулу или логику его развитія.

Въ такомъ именно развитіи догматовъ, или точнѣе — раскрытіи ихъ убѣждаетъ насъ Исторія Церкви на основаніи цѣлаго ряда фактовъ. Но прежде чѣмъ приступать къ разсмотрѣнію исторіи, считаемъ нелишнимъ предпослать ему общій, конспективный образъ догматическаго развитія, выяснить тѣ причины и условія, подъ вліяніемъ которыхъ совершалось оно и показать, какой планъ осуществляется въ его исторіи. Первый вопросъ, подлежащій нашему рѣшенію, заключается въ томъ, почему, собственно, началось догматическое развитіе, по-

чему христіане не могли довольствоваться одной вѣрой, которая все принимаетъ, не требуя никакихъ доказательствъ и съ первыхъ же поръ стали стремиться дать участіе разумной дѣятельности въ области божественной истины. Для того, чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, нужно обратиться къ разсмотрѣнію обстоятельствъ, сопровождавшихъ начало догматическаго развитія и найти среди нихъ тѣ именно, какія и служили самыми дѣйствительными мотивами при его возникновеніи. Такъ извѣстно, что съ самаго появленія своего на свѣтъ христіанство должно было стать въ упорную, ожесточенную борьбу съ препятствіями и преградами на пути своего распространенія и только черезъ эту борьбу могло завоевать себѣ право на существованіе. Борьбѣ приходилось и съ языческимъ обществомъ, которое встрѣчало христіанство насмѣшками, презрѣніемъ и беспощадной критикой съ точки зрѣнія своей философіи; и съ языческимъ правительствомъ, которое поднимало противъ христіанъ гоненія и преслѣдованія; и, наконецъ, съ внутренними своими врагами, которые проповѣдывали свое неправильное пониманіе христіанства и производили этимъ смуты и раздѣленія въ Церкви. Нападеніямъ языческой философіи и преслѣдованіямъ правительства христіане противопоставляли раскрытіе и объясненіе своего вѣроученія въ апологіяхъ, обращенныхъ къ преслѣдователямъ и въ полемическихъ сочиненіяхъ, въ которыхъ раскрывались нелѣпость и противорѣчія язычества. Противъ внутреннихъ враговъ своей вѣры христіане боролись ихъ же оружіемъ: объяснители, приводили въ систему откровенное ученіе и раскрывали тѣ пункты его, на которые направлялось особенно вниманіе враговъ. Такая всесторонняя борьба не могла остаться безплодной и для внутренней жизни христіанства: результатомъ этой борьбы было значительное развитіе всѣхъ сторонъ церковной жизни. Конечно, и для догматики это не могло пройти безслѣдно: своимъ прогрессомъ въ это время она обязана борьбѣ, преимущественно съ язычествомъ.

Были и другія, внутреннія причины, способствовавшія научной дѣятельности въ области догматики и научной работкѣ догматовъ, привелю ихъ въ логическую связь и

зависимость. Если на первыхъ порахъ въ Церковь вступали люди простые и неученые, довольствовавшіеся принятіемъ на вѣру всѣхъ возвышенныхъ и таинственныхъ элементовъ христіанства, то въ послѣдующее время членами ея стали дѣлаться представители языческой интеллигенціи, воспитанные на классической философіи и привыкшіе къ ясному, точному и логическому мышленію. Тѣ ужь предъявляли новой религіи болѣе сложныя и высокія требованія. Они искали въ ней удовлетворенія для разума точно такъ же, какъ и для непосредственнаго чувства. Въ ученіи христіанства они желали бы видѣть стройную, научную систему, критически выработанную и повѣренную въ смыслѣ научной состоятельности и основательности. Огласительныя училища, изъ которыхъ потомъ выросли цѣлыя богословскія направленія, попытки построенія цѣльныхъ богословскихъ системъ, научная полемика съ философами и еретиками,—все это вышло изъ этого стремленія къ раціонализму въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Конечно, такое стремленіе вполне естественно и законно, и въ этомъ смыслѣ оно является желательнымъ въ Церкви: положительныя и благотворныя результаты его—на лицо. Но это же похвальное стремленіе, перейдя извѣстныя границы и будучи доведено до крайности, привело къ совершенно отрицательнымъ послѣдствіямъ и породило явленія, во всякомъ случаѣ нежелательныя. Мы говоримъ о ересьяхъ, которые стали возникать въ Церкви именно вслѣдствіе злоупотребленія разумнымъ стремленіемъ давать себѣ отчетъ во всемъ и находить для всего логическія основанія и доказательства.

Всякая ересь есть ничто иное, какъ предоставленіе разуму въ дѣлѣ религіи большихъ правъ, чѣмъ это нужно для того, чтобы между разумомъ и вѣрой сохранялось согласіе и гармонія. Неумѣренный раціонализмъ есть такое же ненормальное явленіе въ религіозной жизни, какъ и совершенный мистицизмъ, отрицающій всякое участіе разума и его научности, въ вопросахъ вѣры. Какъ то такъ и другое нарушаетъ гармонію, которая должна существовать тамъ и вносить рѣзкій диссонансъ въ эти отношенія. Вслѣдствіе этого же всякая ересь есть уже односторонность, она исходитъ изъ узкаго и

близорукаго взгляда на религію и, желая исправить и усовершенствовать какую-нибудь ея сторону, она неизбежно искажаетъ ее и лишаетъ того характера абсолютности и сверхъ-опытности, какая служить существеннымъ и неотъемлемымъ предикатомъ христіанства. Если мы вдумаемся въ смыслъ каждой ереси, то замѣтимъ что всѣ онѣ именно низводятъ религію на степень обыкновеннаго философскаго умозрѣнія, которое могло бы быть создано и собственными силами человѣческаго разума при помощи только извѣстныхъ логическихъ методовъ и приѣмовъ. Ереси оказали несомнѣнное вліяніе на раскрытіе догматовъ, такъ какъ бороться съ ними можно было только на тѣхъ же началахъ, на которыхъ они основывались, а для этого прежде всего нужно было облекать въ научную форму и приводить въ систему тѣ догматическія положенія, какія ересями оспаривались. Начались ереси въ Церкви очень рано и затѣмъ не прекращались и до сихъ поръ не прекращаются въ ея исторической жизни. Въ порядкѣ возникновенія ересей замѣчается строгая постепенность и послѣдовательный ходъ отъ общаго къ частному. Сначала появляются ереси самаго общаго характера, извращающія весь смыслъ христіанства; онѣ возникаютъ даже на почвѣ чуждыхъ христіанству религіозныхъ воззрѣній, заимствуя у перваго только незначительную часть содержанія. Потомъ заблужденія зараждаются уже въ самой Церкви и касаются нѣкоторыхъ общихъ и обширныхъ вопросовъ догматики. Чѣмъ далѣе, тѣмъ размѣры захватываемаго ересью вопроса все болѣе суживаются, такъ что послѣдующія ереси оспариваютъ только одинъ какой-нибудь частный пунктъ догматики, въ остальныхъ же сохраняютъ вполнѣ православное ученіе.

Въ борьбѣ Церкви за свое вѣроученіе можно прослѣдить собственно два большихъ законченныхъ процесса, которыхъ, правда, нельзя расположить въ строго хронологической послѣдовательности, такъ какъ продолженіе и конецъ перваго совпадаетъ съ началомъ втораго; но они оба стоятъ въ несомнѣнной логической связи, и второй вытекаетъ изъ перваго, какъ изъ своего основанія. Первый процессъ—это борьба съ цѣлыми чуждыми христіанству міровоззрѣніями, съ религіями,

которыя оспаривали у христіанства его абсолютное и универсальное значеніе. Всѣ эти религіозныя системы дѣлали болѣе или менѣе значительныя заимствованія изъ христіанства, но приводили эти заимствованные элементы въ связь съ чуждыми христіанству языческими идеями и ждали, такимъ образомъ, обновить ветшающее язычество. Когда появилось христіанство, всѣ существовавшія издавна и вновь нарождающіяся религіи стремились всячески, — въ силу присущей всякому религіозному вѣрованію нетерпимости и духу пропаганды, — воспрепятствовать распространенію новой религіи и подчинить, или ассимилировать ее себѣ, во всякомъ случаѣ лишить ее всѣхъ средствъ къ утвержденію и прочному существованію. Прежде всего заявляетъ свои исключительныя права на универсальное значеніе іудейство, которое, воспользовавшись большей частью содержанія христіанства, выступило въ формѣ евѣонитства на рѣшительную борьбу съ первымъ. Язычество классическое, вылившееся въ форму различныхъ философскихъ системъ, тоже претендовало дать человѣчеству разрѣшеніе вѣковѣчныхъ проблемъ бытія. Но особенно опасенъ былъ для христіанства неоплатонизмъ, который взявши за основаніе философскую систему Платона и привнесши въ нее элементы восточныхъ религій, считалъ себя универсальнымъ міровоззрѣніемъ, единственно истиннымъ и удовлетворительнымъ. Христіанства онъ не отрицалъ совсѣмъ и нѣкоторыя элементы его находилъ достойными пріятія въ универсальную религію, но считалъ его такой же односторонностью, какъ и всякая другая религія. Быстрое распространеніе христіанства заставило адептовъ неоплатонизма опасаться за будущность своего міровоззрѣнія, и они съ ожесточеніемъ боролись съ христіанствомъ; не только обычными средствами церковной борьбы — полемикой и пропагандой, но и репрессивными мѣрами, какъ было при Юліанѣ Отступникѣ. Наряду съ этой философско-неоплатонизмомъ, возникаетъ и борется съ христіанствомъ новая система, уже чисто-религіозная, составившаяся изъ элементовъ восточныхъ религій, александрійской философіи и христіанства. Это — гностицизмъ въ его различныхъ формахъ и манихейство, представляющее фантастическую смѣсь религіи Зороастра съ хри-

стіанствомъ. Съ теченіемъ времени въ гностицизмѣ явилась попытка примирить его съ христіанствомъ, результатомъ чего явилась новая форма гностицизма, имѣющая характеръ ереси, возникшей на почвѣ христіанской. Борьба съ всѣми этими религіозными системами и есть первый изъ двухъ логически связанныхъ между собою процессовъ догматическаго развитія Церкви.

Второй процессъ, представляющій высшій фазисъ развитія догматики,—это борьба съ ересями въ собственномъ смыслѣ, которыя возникали и развивались на церковной почвѣ и являлись заблужденіями по какому-нибудь отдѣльному догматическому вопросу. Ересь монархіанъ (съ ихъ подраздѣленіемъ на динамистовъ и модалистовъ), отрицавшихъ—тринчность Лиць въ Божествѣ—есть первая изъ такихъ ересей. Она выросла на почвѣ непониманія и искаженія церковнаго ученія о Св. Троицѣ только отчасти подъ вліяніемъ іудейства и языческой философіи. Но отрицая этотъ пунктъ христіанскаго ученія, монархіане во всемъ остальномъ вѣровали согласно съ Церковью и считали себя истинными христіанами, не отдѣляясь отъ остальныхъ членовъ Церкви. Вообще нужно замѣтить, что всѣ еретики, за исключеніемъ немногихъ, провозглашая свое новое ученіе, нисколько не думали черезъ это стоять въ оппозиціи съ Церковью: они всегда утверждали, что ихъ ученіе согласно съ древне-церковнымъ, со взглядами древнихъ о.о. и учителей Церкви. Слѣдующую ступень развитія въ еретическомъ пониманіи и объясненіи догмата о Св. Троицѣ представляетъ аріанство съ его развѣтвленіями и дополненіями, отрицавшее равенство и едипосущіе съ Отцомъ Сына Божія и Духа Св. Окончательнымъ завершеніемъ борьбы Церкви съ этой ересью, внесшей въ церковную жизнь столько смутъ и тревоженій, былъ II вселенскій соборъ, на которомъ ясно было формулировано христіанское ученіе о Св. Духѣ и подтверждено Никейское опредѣленіе о Сынѣ Божіемъ. Вопросъ о Св. Троицѣ былъ исчерпанъ и первое отдѣленіе періода борьбы съ ересями въ собственномъ смыслѣ было закончено. Затѣмъ слѣдуютъ христологическія ереси. Раціоналисты поднимаютъ слѣдующій по важности послѣ ученія о Св. Троицѣ

вопросъ, о Лицѣ Богочеловѣка и о взаимномъ отношеніи двухъ природъ въ Немъ. Результатомъ неумѣреннаго стремленія къ рационализму, съ одной стороны, и къ мистицизму—съ другой, явились одна за другой двѣ ереси, противоположныя одна другой и объявляющіяся крайностями по сравненію съ православнымъ ученіемъ. Несторіонство раздѣлило двѣ природы въ Богочеловѣкѣ до того, что они составили двѣ отдѣльныя личности, соединенныя между собой чисто видимымъ образомъ, а монафизитство, какъ реакція противъ несторіанства, наоборотъ, слило двѣ природы въ одну Божескую, которая поглотила и растворила человѣческую природу Иисуса Христа. III и IV вселенскіе соборы, на которыхъ разбирались эти ереси, формулировали православное ученіе о Христѣ и этимъ закончилось второе отдѣленіе періода борьбы съ ересями. Разсмотрѣніе послѣдующихъ ересей, возникавшихъ въ Церкви и дѣятельность соборовъ, разсматривавшихъ эти ереси, не входятъ въ нашу задачу, такъ какъ все это было или продолженіемъ и отраженіемъ начавшагося раньше движенія, или повтореніемъ его въ такой или иной формѣ.

Теперь попытаемся разсмотрѣть самый историческій ходъ догматическаго развитія въ указанной связи и послѣдовательности, не вдаваясь въ излишнія подробности и не останавливаясь на частныхъ фактахъ. За исходный пунктъ разсмотрѣнія христіанской догматики, конечно, необходимо принять самое начало этой догматики, которое дано въ ученіи Божественнаго Основателя христіанства. Здѣсь заключается отвѣтъ на всѣ религіозные вопросы и дается цѣльное религіозное міросозерцаніе, котораго должны были принять и усвоить всѣ вѣрующіе во Христа. Примѣняясь къ своимъ слушателямъ, Иисусъ Христосъ излагалъ ученіе свое классически-просто и догматично, не прибѣгая къ сложнымъ научнымъ доводамъ и доказательствамъ, которыхъ не могъ бы понять умъ, непривыкшій къ правильному отвлеченному мышленію. Но за то Его слушатели живой сердечной вѣрой легко усвоили глубочайшія истины Откровенія, недоступныя „разуму разумныхъ“. Принимая ученіе Христа, первые Его послѣдователи и ученики усвоили, главнымъ образомъ, самый духъ этого ученія,

самый нравственный смыслъ его, болѣе или менѣе безотчетно и бессознательно относясь съ благоговѣніемъ къ возвышеннымъ истинамъ, возвѣщеннымъ въ новомъ ученіи. Имъ нуженъ былъ смыслъ жизни, и они получили его въ Евангельскомъ нравственномъ законѣ, который такъ понятенъ и близокъ былъ каждому, такъ много говорилъ сердцу.

Предъ вознесеніемъ на небо Іисусъ Христосъ завѣщалъ Апостоламъ проповѣдывать Евангеліе Царствія и повелѣлъ имъ пронести его „до послѣднихъ земли“. На первыхъ порахъ проповѣдь происходила въ Палестинѣ среди іудеевъ, которые, принимая новое ученіе, не могли все-таки отрѣшиться отъ тѣхъ воззрѣній, въ которыхъ были воспитаны. Они благоговѣли предъ Моисеемъ, признавали за его закономъ непреходящее значеніе; нѣкоторые изъ наиболѣе пропитанныхъ своимъ узкимъ іудействомъ и на Мессію смотрѣли лишь какъ на продолжителя дѣла Моисеева и нисколько не думали о томъ что это Мессія, Богъ воплотившійся. Все это были элементы ереси, которая не замедлила возникнуть при благоприятныхъ обстоятельствахъ. Пока область распространенія христіанства ограничивалась небольшими предѣлами Палестины и въ составъ Церкви входили только іудеи,—вопросъ объ отношеніи христіанства къ іудейству не затрогивался: члены Церкви строго исполняли постановленія закона Моисеева, участвовали въ ветхозавѣтномъ богослуженіи—и только. Но когда, по поводу начавшагося вступленія въ Церковь язычниковъ, былъ поставленъ прямо вопросъ объ отмѣнѣ встхозавѣтнаго закона и необязательности его для язычниковъ, іудейская партія запротестовала. Апостольскій соборъ рѣшилъ этотъ вопросъ въ смыслѣ отрицательномъ для Моисеева закона, и, такимъ образомъ, положилъ начало открытому самоопредѣленію христіанства, какъ религіи. Опредѣляя значеніе Апостольскаго собора въ дѣлѣ догматическаго развитія, можно сказать, что онъ былъ первымъ этапомъ на пути этого развитія. На немъ открыто заявлена отдѣльность и независимость христіанства отъ іудейства, Новаго Завѣта отъ Ветхаго, который признанъ только „сѣнью грядущихъ благъ“, потерявшей значеніе съ осуществленіемъ послѣднихъ. Іудейство объ-

явлено было уже излишнимъ и ненужнымъ для сыновъ благодати, какъ отслужившее свою историческую миссію.

Ревностнымъ защитникомъ и проводникомъ идеи собора является Ап. Павелъ, который всю свою дѣятельность посвятилъ на утверженіе въ сознаніи христіанъ идеи отличности и независимости Новаго Завѣта отъ Ветхаго, идею полной оригинальности перваго. Для того, чтобы всесторонне раскрыть и уяснить свою мысль, Ап. Павелъ развилъ съ особенной полнотою и обстоятельностью то, что въ христіанствѣ совершенно ново и независимо отъ іудейства и что рѣзко отличаетъ его отъ послѣдняго. Это — идея искупленія и спасенія людей, благодаря крестнымъ заслугамъ Христа, черезъ вѣру въ Него; при этомъ дѣла закона являются излишними—христіанинъ свободенъ отъ ига этому закону, потому что вѣра любовію споспѣшествуемая сообщаетъ ему оправданіе жизни и соединяетъ его со Христомъ помимо закона. Такимъ образомъ, Ап. Павелъ изложилъ ту часть христіанскаго вѣроученія, которая известна подъ названіемъ сотериологіи, этого требовала необходимость борьбы съ іудействомъ, которая въ значительной степени опредѣлила направленіе его дѣятельности. Но какъ ни энергична была эта дѣятельность, она не могла остановить или направить въ другую сторону того хода вещей, который такъ естественно и логично сталъ слагаться съ самаго же начала христіанства. Послѣ разрушенія Іерусалима, уже образовалась вполнѣ законченная и опредѣленная ересь, выяснившая вполнѣ свое отношеніе къ Церкви и свое ученіе. Это—евіонитство, которое въ сущности оставалось тѣмъ же іудействомъ и явилось, какъ результатъ прибавленія къ чисто-іудейскому міровоззрѣнію и некоторыхъ христіанскихъ идей, конечно, въ искаженномъ, согласно іудейскимъ принципамъ, видѣ. Евіониты не приняли основного спеціально-христіанскаго догмата—искупленія, и признали за мессіей только роль великаго пророка, подтвердившаго и раскрывшаго Моисеевъ законъ и подавшаго въ своемъ Лицѣ примѣръ нравственнаго совершенства, достойный подражанія. Система евіонитства получила, такимъ образомъ, какъ результатъ стремленія къ цѣльности и законченности въ міросозерцаніи: элементы, не достающіе въ

іудействѣ, были позаимствованы изъ христіанства, причемъ послѣднее оказалось здѣсь совершенно непонятнымъ.

Соотвѣтственно съ характеромъ ереси, борьба съ ней могла состоять ни въ чемъ иномъ, какъ въ точномъ и обстоятельномъ раскрытіи и уясненіи ученія христіанскаго вообще, причемъ совершенное несогласіе и несходство евіонитства съ христіанствомъ сразу должно было выясниться при сравненіи одного съ другимъ. Кромѣ того, противъ евіонитства нужно было доказывать преходящее значеніе Моисеева закона и утрату имъ своего значенія съ появленіемъ христіанства; затѣмъ, необходимо было выяснить ученіе о Мессіи, какъ Искупителѣ міра, такъ какъ это былъ главный пунктъ, который отрицали евіониты въ христіанскомъ ученіи. Представители Церкви такъ именно и порели борьбу. Посланія Ап. Павла, какъ упоминалось уже, служили прекраснымъ опроверженіемъ евіонитства, такъ какъ въ нихъ раскрывался истинный смыслъ Вѣтхаго завѣта и указывалось его отношеніе къ христіанству, сущность котораго была выяснена самымъ обстоятельнымъ образомъ. Мужи Апостольскіе въ своихъ твореніяхъ тоже доказывали несостоятельность абсолютнаго іудейства. Такъ Ап. Варнава писалъ въ посланіи, что іудейскія жертвы съ пришествіемъ Христа отмѣнены, такъ какъ законъ дѣлъ, требовавшій этихъ жертвъ, отмѣненъ и наступилъ законъ вѣры и благодати. Всѣ важнѣйшіе предметы и событія подзаконнаго времени имѣли значеніе не сами по себѣ, а лишь по стольку, по скольку являлись прообразами и предзнаменованіями новозавѣтныхъ временъ. Всѣ обѣтованія, данныя евреямъ во всей полнотѣ, относятся къ членамъ Церкви новозавѣтной, которые и являются наслѣдниками этихъ обѣтованій въ собственномъ смыслѣ: Христосъ заключилъ съ людьми Новый Законъ, а законъ Моисеевъ оправдился навсегда. Св. Игнатій Богоносецъ въ своей полемикѣ съ іудействующими, высказывалъ такія же мысли и приводилъ соображенія, подобныя же этимъ. Такъ въ борьбѣ съ іудействомъ сдѣланъ былъ первый важный шагъ въ догматическомъ развитіи, которое затѣмъ пошло по намѣченному здѣсь пути; прогрессъ состоялъ здѣсь въ самоопредѣле-

ни христіанства, какъ отдѣльной и самостоятельной религіи, по сравненію съ іудействомъ и въ сознательномъ усвоеніи вѣрующими этой отдѣльности.

Рядомъ съ іудействомъ является у христіанства новый опасный врагъ, который хотя составляетъ въ извѣстномъ смыслѣ полную противоположность по сравненію съ іудействомъ, но такъ же враждебенъ христіанству, какъ и первое и такъ же оспариваетъ у него право на существованіе въ видѣ отдѣльной, самостоятельной и оригинальной религіи. Мы говоримъ объ александрійской философіи, которая, какъ извѣстно, получила ко времени появленія христіанства религіозный характеръ и стремилась рѣшать религіозныя проблемы. Въ ней соединились элементы древнихъ восточныхъ религій и греческой философіи, благодаря чему получился своеобразный синтезъ религіи съ философіей, въ которомъ религіозный элементъ получилъ преобладающее значеніе. Одинъ изъ представителей такого направленія, Филонъ, сочетавшій въ своей системѣ іудейство съ платонизмомъ, выступалъ къ тому времени со своей теоріей Логоса, думая дать въ ней рѣшеніе высшихъ вопросовъ бытія и жизни. Логосъ у Филона, будучи произведеніемъ Божества, является посредникомъ между Божествомъ и матеріей—двумя совершенно самостоятельными бытіями. Черезъ посредство Логоса и устанавливается отношеніе между ними, и Божество творитъ изъ матеріи міръ по тому, по тѣмъ идеямъ, какія находятся въ Его разумѣ, а этотъ разумъ въ своемъ проявленіи въ мірѣ и есть Логосъ. Такимъ образомъ, Логосъ „не есть существо необходимо предполагаемое самымъ бытіемъ Бога, а потому и Слово (*λόγος*), мыслимое въ Богѣ, не есть моментъ внутренняго самооткровенія Сущаго, а только начало откровенія внѣшняго“. „Логосъ у Филона существуетъ для міра, а не для Бога, и въ свое назначенія, какъ посредствующаго начала, оказывается лишнимъ“ (В. Болотовъ. „Ученіе Оригена о Св. Троицѣ“, стр. 23). Подъ вліяніемъ такой философіи, у людей, ищущихъ цѣльнаго міросозерцанія, явилась мысль связать ученіе о Логосѣ съ христіанствомъ и олицетворить этотъ отвлеченный и безличный Ра-

зумъ Божества въ живомъ и конкретномъ образѣ Основателя христіанства. Попытки въ этомъ направленіи стали производиться очень рано, еще въ апостольскій вѣкъ, и тогда же онѣ встрѣтили въ защитникахъ христіанства самое рѣшительное противодѣйствіе.

Можно съ вѣроятностью предполагать, что писанія св. Іоанна Богослова, появившіеся приблизительно въ концѣ перваго вѣка нашей эры, имѣютъ въ виду именно філонизмъ, а затѣмъ еретиковъ-докетовъ, николаитовъ и др., которые, исходя изъ теоріи Логоса и считая Христа воплощеніемъ Его, думали, что земная жизнь Христа была призрачной и недѣйствительной и что принятіе имъ человѣческой плоти было нереально. Св. Іоаннъ Богословъ, въ противовѣсъ такому неясному пониманію христіанства, предложилъ въ своемъ Евангеліи ученіе христіанское объ истинномъ Божественномъ Логосѣ—Единородномъ Сынѣ Божіемъ, о Его премірномъ бытіи и вѣчныхъ отношеніяхъ къ Богу Отцу и Духу Св. Этотъ Божественный Логосъ, отъ вѣка пребывающій съ Богомъ и въ Богѣ, воплотился, сталъ дѣйствительнымъ истиннымъ человѣкомъ, подобнымъ намъ, претерпѣлъ за людей реальныя страданія и смерть. Словомъ, Ап. Іоаннъ раскрылъ ту сторону христіанскаго ученія, которой мало касался Ап. Павелъ, обратившій свое преимущественное вниманіе на ученіе о Христѣ, какъ Спасителѣ и Искупителѣ міра, о Богочеловѣкѣ. Ап. же Іоаннъ видитъ въ Іисусѣ Христѣ прежде всего Божественное Лицо и занимается вопросомъ объ отношеніяхъ Его къ другимъ Лицамъ Св. Троицы, о Его премірномъ бытіи. Наибольшее освѣщеніе и раскрытіе получаетъ, поѣтому, у Ап. Іоанна ученіе о Богѣ въ самомъ себѣ, о Божескихъ Лицахъ, Ихъ ипостасныхъ свойствахъ и взаимной связи и единствѣ Ихъ между собой.—Если мы теперь прослѣдимъ дальнѣйшую исторію догматическаго развитія, то увидимъ, что ученіе, изложенное Ап. Іоанномъ, даетъ направленіе цѣлому періоду въ этой исторіи: до II-го всел. собора вниманіе Церкви занимаетъ преимущественно отдѣлъ христіанской догматики—о Св. Троицѣ, о взаимныхъ отношеніяхъ Божескихъ Лицъ, объ отношеніяхъ, въ особенности, Сына Божія къ Богу Отцу, о

равенствѣ и единосущіи Ихъ между собой. И только уже въ эпоху III-го и IV-го всел. соборовъ, когда ученіе о Св. Троицѣ послѣ долгой борьбы съ ересями наконецъ вполне выяснилось въ сознаниіи вѣрующихъ и усвоено всѣми какъ фактъ безспорный и необходимый,—Церковь обратилась къ разсмотрѣнію христологическаго ученія, когда еретики выдвинули этотъ вопросъ, какъ важнѣйшій послѣ рѣшеннаго на I и II всел. соборахъ.

Е. Н.

(Окончаніе будетъ)

НѢМЕЦКІЙ ПРОТЕСТАНТИЗМЪ

КЪ НАЧАЛУ 20-го СТОЛѢТІЯ¹⁾

(Проложеніе *).

³
2. Придворный проповѣдникъ Штеккеръ, о явленіяхъ въ церковной жизни протестантства за самое послѣднее время.

Прямую противоположность „модной“ теологіи составляетъ *богословіе положительнаго направленія*, которое твердо держится основныхъ пунктовъ христіанства. Изъ числа всѣхъ, обсуждающихъ современное состояніе протестантства, Д. Штеккеръ, безъ сомнѣнія, является самымъ умнымъ, съ наиболѣе широкимъ умственнымъ кругозоромъ, а также самымъ неприятнымъ лицомъ для нѣкоторыхъ круговъ. Онъ возлагаетъ послѣднюю свою надежду на вѣрныхъ исповѣданію профессоровъ, пресвитеровъ и синодаловъ, равно какъ и вѣрующихъ властей, но кто читалъ его разсужденія на эту тему, тотъ скоро находилъ, что также и онъ испытываетъ глубокое чувство подавленности ввиду современнаго положенія церковнаго протестантизма. Какъ онъ изображаетъ это положеніе, оно представляется *почти безнадежнымъ*. Въ пятомъ № „Нѣмецкой евангелической церковной газеты“ отъ 3-го февраля 1900 года онъ пишетъ:

„Нѣмецкій протестантизмъ такъ раскололся въ своемъ ученіи, что вообще не можетъ дѣйствовать съ силой единаго общаго міропониманія. И онъ такъ зависимъ отъ государства и правительства, что ни разу не могъ безпристрастно обсудить социальное положеніе вещей. Конечно, со-

¹⁾ Профес. Гунперта. Черевотъ съ нѣмецкаго сочиненія подъ подобнымъ же заглавіемъ.

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 1 за 1908 г.

временное богословіе находить, что церковь процвѣтаетъ, такъ какъ процвѣтаетъ ея школа, и старовѣрное направленіе заявляетъ, что протестантизмъ принципиально не имѣетъ никакого дѣла съ политикою и соціальною наукою. Но то теоретическое образованіе и эта вынужденная изолированность ничего не измѣняютъ въ томъ фактѣ, что евангелическая церковь остается безъ вліянія и не имѣетъ силы (Macht) ни въ высшихъ образованныхъ кругахъ, ни въ низшихъ работающихъ классахъ народа. Измѣнить такое положеніе вещей и оставляетъ задачу двадцатаго столѣтія.

Евангелическая церковь въ своемъ управленіи совершенно *оміричилась* и благодаря этому также и въ ученіи и жизни слишкомъ сильно проникается духомъ міра. Хотя это представляется большинству протестантовъ невѣрнымъ, однако же это—истина. Весьма часто говорятъ, что Римъ—мірская сила и потому могущественъ, протестантство—духовная сила и потому міромъ побѣждается, неавидится, прозирается. Безъ сомнѣнія, римская церковь въ своемъ строѣ имѣетъ нѣчто политическое и мірское; но массаи владѣетъ она при помощи религіозныхъ средствъ. Пусть находятъ въ ней много ложныхъ ученій, но всякомъ случаѣ остается твердымъ то, что Римъ съ своими заблужденіями оказываетъ страшное вліяніе въ Германіи, тогда какъ евангелическая церковь остается бессильною въ отношеніи къ міру, заключаетъ нездоровые компромиссы съ свѣтскою наукою, совершенно подчиняется въ своей собственной области свѣтской власти и даже тогда, когда она трактуется неправомѣрно и совершенно позорно, какъ напр. въ культуркампфѣ, не находитъ мужества и силы къ отпору... Наше исповѣданіе признаетъ, что Церковь есть общество вѣрующихъ, въ которой евангеліе право проповѣдуется. А наша практика допускаетъ на каѳедры церковныхъ и ученыхъ, въ правительственныхъ мѣстахъ и синодахъ *смѣшеніе вѣрующихъ и невѣрующихъ*, которые ни въ какомъ случаѣ не согласуются съ требованіями добраго гражданскаго общественнаго порядка, но говоря уже объ идеалѣ царства небеснаго“.

Въ заключеніи еще говорится, что много разъ оспариваемое соціаль-демократическое положеніе: „религія—частное дѣло“ сдѣлалось собственно руководительнымъ началомъ для либераловъ и пѣтистовъ. Даже благочестивые люди напоминаютъ еще только объ *обращеніи отдѣльныхъ мишъ*, а не объ *обновленіи народа*. Самое большее—они требовали, чтобы былъ родъ христіанскаго прихода по внѣшней формѣ, а объ *обновленіи церкви* они не хотѣли ничего знать, ничего совершенно

не понимая въ этомъ. Одни не допустили, чтобы чрезъ Евангеліе міръ могъ быть преобразованъ, одухотворенъ, другіе — ожидали скорого втораго пришествія, такъ какъ они болѣе не вѣрили въ улучшеніе міра. Въ работѣ церкви отчаявались, а между тѣмъ ожидали будущаго потусторонняго царствія Божія. Фактъ основанія Царствія Божія на землѣ Христомъ, которое должно прокладывать путь къ обновленію человѣчества, имѣющему завершиться тамъ на верху, есть сокровенная тайна даже для вѣрующихъ протестантовъ. Допускаютъ распасться церкви и молятся о новой пятидесятницѣ.

Въ № 6 нѣмецкой евангелической церковной газеты отъ 4-го февраля 1899 г. Штеккеръ касается *проповѣди*, на которую часто жалуются, что „дѣйственность ея ничтожна“. Для извѣстныхъ круговъ это прямо значитъ, что церковь мертва, и ея проповѣдь нисколько не свидѣтельствуетъ о ея жизни. Господинъ Штеккеръ думаетъ, что протестантской проповѣди во многихъ отношеніяхъ недостаетъ народности и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣйственности на народное сердце, — что онъ подробнѣе изъясняетъ слѣдующимъ образомъ.

„Большинство проповѣдей представляютъ собою болѣе или менѣе удачное раскрытіе мыслей, которые проповѣдниками усвоены изъ библейскаго богословія, догматики, этики. Но тонкой нити часто совершенно не естественной дислокаціи располагаются ряды абстрактныхъ идей. Въ приходской жизни проповѣдники не участвуютъ, собственный опытъ ихъ остается бѣднымъ, общественная жизнь отсутствуетъ; естественно, что въ различныхъ отношеніяхъ не достаетъ проповѣди почвы, изъ которой она могла бы выростать живою. Уже съ университета начинается эта безплодность. Безпорядочная студенческая жизнь многомъ не позволяетъ дойти до обращенія; многіе профессора работаютъ не на пользу духовной жизни. Что составляетъ самую главную задачу проповѣди — путемъ искренней и живой проповѣди евангеліи пробуждать души и приобрѣтать Господу, — на это или совсѣмъ не обращается вниманія или обращается не вполне рѣшительно. Университетъ также не помогаетъ студентамъ ориентироваться относительно тѣхъ злыхъ силъ, съ которыми проповѣдникъ имѣетъ бороться въ приходѣ. Это — *воздухъ безъ кислорода*; причемъ невозможно развитіе сильной жизни ни въ ораторахъ, ни въ слушателяхъ. *Толмажъ* однажды сравнилъ этого рода ораторовъ съ церковной кавальеріей съ обѣдомъ, за которымъ тарелки поставлены, а ѣсть нечего. Побольше пома-

занія отъ Святаго Духа, побольше обнаруженія существа и истины Божественнаго Слова—это есть первое требованіе для дѣйственности проповѣди. Съ этимъ естественно необходимо должно соединяться также и правильное истолкованіе Слова Божія“.

Для широкихъ круговъ общества замѣчательно еще заявленіе Штеккера, что проповѣдь необходимо должна оставаться бессильною, если она требуетъ освященія, а не можетъ воспрепятствовать „не освященнымъ“ соработу и соуправленіе въ церкви. По седьмому члену Аугсбургскаго исповѣданія церковь должна быть „обществомъ святыхъ“, но „не освященные“ (Unheiligen) записывались въ списки церковныхъ избирателей и могли своихъ соучастниковъ проводить на церковныя должности. „Въ протестантизмѣ, говоритъ Штеккеръ, можно отвергать самый существенный пунктъ Павлова евангелія—оправданіе вѣрою, и оставаться суперъ-интендантомъ“. Библия, какъ и евангелическое исповѣданіе требуютъ, чтобы міръ и церковь, свѣтское и церковное управленіе, не вмѣшивались одно въ другое, но это именно и представляетъ протестантизмъ. Подобно этому нѣмецкая евангелическая церковная газета (№ 7 отъ 11 февр. 1899) горько жалуется на *государственную церковность*. (Staatskirchentum). Ниже мы болѣе подробно разсмотримъ это; здѣсь лишь для полноты картины отмѣтимъ только нѣсколько мыслей Штеккера объ этомъ предметѣ.

„Мы думаемъ, что *полное отсутствіе руководства и управленія*—протестантскаго, скоро-ли, долго-ли необходимо должно возымѣть самыя дурныя послѣдствія. Въ настоящее время мы такъ глубоко подпали *цезарепанизму*, какъ никогда раньше въ теченіе четырехъ столѣтій со времени реформаціи. Куда это насъ заведетъ, нельзя предугадать. Но фактъ—неопровержимъ. *Государственная церковь* почти превращается въ *церковное государство* (Kirchenstaat). Какъ только это могло произойти? Двадцать пять лѣтъ предъ симъ среди лицъ посредствующаго направленія было глубокое и сильное воодушевленіе идею свободы церкви. Синодальное управленіе стало гробомъ церковной свободы. Послѣ первыхъ порывовъ, которые продолжались только немного лѣтъ, не только прекратилось домогательство свободы, но снятъ съ очереди самый вопросъ о ней. Безъ всякаго протеста марширъ съ враждебными исповѣданію профессорами, суперъ-интендантами и коллегіаторскими совѣтами. И

для многихъ благочестивыхъ людей нѣтъ ничего ненавистнѣе, какъ рѣчь о внѣшней формѣ церковной жизни и управленія церковнымъ; потеряли надежду—чего-нибудь достигнуть, и мужество—къ чему-нибудь стремиться; и вотъ объявляютъ добродѣтелью вѣрять, что въ церкви все обстоитъ благополучно и идетъ надлежащимъ порядкомъ. Мы приближаемся къ тому состоянію, какое Ротэ выставляетъ желаннымъ, именно къ тому, что *церковь исчезнетъ (растворится) въ государство, т. е. въ міръ*. Основное положеніе, что въ протестантизмѣ дѣло не въ управленіи, приносить свои плоды. Оно призывало къ реформамъ и въ дни Виттенбергской и Вартбургской пятидесятницы было выражающимъ евангелическаго убѣжденія. Во времена, когда свѣтское правительство и общественное мнѣніе были вообще христіанскими, это равнодушіе къ церковнымъ формамъ также могло имѣть мѣсто. Но оно всегда было ошибкою⁶.

Штеккеръ совершенно не мирится съ цезарепапизмомъ; позднѣе онъ снова говоритъ въ названной церковной газетѣ (№ 3 отъ 3 февраля 1900 г.):

„Преобладаніе и руководство въ церкви такихъ людей, которые обладаютъ своею властію по рожденію, какъ князья, или поставлены въ свою должность міромъ, какъ государственныя и церковныя власти,— *противно самой природѣ церкви*. Незабвенный прусскій король (?) признавалъ свои положенія въ церкви незаконнымъ и не христіанскимъ, даже какъ нѣчто ужасное. Это время было неиспользовано властью имѣющимъ; великій часъ освобожденія былъ пропущенъ. И нынѣ мы стоимъ предъ *неслышаннымъ* смѣшеніемъ государства и церкви, мірскаго управленія и духовнаго руководства, которое не дѣлается лучшимъ отъ того, что выполняется односторонне только государственными факторами. Въ томъ заключается удивительная иронія, что вмѣшательство государства въ церковь совершенно не замѣчается или принимается за благо, напротивъ привнесеніе духовной закваски на три мѣры муки государственной или народной жизни встрѣчаетъ противодѣйствіе подъ предлогомъ смѣшенія религіи и политики, хотя этого не случается⁶.

Господинъ Штеккеръ говоритъ совершенную истину, если онъ утверждаетъ, что протестантизмъ въ настоящее время такъ глубоко подпалъ цезарепапизму, какъ никогда раньше со временъ и своего появленія. Но онъ ведетъ борьбу противъ него за свободу господствующей церкви, какъ одинокій стрѣлокъ. Чтобы казалось, что нѣчто дѣлается, надобно тѣмъ энергичнѣе бороться по всей линіи противъ „католическихъ притязаній“. Но като-

лики, по крайней мѣрѣ Германіи, въ громадномъ большинствѣ своемъ люди вѣрующіе и привязаны къ своей церкви, между тѣмъ какъ протестантизмъ подобенъ царству, въ которомъ воды революціи лижутъ уже ступени трона. На этомъ основаніи широкіе протестантско-церковные круги предчувствуютъ близкіе „сумерки боговъ“.

Особенно важную роль въ новѣйшемъ развитіи протестантской церковной жизни играетъ, какъ было упомянуто, профессоръ Гарнакъ. Въ своемъ обзорѣ 1901 года придворный проповѣдникъ Штеккеръ обрисовываетъ разлагающее вліяніе этого теолога (Нѣмецкая евангелическая церковная газета №№ 1—6, 1902 г.):

„Почти цѣлый годъ (1901) былъ наполненъ споромъ за и противъ книги „Сущность христіанства“. Если Гарнакъ правъ, то христіанство въ теченіе 19-ти столѣтій жило въ тяжкихъ заблужденіяхъ, которыя оскорбляютъ величіе Божіе. Ибо этотъ ученый отвергаетъ *Божество Христа, дѣйствительность* воскресенія, *чудеса* Библии и вмѣстѣ съ тѣмъ *сверхъестественное въ христіанствѣ*. Книга: „сущность христіанства“ показываетъ намъ, каково собственно крайнее лѣвое богословіе. Если бы книга Гарнака не была написана такъ тепло и воодушевленно, мы должны были бы высказать о ней такое сужденіе: въ ней заключено евангеліе современнаго *антихристіанства*. Въ сущности позиція современной радикальной лѣвой столь же глубокаго разрушительна, какъ и позиція стараго либерализма. И что она работаетъ болѣе разумно, дѣйствуетъ не тупымъ отрицаніемъ, но критическимъ усугубленіемъ сверхъестественныхъ фактовъ, не безрелигіознымъ морализмомъ, но покрытымъ дымою религіозности мировоззрѣніемъ, для нея самой—преимущество, для церкви—большій вредъ. Ибо этакъ самымъ для многихъ она скрываетъ свои послѣдніе выводы. Именно потому-то книга Гарнака имѣетъ столь большое значеніе, что она ясно и опредѣленно извлекаетъ самыя крайнія слѣдствія. По ней Христа нѣтъ въ Евангеліи. Это положеніе означаетъ ни болѣе, ни менѣе, какъ то, что мы не смѣемъ исповѣдовать: вѣрую во Іисуса Христа. Кто слѣдуетъ за Гарнакомъ, тотъ не можетъ вѣрить въ Спасителя, но только въ Отца, которому онъ насъ научилъ. „Кто въ Меня вѣруетъ“, говоритъ Христосъ, „тотъ имѣетъ вѣчную жизнь“. Это болѣе не имѣетъ значенія въ этомъ самомъ по слѣдствіи богословіи. Это модное богословіе имѣетъ другую религію, чѣмъ мы“.

Затѣмъ, Штеккеръ продолжаетъ, что Гарнакъ хотѣлъ па-

писать книгу, какъ историкъ, въ чемъ ему слѣдуетъ вѣрить, тѣмъ не менѣе она въ высокой степени не исторична, такъ какъ церковная исторія ясно выставляетъ, что христіанство вращается вокругъ вопроса: „что думаете вы о Христѣ“? Есть ли Христосъ истинный Богъ, или только человѣческій геній, на этомъ въ концѣ концовъ основывается все, истина, какъ и благодать. Далѣе говорится:

„И вотъ Д. Гарнакъ не хочетъ вообще придавать значенія христологіи. Если онъ правъ, то вся десятишняя Церковь—неправа. Духъ Святыи наставлялъ апостоловъ на многія заблужденія. Тогда Духъ церкви не Духъ Святой, но духъ догмата, буквы, формы! Пусть теперь только по отдѣльному вопросу представляютъ различіе между новою и старою вѣрою: можемъ-ли мы молиться ко Христу, или нѣтъ? Можемъ-ли мы въ душевной тяготѣ призывать ко Христу: „Господи, помилуй насъ“! Церковь всѣхъ вѣковъ молилась Иисусу Христу. Если мы не принимаемъ Его за Бога, то мы болѣе не можемъ Ему молиться. Молиться человѣку—оскорбленіе Богу. Одно изъ двухъ: или то, или другое“!

Также и здѣсь можно только соглашаться съ Штеккеромъ. Модная телогія и приверженцы протестантскаго фрейна совершаютъ на дѣлѣ человѣко-поклоненіе, когда они отвергаютъ Божество Христа и, однакоже, молятся Ему, какъ *Богу*, какъ это предписано въ оффиціальной литургіи. И при этомъ еще перевертываютъ копье и обвиняютъ католиковъ, за поклоненіе людямъ, такъ какъ они почитаютъ святыхъ или даже преклоняются предъ папою! Но что либеральное богословіе повинно въ человѣко-поклоненіи,—такъ какъ они къ человѣку, какъ они его понимаютъ, обращаются какъ къ Богу,—оно само не можетъ отрицать.

Господинъ Штеккеръ далѣе дѣлаетъ слѣдующія сообщенія церковно-политическаго характера.

„Съ нѣкоторою торжественностію упоминается въ прессѣ лѣваго направленія о томъ фактѣ, что Гарнакъ въ послѣднее время очень часто приглашался ко двору. Подобнаго рода вещамъ мы не придаемъ рѣшительно никакого значенія ни для богословія, ни для церкви. И насъ нисколько не удивляетъ это обстоятельство. Кто знакомъ хорошо съ церковно-политическими событіями, тотъ знаетъ давно, что кризисъ придворнаго проповѣдничества начался съ 1889 г., съ приглашенія Гарнака.

Воспользовался Кюгеламъ, который тогда представлялъ собою мнѣніе евангельскаго верховнаго церковнаго совѣта, чтобы выставить придворныхъ проповѣдниковъ, какъ нетерпимыя горячія головы. Такъ затѣяна была интрига средней партіи и привела къ побѣдѣ. Что придворные проповѣдники—правы, вдвойнѣ подтвердилось нападеніемъ Гарнака на апостольскій символъ и книгою: „сущность христіанства“. Но господство посредствующей партіи въ церкви осталось. Можно только удивляться, что церковно-политическія партіи правой совершенно согласны съ этимъ и довольны“.

Либеральная пресса оспаривала это свидѣтельство и утверждала, что „охлажденіе“ къ Штеккеру имѣло другія основанія. Теперь несомнѣнно, что по нѣкоторымъ основаніямъ Штеккеръ сталъ неудобнымъ для руководящихъ круговъ; но если онъ говоритъ, что кризисъ среди придворныхъ проповѣдниковъ начался съ приглашеніемъ Гарнака, то, по нашимъ свѣдѣніямъ, онъ говоритъ вполне вѣрно. Князя Бисмарка ничто не располагало въ пользу посредствующаго богословія, но онъ считалъ представителей этой партіи надежнѣе въ политическомъ отношеніи, чѣмъ тогдашніе придворные проповѣдники; особенно же его беспокоила дружба Штеккера съ Гаммерштейномъ и графомъ Вальдервее. Императоръ Вильгельмъ II не желалъ вообще, чтобы придворные проповѣдники занимались политикою. Это могло еще не повести къ „краху“, если бы призваніемъ Гарнака не создалось какъ бы пробы силъ между представителями посредствующаго и положительнаго направленія, на которой послѣдніе оказались побѣжденными. Въ лицѣ Штеккера палъ единственный величественный церковный мужъ, единственный человѣкъ, который имѣлъ болѣе широкій кругозоръ касательно потребностей времени и организаторскій талантъ къ обновленію жизни.

Протестантизмъ настоящаго времени вообще не богатъ подобными лицами, нѣтъ болѣе Фильмара, Генгстерберга. Въ ученыхъ богословахъ недостатка нѣтъ, Гарнакъ первый изъ всѣхъ и ученостью далеко превосходитъ Штеккера, но это—кабинетные ученые. Вращать колесо времени никто изъ нихъ не можетъ. Штеккеръ—единственный человѣкъ, который, если бы имѣлъ силу, могъ создать что-нибудь. Всѣ другіе ничего

не умѣютъ сдѣлать и не имѣютъ никакихъ идей, проявляютъ церковный протестантизмъ только „борьбою противъ Рима“, а не положительнымъ созиданіемъ. Конечно, Штеккеръ сдѣлалъ многое, что ему и повредило; во всякомъ случаѣ остается фактомъ то, что *дѣеспособная сила* такимъ манеромъ была парализована. А какіе виды имѣетъ Гарнакъ на руководительное положеніе, обнаружилось недавно въ томъ, что императоромъ онъ назначенъ — рыцаремъ (съ правомъ подачи голоса) ордена *rouge le merite*.

Справедливыя жалобы Штеккера свидѣтельствуютъ о печальномъ состояніи вообще протестантизма. Несомнѣнно глубоко печально — то, если его первый богословъ, которому рукоплещетъ все молодое поколѣніе и уже большинство старѣйшихъ людей, объявляетъ, что Христа нѣтъ въ Евангеліи. Въ своей книгѣ: „Сущность христіанства“ (стр. 91) онъ говоритъ прямо такъ: „Не о Сынѣ, но только объ Отцѣ говоритъ Евангеліе, какъ его возвѣстилъ Іисусъ“. Но это уже — здѣсь Штеккеръ правъ — болѣе не есть *христіанство*, а *новая религія*.

Послушаемъ далѣе жалобы Штеккера:

«Нѣтъ ничего для церкви реформаціи болѣе роковаго, какъ *радикализмъ во враніи къ символическимъ книгамъ на кафедрѣ...* Такое состояніе нашло свое выраженіе въ много разъ обсуждавшихся словахъ (профессора Кёлера), будто призваніе профессора богословія состоитъ въ томъ, чтобы поколебать вѣру въ занимающихся богословіемъ юношахъ и произвести соблазны. Не всегда выражается противорѣчіе въ публичныхъ отношеніяхъ между церковію и богословіемъ столь рѣзко. Но фактъ повсюду остается однимъ и тѣмъ же. *Кто смѣдуетъ Д. Гарнаку, тотъ поколебленъ въ церковной вѣрѣ*. Книга Гарнака, какъ произведеніе университетскаго профессора, призваннаго къ образованію будущихъ священниковъ, составляетъ, очевидно, великій соблазнъ, такъ какъ тамъ, гдѣ она находитъ признаніе, необходимо отрицаетъ основной пунктъ протестантскаго исповѣданія вѣры.

Чтобы объяснить такую путаницу, иногда предполагали, что сомнѣніе въ настоящее время наполняетъ весь воздухъ; въ такомъ случаѣ самое лучшее, если студенты въ университетѣ какъ бы официально вводятся *въ эту преисполненную сомнѣній жизнь...* хотя не правда, что всѣ юноши необходимо должны пережить время сомнѣнія. Только научныя занятія пробуждаютъ духъ сомнѣнія и разрушаютъ вѣру. Мы выдали въ

своей жизни, что юноши, пришедшіе въ университетъ съ пылкимъ сердцемъ, исполненнымъ вѣры, немедленно на первомъ же семестрѣ, благодаря современнымъ профессорамъ лишались своей вѣры... Известенъ фактъ, что въ студенческихъ корпораціяхъ принадлежащихъ къ другимъ факультетамъ, часто выступаютъ за библейское христіанство и защищаютъ его, между тѣмъ какъ студенты — богословы отрицаютъ его...

Что можетъ произойти изъ такого положенія вещей? Чистота и одиноство ученія—для церкви столь же важны, какъ совѣтъ и дѣятельная сила противъ ея враговъ. Того и другаго не хотятъ въ руководящихъ кругахъ. Лжеучителямъ—богослововъ безъ колебаній снабжаютъ авторитетомъ, который дается приглашеніемъ государственною властію и соглашеніемъ органовъ церковной власти. Во дни Давида Штрауса демократическій народъ Цурха не хотѣлъ знать никакого профессора съ радикально-разрушительнымъ направленіемъ. Нынѣ настроенное церковное правительство призываетъ радикальныхъ отрицателей всѣхъ фактовъ домостроительства нашего спасенія и стчаящихся опустышителей церковныхъ символовъ. Это—путь въ пропасть; по этому не видятъ».

Въ дальнѣйшей статьѣ говорится:

«Давидъ Штраусъ предполагалъ нѣкогда, что кто хотѣлъ бы создать изъ церкви оружію, тотъ долженъ прежде всего создать чудо изъ религіи. Современное богословіе такъ не думаетъ. Оно хотѣло бы чудеса и вѣру въ нихъ сбросить для народа отъ скептиковъ, чтобы примирить протестантовъ съ церковію и сдѣлать удобопріемлемою для нихъ религію. Другимъ образомъ, чѣмъ въ свое время хотѣлъ фрейль протестантовъ, но въ томъ же смыслѣ и съ тою же цѣлью, только много деликатнѣе и честнѣе, онъ желаетъ установить миръ между христіанствомъ и нывѣшною культурою. Мы всегда были склонны разсматривать ринланское богословіе, даже и въ ея лѣвомъ развѣтвленіи, какъ попочію о спасенія отчуждившихся отъ христіанства образованныхъ людей, и ожидали уопѣха. Оказалось же, что путемъ уклоненія отъ древней вѣры сомнѣвающіеся и отрицатели не были приобрѣтены. Только на теологовъ сильно вліяетъ современное богословіе, въ частности, въ чемъ мы охотно сознаемся, обогащая научно, вообще же и въ существенномъ дѣйствуетъ вредно, пооплку оно уничтожаетъ всякое довѣріе къ символическимъ кннгамъ церкви. Выяснѣ съ этимъ само протестантство, въ высокой степени терпятъ вредъ и тормозится всякая общественная дѣятельность искренно вѣрующнхъ. Догматическія различія въ концѣ концовъ становятся настолько громадными, что чувствуетъ, что *здесь на лицо дѣтъ религіи*, которыя не могутъ понимать другъ друга. Благодаря этому нѣмецкая реформація потеряла свою силу; неоп также и то, что ея вліяніе, какъ обновляющее вліяніе истинно-библейской вѣры, исчезаетъ въ широкихъ кругахъ...

Кто выражаетъ, какъ нѣчто само по себѣ понятное, то, что чуда нѣтъ я, вопреки фактамъ, прибавляетъ, что болѣе не будутъ вѣрить въ чудеса, тотъ не можетъ быть богословомъ въ духѣ реформаціи. Не вѣрить въ чудеса—не по библейски. Не вѣрить въ богочеловѣческую жертву Христа—не по евангельски. Не вѣрить въ воскресеніе—не по христіански. Съ такимъ богословіемъ не мыслимо ни успѣшное объясненіе, ни благословенная соработа. *Здѣсь пути расходятся навсегда.* Для общества дѣйствія необходимо общность въ пониманіи основъ. Для христіанъ она состоитъ въ признаніи сверхъестественнаго.

Если когда-нибудь католическій писатель выставялъ на видъ, что между ортодоксальными и современными богословами въ протестанствѣ зияетъ цѣлая пропасть, что они въ дѣйствительности исповѣдуютъ двѣ различныя религіи, то являлись немудрые критики и высококомѣрно заявляли, что католику не достаетъ болѣе глубокаго пониманія существа и жизни протестантскихъ обществъ. Конечно, подобнаго упрека нельзя направитъ противъ Штеккера, который всю жизнь свою посвятилъ на служеніе протестантской церкви.

Что Штеккеръ предлагаетъ для улучшенія, то его медикаменты, хотя не могутъ быть названы утопическими и неисполнимыми, но во всякомъ случаѣ въ практическомъ отношеніи они не могутъ достигнуть цѣли. Съ рѣшительностію можно сказать, что настоящей *процессъ разложенія* будетъ продолжаться; что движеніе въ смыслѣ „свободы отъ Христа“ все болѣе будетъ усиливаться“. Государственно-церковный протестантизмъ, который страдаетъ постепеннымъ истощаніемъ (*Werkalkung*) своихъ благородныхъ членовъ, не смотря на освободительное отъ Рима движеніе, все болѣе и болѣе ввергается въ состояніе среднее между жизнью и смертію. Даже тамъ, гдѣ онъ внѣшне достигаетъ успѣха, какъ въ Богеміи, онъ уступитъ свои побѣды натуралистическому міровоззрѣнію, которое въ концѣ концовъ все пріобрѣтенное похититъ у него между ногъ. Церковный протестантизмъ совершаетъ въ Австріи работу піонеровъ для тѣхъ самыхъ людей, которые въ Германіи подкапали у него фундаментъ, и „ноги тѣхъ, которые хотятъ вывести его, стоятъ уже предъ дверьми“.

S. N.

(Окончаніе будетъ).

О воспитаніи¹⁾.

(Продолженіе *).

II.

Общество и личность въ дѣлѣ воспитанія. Присвоеніе обществу не принадлежащаго ему значенія и игнорированіе личныя силы и свойствъ. Неправильный взглядъ на происхожденіе и развитіе пачала личности какъ на процессъ социальный. Откуда такой взглядъ. Первостепенное значеніе личныя силы и второстепенное значеніе общественности въ дѣлѣ воспитанія. Общественность и народность.

Какъ часто и какъ некстати иногда ссылаются у насъ на общество и къ обществу относятъ то, въ чемъ главное значеніе должно принадлежать личнымъ усиліямъ и свойствамъ. Въ этомъ обыкновеніи, или точнѣе, въ этой привычкѣ все, что слѣдуетъ и что не слѣдуетъ, относить къ обществу оказывается вліяніе социологіи. Социологія вовсе не наука въ строгомъ смыслѣ и никакихъ особыхъ заслугъ за нею не числится, но самая мысль объ обществѣ какъ предметѣ особенно важной, интересной и для всякаго образованнаго или считающаго себя такимъ обязательной науки безспорно производитъ доминирующее вліяніе на умы. Не диво, если это замѣчается у французовъ, ибо у нихъ же возникла самая идея социологіи какъ науки объ обществѣ и ими же усердно разрабатывается эта идея. Но то же самое видимъ и у насъ; только очевидно уже по подражанію французамъ и по увлеченію ихъ примѣромъ. При умственной нашей несамостоятельности и при механическомъ характерѣ нашего школьнаго образованія и это увлеченіе идеей общества, общественности какъ особенно важ-

¹⁾ Изъ неопубликованныхъ еще сочиненій покойнаго профессора П. И. Лившица.

*) См. журналъ «Вѣра и Разумъ» за 1908 г., № 1.

наго научнаго предмета, какъ самодѣйствующаго, живущаго въ себѣ и чрезъ себя организма,—есть дѣло опять таки болѣе памяти нежели сознательной и отчетливой работы мысли. Постоянно мы слышимъ и постоянно повторяютъ намъ слова, слова и слова объ обществѣ, общественности, общественной жизни, и является такимъ образомъ привычка все относить къ обществу и желаніе всякое дѣло превращать въ общественное дѣло, хотя общественность болѣею частію бываетъ фиктивной, ибо подъ знаменемъ общественности и за счетъ общества хлопчутъ и преуспѣваютъ отдѣльныя лица. Общество не довольно классической системой образованія; общество желаетъ, чтобы экзамены были отменены, чтобы открытъ былъ для реалистовъ доступъ въ университеты, чтобы были открыты женскіе курсы, чтобы женщины наравнѣ съ мужчинами были принимаемы въ университеты и т. д. Обыкновенно такъ разграничивается значеніе общества и отдѣльнаго лица: объ обществѣ ничего кромѣ хорошаго не говорится; дурное же относятъ или къ отдѣльнымъ лицамъ, или же если вмѣняется цѣлымъ корпораціямъ лицъ, то это дѣлается въ томъ случаѣ, когда противопоставляется известная корпорація или учрежденіе обществу: объ администраціи, бюрократіи, не разбирая лицъ, принято говорить только дурное. То же видимъ и въ отношеніи школьнаго дѣла. Положимъ педагоги какъ отдѣльныя лица плохи и далеко не соответствуютъ своему назначенію, но если эти самые педагоги образовали *общество* педагогическое, то кромѣ хорошаго ничего объ немъ нельзя сказать; оно тогда уже стоитъ на высотѣ своей задачи.

Соціологическая точка зрѣнія, исходящая изъ представленія объ обществѣ какъ самодѣйствующемъ организмѣ, какъ такомъ сплоченномъ цѣломъ, въ которомъ все происходитъ по свойственнымъ ему законамъ, даетъ такое понятіе о личности, какъ будто личность является лишь слѣдствіемъ ослабленія цѣлости общественнаго организма, разрыхленія и даже пожалуй разложенія общества. Такое понятіе о личности допустимо было бы въ томъ лишь случаѣ, если бы личность была ничѣмъ инымъ какъ только частью общества, никакого самостоятельнаго, помимо этого, значенія не имѣла бы подобно

тому, какъ клѣтка есть часть и только часть живого организма. Но вѣдь клѣтка какъ элементъ цѣлаго организма занимаетъ въ немъ свое опредѣленное мѣсто и все ея существованіе связано съ этимъ мѣстомъ, тогда какъ отдѣльная личность свободно можетъ перемѣщаться въ обществѣ, можетъ даже изъ одного общества перемѣщаться въ другое и все же остается личностію. Конечно и клѣтка существуетъ какъ отдѣльный организмъ (одноклѣточный организмъ), но тогда она уже не есть часть другого организма, а личность, будучи самостоятельною, вмѣстѣ съ тѣмъ состоитъ въ разнообразныхъ отношеніяхъ къ другимъ таковымъ же личностямъ. „Нѣтъ нужды доказывать, читаемъ въ одной статьѣ французскаго философскаго журнала, что всякій человѣческій агрегатъ имѣетъ въ себѣ сознание своего единства и своего тождества. Индивидъ всегда въ послѣднемъ анализѣ оказывается носителемъ этого сознанія (не своего, но общественнаго сознанія), тѣмъ не менѣе реальность коллективнаго субъекта не можетъ подлежать сомнѣнію, ибо я и мы не раздѣльны. Индивидъ представляетъ себѣ свою связь съ группою такъ же, какъ представляется ему непрерывная связь собственныхъ его состояній сознанія“¹⁾. И такъ индивидъ въ отношеніи къ обществу то же, что отдѣльное состояніе сознанія индивида въ отношеніи къ цѣлости этого сознанія, т. е. не обладаетъ никакою самостоятельностью, разумѣется, если это отношеніе индивида къ обществу нормально; значитъ нѣкоторую самостоятельность индивидъ пріобрѣтаетъ только, когда общество измѣняется и перестаетъ быть нормальнымъ, именно когда нарушается его единство и тождество. По мнѣнію автора статьи, изъ которой взяты приведенныя выше слова, такъ это есть въ дѣйствительности, но иной вопросъ, такъ ли должно быть, какъ есть, или же должное надо различать отъ того, что есть въ дѣйствительности. Онъ справедливо считаетъ важною ошибкою соціологовъ отождествленіе дѣйствительнаго съ должнымъ. Въ дѣйствительности,—это признаетъ онъ вмѣстѣ съ соціологами, коллективный характеръ, характеръ цѣлаго общества, свойственный среднему человѣку,

¹⁾ Revue philosophique 1905, № 114, Sur les lois de la solidarite morale, p. 465.

всцѣло господствуетъ надъ отдѣльною личностію, лишенною вслѣдствіе этого всякой самостоятельности. Соціологія обыкновенно полагаетъ, что такъ и должно быть, ибо простую общественность, безраздѣльное господство общественнаго характера отождествляетъ съ нравственностію, разумѣя такимъ образомъ подъ нравственностію простую привычку индивида согласоваться во всемъ съ общественнымъ характеромъ, привычку, внушенную семейнымъ воспитаніемъ, которое въ свою очередь направляется и опредѣляется давленіемъ цѣлаго ряда прежнихъ поколѣній, иначе—естъ слѣдствіе и выраженіе общественнаго традиціонизма. Если вмѣстѣ съ соціологіей господство общественнаго характера, иначе давленіе традиціонизма, отождествлять съ нравственностію, то надо признать такое состояніе общественной жизни нормальнымъ, а освобожденіе личности и приобрѣтеніе ею нѣкоторой самостоятельности можетъ поэтому происходить только чрезъ нарушеніе нормальнаго состоянія общественной жизни. Такъ это и есть на самомъ дѣлѣ: всякій разъ какъ происходитъ преобразованіе силъ соціальныхъ, напр. когда воинскій типъ общественныхъ нравовъ замѣняется типомъ промышленнымъ, что бываетъ у народовъ, которые вводятъ у себя быстрый промышленный прогрессъ, авторитетъ семейныхъ преданій ослабѣваетъ, начинаютъ пренебрегать воспитаніемъ, которое не можетъ идти прежнимъ порядкомъ. Вотъ почему увеличивается количество несовершеннолѣтнихъ преступниковъ (такой видъ получаетъ освобожденіе личности). Измѣненіе коллективнаго характера и ослабленіе воспитанія—явленія тѣсно между собою связанные. Въ современномъ обществѣ человѣкъ дѣлается преступникомъ не столько вслѣдствіе расположенія ко враждѣ и несправедливости, сколько отъ безхарактерности и лѣности (слабоволіе); психологическое несовершеннолѣтіе и общественный паразитизмъ—эти явленія одно съ другимъ связаны. Только индивидъ, выработавшій характеръ, достаточно склонный къ личному контролю, можетъ участвовать въ добровольной кооперации и находить для себя мѣста въ системѣ раздѣленія труда. Преступникъ профессиональный всегда есть соціальный паразитъ, неспособный приспособиться къ правильному труду

не потому, чтобы не зналъ техники ручного труда, но по неспособности къ постоянному усилю, какое требуется работой, и къ подчиненію себя профессиональной дисциплинѣ. Бродяжничество—главный источникъ современной преступности. Какъ показываетъ статистика, малолѣтніе преступники встрѣчаются главнымъ образомъ въ большихъ городахъ, въ центрахъ промышленности. Но въ гористыхъ и отдаленныхъ отъ центровъ сельскихъ поселеніяхъ, тамъ гдѣ умственная и промышленная дѣятельность слабѣе, малолѣтній паразитизмъ напротивъ незамѣчается, тамъ чаще встрѣчается тупоуміе. Впрочемъ въ ряды преступниковъ попадаютъ сельскіе жители, переселившіеся въ города. Сельское общество болѣе кристаллизовано, чѣмъ городское. Но эта кристаллизація есть только внѣшняя, принудительная въ отношеніи къ личному характеру. Поэтому когда сельская семья переселяется въ городъ, то она не можетъ противиться дѣйствию причинъ разлагающихъ и развращающихъ...

Эти данныя автора названной статьи, изъ которой взяты изложенныя сейчасъ замѣчанія, приводятъ къ тому заключенію, что старая система воспитанія, опиравшаяся на принципъ традиціонализма и состоявшая въ формированіи индивида по господствующему типу общественнаго (коллективнаго) характера, должна быть оставлена вовсе какъ уже утратившая прежнее свое значеніе; и что слѣдуетъ ее замѣнить новою системою въ духѣ индивидуализма, въ которой было бы дано широкое мѣсто индивидуальному своеобразію. Вѣдь общественный характеръ не можетъ оставаться постоянно неизмѣннымъ, а измѣняется съ теченіемъ времени, только какъ измѣняется? путемъ насильственныхъ переворотовъ и потрясеній, переживая рядъ революцій. Отчего это? Почему бы общественнымъ измѣненіямъ не происходить путемъ мирныхъ и спокойныхъ преобразованій. Причину означеннаго явленія авторъ видитъ въ прежней и теперь еще существующей системѣ воспитанія. Постоянство коллективнаго характера, рассуждаетъ онъ, приобрѣтено цѣною исчезновенія или ослабленія всѣхъ причинъ измѣненія. Условія постоянства—общее и однообразное давленіе взрослыхъ поколѣній на тѣ, которыя только еще обра-

зуются. Воспитаніе такого рода состоитъ въ систематическомъ умерщвленіи всѣхъ факторовъ личной энергіи, всякаго расположенія мыслить по своему и по своему поступать. Привычка и подражаніе прошлому овладѣваютъ человѣкомъ всецѣло. Безпорядочность умственныхъ силъ этимъ устраняется, чего желалъ Кантъ, ибо никто не мыслить, но всякое прогрессивное измѣненіе дѣлается невозможнымъ. Это постоянство коллективнаго характера смѣшиваютъ часто съ нравственностію только потому, что оно противится нѣкоторымъ причинамъ разложенія и избѣгаетъ нѣкоторыхъ формъ безнравственности. Но этотъ предразсудокъ исчезаетъ коль скоро переживается прогрессъ умственный и экономическій. Вслѣдствіе этого прогресса особенно сильныя разрушенія соціальныхъ связей терпятъ тѣ населенія, которыя болѣе другихъ отличаются господствомъ традиціонализма. Ибо измѣняемость индивидуальная здѣсь подавляется и оттого возможны только коллективные перевороты, сопровождаемые общимъ возстаніемъ противъ прежней морали: типъ традиціонной этики развѣнчивается и индивидъ лишается всякаго критерія для оцѣнки своего поведенія. Иначе у народовъ, у которыхъ постоянство коллективнаго характера менѣе полно и уклоненія отъ него терпимы. Правильность прогресса зависитъ отъ общаго воспитанія, которое не только допускаетъ разнообразіе индивидуальныхъ характеровъ, но благопріятствуетъ тому; необходима при этомъ и такая система политическихъ и судебныхъ учреждений, которая оставляла бы свободное поле для выработки и изслѣдованія идей. Но эти разумныя требованія встрѣчаютъ себѣ противодѣйствіе въ соціальныхъ склонностяхъ. Каждое общество стремится возвеличить свой типъ, утвердить свой характеръ и разграничить его отъ всякаго другого. Объясняется такое стремленіе съ одной стороны психическимъ однозвучіемъ (униссонъ), а съ другой непрерывнымъ воздѣйствіемъ поколѣній. Люди, которымъ постоянно или періодически приходится испытывать общія эмоціи (религіозныя общества, войско) непрерывно усиливаютъ свой соціальный характеръ, приобретаемый на счетъ ихъ личнаго врожденнаго характера. Поэтому во всякой человѣческой агрегаціи есть факторъ содѣйствующий

щій подавленію причинъ разнообразія; дѣйствіе одного поколѣнія на другое также клонится къ тому, чтобы исключить индивидуальныя различія: дитя воспитывается сообразно съ типомъ среднимъ; воспитаніемъ называется систематическая атрофія всѣхъ расположеній, которыя позволяли бы дитяти отчасти завоевать себѣ свободу отъ давленія коллективнаго характера. Давно признано необходимымъ воспитаніе воли, которое увеличивало бы личную энергію, но доселѣ это только *prim desiderium*. Обычное воспитаніе характера чисто *репрессионное*: образовать волю значитъ ее умертвить, доводя до минимума сферу ея дѣйствія, а интеллектуальное воспитаніе состоитъ въ насажденіи понятій въ памяти. И это все дѣлается, дабы напечатлѣть типъ соціальный. Отсюда умственная инерція вездѣ и всюду характеризуетъ большинство людей. *Традиціонализмъ, репрессионное воспитаніе и умственная инерція*—явленія эти находятся между собою въ связи.

Только техническое образованіе, развивая умѣнье пользоваться природою, освобождаетъ человѣка отъ власти традиціи и условливаетъ измѣняемость нравовъ... Послѣдствіемъ развитія личности служатъ слѣдующія явленія: простодушная наивность, иначе невинность, неправильно отождествляемая съ правдивностію, исчезаетъ, усиливается личная отвѣтственность, т. е. сознаніе таковой, а это значитъ, что повышается правдивность, но съ тѣмъ вмѣстѣ увеличивается и преступность.

Интересно наблюдать затѣмъ, какъ механически усвоенныя положенія и представленія сталкиваются съ живою работою мысли и отъ этого происходитъ нѣкоторая сбивчивость и запутанность въ разсужденіи. Авторъ статьи, изъ которой приведены изложенныя замѣчанія самъ не свободенъ отъ того недостатка, который онъ справедливо считаетъ принадлежащимъ большинству людей, т. е. отъ инерціи умственной. Слѣдуя обычному способу разсужденія у соціологовъ авторъ представляетъ общество какъ такую несокрушимую силу, которая, производя на личность непрерывное давленіе, формируетъ ее сообразно со своими отличительными свойствами, но рядомъ съ этимъ представленіемъ объ обществѣ оказывается, что и

само общество съ теченіемъ времени измѣняется: измѣняетъ его умственный и экономическій прогрессъ. Кѣмъ же производится этотъ прогрессъ? Обществомъ, или отдѣльными лицами? т. е. общими ли какими либо, но независимыми отъ воли отдѣльныхъ лицъ причинами, или же дѣйствіями отдѣльныхъ лицъ. Если вѣрно первое предположеніе, то нельзя сказать, что общество производитъ на личность однообразное давленіе и образуетъ личность всегда по одному общему типу; разнообразіе личныхъ характеровъ, слѣдовательно, не исключается давленіемъ общества, коль скоро послѣднее измѣняется. Совершенно очевидно однако-же, что умственный прогрессъ въ обществѣ не можетъ происходить помимо умственной дѣятельности отдѣльныхъ лицъ, а потому нельзя уже говорить только о воздѣйствіи общества на личность, надо имѣть въ виду и обратное дѣйствіе личности на общество, иначе получится невѣрное понятіе о воспитаніи. Это и есть на самомъ дѣлѣ. Преобразование общественныхъ силъ, напр. промышленный прогрессъ значеніе традицій ослабляетъ, значитъ однообразное давленіе общества на личность прекращается, слѣдовательно, личность получаетъ нѣкоторую свободу. И дѣйствительно техническое образованіе, какъ утверждаетъ авторъ, способствуетъ развитію личности, но вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивается преступность несовершеннолѣтнихъ; источникъ же этой премудрости, какъ справедливо полагаетъ авторъ, заключается въ слабоволіи. Но откуда это слабоволіе? Говорятъ намъ, что традиціонное воспитаніе, будучи репрессивнымъ, умерщвляетъ волю; и такъ слабоволіе—слѣдствіе неправильнаго воспитанія? Но когда авторитетъ преданія теряетъ силу, то воспитаніемъ вовсе пренебрегаетъ, и слѣдовательно слабоволіе отъ недостатка воспитанія, отъ того, что воспитаніе совсѣмъ отсутствуетъ, отъ невоспитанности, а не отъ того, что воспитаніе неправильно.

Въ другой статьѣ того же философскаго журнала ¹⁾ находимъ иной взглядъ на существующую систему воспитанія, хотя точка зрѣнія та же самая—*индивидуалистическая* (влія-

¹⁾ Une idole pedagogique l'educationisme, J. Palante, Revue philosoph. 1903, № 7.

ніе Ницше). Здѣсь проводится та мысль, что общество только стремится къ тому, чтобы оказывать подавляющее вліяніе на личность, но этой цѣли не достигаетъ, и потому дѣйствительное вліяніе не значительно и значеніе воспитанія вовсе не такъ велико, какъ обыкновенно воображаютъ. Конечно социальная среда оказываетъ на индивидуума непрерывное воздѣйствіе, но это воздѣйствіе не намѣренное, бессознательное и какъ бы механическое. Не надо смѣшивать это вліяніе общественной среды съ преднамѣреннымъ и сознательнымъ, рассчитаннымъ на достиженіе извѣстныхъ результатовъ воспитательнымъ дѣйствіемъ, производимымъ по извѣстному почину и имѣющимъ въ основаніи своемъ убѣжденіе въ правѣ общества формировать индивида сообразно съ своими видами. Вотъ такое сознательное и преднамѣренное воздѣйствіе однихъ лицъ на другія, производимое въ видахъ достиженія общественныхъ цѣлей, и есть то, что называется воспитаніемъ. Воспитаніе это, какъ оно существуетъ теперь, по мнѣнію автора, во первыхъ не законно, т. е. несправедливо въ своихъ притязаніяхъ, и во вторыхъ не имѣетъ силы въ осуществленіи своихъ намѣреній.

Право общества воспитывать всѣхъ по одному образцу оправдывается тѣмъ взглядомъ на человѣка, что главное и основное въ природѣ человѣка есть разумъ, какъ способность познавать истину единую и всеобщую, для всѣхъ одинаково обязательную и одинаково всѣмъ сообщаемую. Вѣра въ торжество и господство разума, осуществляемое посредствомъ воспитанія, служитъ источникомъ социальнаго и моральнаго оптимизма, ложнаго въ самомъ своемъ основаніи. Въ качествѣ конечной цѣли воспитанія полагается единство интеллектуальное и моральное если на всего человѣческаго рода, то по крайней мѣрѣ значительныхъ человѣческихъ группъ. Воспитаніе вслѣдствіе такого взгляда на него получаетъ характеръ принудительнаго, обязательнаго, государственнаго дѣйствія: индивидуумъ ставится работою государства. Современный демократическій духъ—предразсудокъ о важности и значеніи рационалистическаго воспитанія оставляетъ безъ измѣненія. Ибо полагаютъ, что неравенство, происшедшее будто бы отъ того, что воспитаніе было доселѣ привилегіей немногихъ, исчез-

нетъ, коль скоро то же воспитаніе будетъ распространено на всѣхъ.

Положеніе, что разумъ единый и тождественный у всѣхъ, развиваемый и усовершеняемый будто бы путемъ воспитанія и образованія, составляетъ основу человѣческаго существа,—это положеніе, утверждаетъ авторъ, надо признать, очень сомнительнымъ. Дѣйствительно, понятіе это о человѣкѣ все болѣе и болѣе замѣняется противоположнымъ убѣжденіемъ, что существенную и основную черту въ природѣ человѣка составляетъ способность чувствовать, ощущать (Sensibilite). Индивидуальная чувствительная способность въ соприкосновеніи ея съ міромъ матеріальнымъ и міромъ социальнымъ составляетъ исходный пунктъ и основаніе всякаго дальнѣйшаго моральнаго и интеллектуальнаго развитія. Но чувственность безъ всякаго сомнѣнія представляетъ безконечное множество степеней и разностей въ качествѣ и количествѣ, по силѣ, тонкости, гибкости и остротѣ. Воспитаніе бессильно скольконибудь видоизмѣнить чувственность; можетъ оказать на нее нѣкоторое воздѣйствіе развѣ только опытъ жизни. Обученіе бессильно сдѣлать что либо въ этомъ отношеніи. Раздвоеніе между мыслями и чувствами, теоріей и практикой—явленіе обычное. Явленіе это, по замѣчанію Рибо, явно свидѣлствуетъ о неосновательности столь распространеннаго предразсудка, что достаточно заучить принципы, правила, идеи, для того, чтобы они оказывали свое дѣйствіе; можетъ быть и такъ, но чаще бываетъ иначе; все зависитъ отъ того, совпадаетъ ли интеллектуальное воспитаніе съ индивидуальнымъ характеромъ питомца, заключающимся въ волевомъ его стремленіи жить и чувствовать. Значительное число писателей и художниковъ свидѣлствуютъ, что вліяніе воспитанія на развитіе ихъ личности умственное и нравственное было ничтожно. Для природы скольконибудь самобытной главное значеніе имѣютъ съ одной стороны личный факторъ, и съ другой—жизнь. Забавно видѣть, какъ молодые буржуа, начитавшись книгъ, не имѣя жизненнаго опыта, идутъ въ народъ и берутъ на себя роль наставниковъ и руководителей въ отношеніи къ людямъ, далеко ихъ превосходящимъ въ знаніи жизни.

Интеллектуалисты впереди всего полагаютъ истину. Но въ дѣйствительной жизни людей интересуется не истина, а выгодное и пріятное, и при томъ выгодное для общества, не таково для индивидуума: интересы индивидуума и общества расходятся. Поэтому то для себя самого индивидъ обыкновенно совсѣмъ не таковъ, каково то представленіе о немъ, которое онъ желалъ бы внушить обществу. Конечно для воспитанія полагается задача установить на основаніи науки и разума согласіе моральное и социальное между всѣми членами общества, но своеволіе индивидуальной чувственности непреодолимо тому противится. Все, что есть текучаго живого и подвижнаго въ индивидуальности, не можетъ быть заключено ни въ какую социальную и моральную окончательную формулу. Вѣра въ разумъ и науку сама есть ничто иное, какъ состояніе чувственности, выраженіе индивидуальнаго темперамента. Итакъ воспитаніе не достигаетъ до самой сути бытія. Оно можетъ сообщить индивиду абстрактныя правила и понятія, можетъ научить правильно рассуждать, выводить заключенія изъ посылокъ, но самихъ посылокъ не можетъ намъ дать; послышки даются намъ нашею индивидуальностію, нашею чувственностію. Сказанное о волѣ относится и къ созерцанію: *Uelle non discitur, intueri* также *non discitur*; равнымъ образомъ *amare et odi non discitur*. Вообще оцѣнка воспитанія, по мнѣнію автора, получается различная, смотря по тому, разсматривается ли вопросъ о воспитаніи съ точки зрѣнія индивидуума, или же съ точки зрѣнія общества. Полезно конечно для группы и для правящихъ этою группою подчинить членовъ ея единообразію моральному и социальному, такъ чтобы они всѣ одинаково думали и поступали, но для индивида это было бы рабствомъ губительнымъ для самыхъ глубочайшихъ фибръ его чувственности и самобытности (*Spontaneite*).

По поводу этого кратко здѣсь представленнаго рассужденія французскаго философа о воспитаніи достаточно сдѣлать два слѣдующихъ замѣчанія. Несоотвѣтствіе дѣлъ человѣческихъ, обычнаго вообще поведенія заученнымъ правиламъ и преподаваемымъ въ школѣ идеямъ—явленіе это дѣйствительно бросается въ глаза каждому, но отъ того ли это происходитъ,

что основу человѣческаго существа составляетъ не разумъ, а чувственность—начало ему противоположное, или отъ иной причины,—вопросъ этотъ не такъ легко рѣшается какъ кажется автору. Что усвоится сознаниемъ учащагося и воспитываемаго какъ должное, какъ идеаль имѣетъ значеніе общаго направляющаго жизнь начала и потому самому не возможно, чтобы такое начало, общая идея въ каждомъ отдѣльномъ поступкѣ, въ каждомъ фактѣ обыденнаго поведенія ясно и съ полною очевидностію воплощалось и выражалось; потому то нелегко опредѣлить значеніе и характеръ дѣятельности человека, взятой въ цѣлости, и разногласія въ подобномъ случаѣ—обычное дѣло. При томъ же преподаваемое въ ученіи и внушаемое воспитательною практикою различно усвоится, что конечно много зависитъ отъ способа ученія и воспитанія; поверхностное усвоеніе (памятью) легко изглаживается и остается безслѣднымъ, но болѣе глубокое усвоеніе дѣлаетъ то, что усвоенное претворяется въ индивидуальную собственность учащагося и воспитываемаго и выражается затѣмъ словомъ и дѣломъ уже не въ видѣ абстрактнаго общаго понятія, но какъ личное убѣжденіе, какъ индивидуальное чувство; происходитъ въ этомъ случаѣ процессъ чисто духовный, который можно сравнить съ художественнымъ творчествомъ, облакающимъ общію мысль, идею въ конкретную чувственную форму; ясно, что чувственность имѣетъ важное значеніе только какъ воплощеніе, какъ способъ выраженія духовнаго, умственнаго элемента. Слѣдовательно нельзя признать чувственность основаніемъ и сущностью человѣческой природы: все индивидуальное можетъ имѣть важное значеніе только, когда содержитъ въ себѣ общія начала и служить для нихъ средствомъ выраженія.

Это наше замѣчаніе объ отношеніи между чувственностію, какъ началомъ индивидуальнымъ, и разумомъ—началомъ общимъ, само собою даетъ основаніе и для рѣшенія другого вопроса—о дѣйствительности и важности общественнаго воспитанія. Воспитаніе общественное никоимъ образомъ не можетъ имѣть въ виду подавленіе личнаго своеобразія. Предлагается всѣмъ одинъ общій матеріалъ воспитательный и учебный, но усвоеніе и проведеніе въ жизнь усвоеннаго есть такое

дѣло, на которое неизбѣжно накладывается печать личности, индивидуальности, такъ что воспитаніе не только, не стираетъ личныхъ особенностей, напротивъ способствуетъ ихъ развитію и болѣе рельефному проявленію ихъ въ жизни: несравненно менѣе развитъ индивидуальный характеръ у тѣхъ, которые очень мало учились или совсѣмъ не учились и не получили должнаго воспитанія.

Различая двоякое воспитаніе, одно состоящее въ бессознательномъ и не намѣренномъ, но непрерывномъ и необходимомъ воздѣйствіи общественной среды,—чрезъ посредство нравовъ, обычаевъ, примѣровъ, рѣчей и т. д., а другое намѣренное и сознательное, исполняемое отдѣльною общественною группою, авторъ ничего не говоритъ о первомъ, а между тѣмъ это различіе двухъ видовъ воспитанія важно и разъясняетъ вопросъ о воспитаніи. Подъ бессознательнымъ воздѣйствіемъ общественной среды надо разумѣть первѣе всего и главнымъ образомъ вліяніе народности, національной исторической жизни. Можно ли сказать объ этомъ вліяніи, что оно несовмѣстимо съ индивидуальными особенностями отдѣльнаго лица. Но вѣдь индивидуальное развитіе только и возможно на почвѣ національной жизни. Усилія, затрачиваемыя на дѣло воспитанія и обученія, считаются безплодными, потому что имѣется въ виду насадить въ душѣ питомца *отвлеченныя* понятія и правила; а индивидуальный характеръ его этому противится. Но вѣдь къ необходимымъ свойствамъ индивидуальности принадлежатъ также *общія* черты національнаго характера; если же индивидуумъ отрѣшается отъ своей національности, то въ этомъ случаѣ сама индивидуальность превращается въ абстракцію, отвлеченность, ибо мѣсто опредѣленныхъ національныхъ чертъ характера заступаютъ неопредѣленныя, лишенныя всякой типичности, черты космополитизма. Обученіе точно не оставляетъ послѣ себя вѣчныхъ слѣдовъ, но вовсе не потому, что основу человеческого существа составляетъ будто бы *индивидуальность воли*, а не *общность разума*, полагаемаго въ основаніе воспитанія и обученія, а потому единственно, или по крайней мѣрѣ преимущественно, что разумъ питомца и ученика обыкновенно бездѣйствуетъ, а вся тяжесть труда падаетъ на его память;

усвоеніе же преподаваемого одною лишь памятью мало имѣть образовательнаго значенія. Итакъ, для правильности сужденій о школьномъ и семейномъ воспитаніи, необходимо имѣть въ виду значеніе въ этомъ дѣлѣ національнаго характера. Общество и народность—это понятіе не тождественныя. Общество можетъ быть большое и малое. Каждая народность вмѣщаетъ въ себѣ множество частныхъ обществъ. И только въ отношеніи таковой частной группы личность выступаетъ нерѣдко, какъ начало противоположное обществу. Но въ отношеніи народности, если таковую разсматривать тоже какъ начало общественное, означенная противоположность исчезаетъ, теряетъ смыслъ. Почему социологія, трактуя объ обществѣ и жизни общественной, обыкновенно оставляетъ вовсе безъ вниманія жизнь народную и разные типы національности,—это не трудно понять. Подъ именемъ социологіи имѣлось и имѣется въ виду создать науку естественную, науку въ строгомъ смыслѣ, точную науку, а всѣ научныя истины имѣютъ значеніе общечеловѣческое; таковы истины математическія, естество-научныя. Для полученія истинъ такого же значенія и въ социологіи обращаютъ вниманіе на явленія общественной жизни сходныя у всѣхъ или многихъ народовъ, а не на тѣ, по которымъ народы различаются между собою. Но этотъ методъ на самомъ дѣлѣ не даетъ въ социологіи такихъ истинъ, которыя можно бы признать точными и имѣющими значеніе общечеловѣческое въ строгомъ смыслѣ, а лишь приводитъ къ созданію космополитическихъ теорій. И только въ отношеніи этого рода теорій вполнѣ правильно замѣчаніе, выраженное въ изложенномъ выше разсужденіи о воспитаніи, что усвоенныя въ школѣ понятія и положенія оказываются въ жизни практической не пригодными и что опытъ жизни разбиваетъ школьныя теоріи, такъ что жизненный опытъ оказывается лучшимъ наставникомъ, чѣмъ школа. Замѣчаніе это вполнѣ вѣрно, но вѣрно оно собственно по отношенію къ социологическимъ теоріямъ космополитическаго характера. Въ космополитическомъ безразличіи повинны не только тѣ педагогическія теоріи, которыя главнымъ факторомъ воспитанія считаютъ общество и сообразно съ тѣмъ задачу воспитанія полагаютъ въ

развитіи общежительныхъ свойствъ и склонностей, но и тѣ стоящія на точкѣ зрѣнія индивидуализма: разсужденія о воспитаніи, которыя составляютъ оппозицію взглядамъ на воспитаніе, проникнутымъ началами соціологическими. Дѣло въ томъ, что всякое общество частное и не только частное, но и вообще культурное общество, возникаетъ, существуетъ и дѣйствуетъ на почвѣ національной жизни, національныхъ интересовъ, національнаго характера, а потому можетъ ли общество быть космополитическимъ; если оно дѣйствительно стремится къ тому, что бы быть таковымъ, то является въ этомъ случаѣ революціоннымъ. А революціонный характеръ общества увлекаетъ его въ нежелательную да и опасную борьбу, причемъ свобода и независимость становятся сомнительными и не надежными. Между тѣмъ космополитизмъ, какъ необходимое условіе *научности* соціологическихъ теорій, знаменуетъ собою свободу и независимость. Не таково положеніе индивидуума. Индивидуумъ, отдѣльное лицо, а не общество, можетъ быть космополитомъ, а слѣдовательно вполне свободнымъ и не зависимымъ, ни противъ кого не возставая и не объявляя никому войны. Для индивидуума космополитизмъ состоитъ просто въ личномъ самодовлѣніи, въ ограниченіи себя самимъ собою, слѣдовательно въ отрѣшеніи всякихъ связей общественныхъ, въ пренебрежительномъ равнодушномъ отношеніи къ интересамъ общественнымъ и національнымъ (чѣмъ пріобрѣтается личная оригинальность, самобытность).

П. И. Мининъ.

(Окончаніе будетъ).

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ

п о

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ.

31 Января № 2 1908 года.

Содержаніе. I. Епархіальныя извѣщенія.—Отъ Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества.—Отъ Совѣта Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища.—Письмо Товарищи Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода на имя Высокопреосвященнѣйшаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, отъ 15-го января 1908 года за № 518.

I.

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

1. Обь опредѣленіи на священно-церковно-служительскія мѣста.

а) Діаконъ Андреевской церкви, села Графскаго, Волчанскаго уѣзда, Стефанъ *Бутковскій* опредѣленъ 13 января 1908 г. на священническое мѣсто при церкви села Голой Долины, Изюмскаго уѣзда.

б) Діаконъ Рождество-Богородичной церкви, города Чугуева, Зміевского уѣзда, Іаковъ *Чаговцевъ* опредѣленъ 13 января 1908 г. на священническое мѣсто при церкви села Лозоваго, Богодуховскаго уѣзда.

в) Діаконъ Рождество-Богородичной церкви, села Лагерей, Зміевского уѣзда, Петръ *Михайловскій* опредѣленъ 13 января 1908 г. на священническое мѣсто при Архангело-Михайловской церкви, города Выкопья, Сумскаго уѣзда.

г) Діаконъ Троицкой церкви, слоб. Котельвы, Ахтырскаго уѣзда, Θεодоръ *Бутковскій* опредѣленъ 13 января сего года на священническое мѣсто при церкви села Брацовки, того же уѣзда.

д) Діаконъ-псаломщикъ Воѣхвятской церкви, слоб. Котельвы, Ахтырскаго уѣзда, Петръ *Кривчикій* опредѣленъ 17 января 1908 года на діаконское мѣсто при Троицкой церкви, той же слободы.

е) Псаломщикъ Рождество-Богородичной церкви, слоб. Штормовой, Старобѣльскаго уѣзда, Стефанъ *Андроновъ* опредѣленъ 25 го января на діаконское мѣсто при Андреевской церкви, села Графскаго, Волчанскаго уѣзда.

ж) Псаломщикъ Николаевской церкви, слоб. Выкопья, Валковскаго уѣзда, Иванъ *Безумовъ* опредѣленъ 25 января на діаконское мѣсто при церкви села Лагерей, Зміевского уѣзда.

з) Псаломщикъ Георгіевской церкви, сл. Гусинки, Купянскаго уѣзда Александръ *Макужинъ* опредѣленъ 24 января на діаконое мѣсто при той же церкви.

и) Псаломщикъ церкви села Голубовки, Старобѣльскаго уѣзда, Григорій *Поповъ* опредѣленъ 25 января на діаконое мѣсто при церкви слоб. Липана, Изюмскаго уѣзда.

к) Бывшій п. д. псаломщика Яковъ *Лядскій* опредѣленъ 22 января на псаломщицкое мѣсто при церкви с. Рубленаго, Волчавскаго уѣзда.

л) Сынъ псаломщика Ѳеодоръ *Дзюбановъ* опредѣленъ 22-го января п. д. псаломщика къ церкви слоб. Трехъизбянска, Старобѣльскаго уѣзда.

м) Крестьянинъ Иванъ *Молчановъ* опредѣленъ 22 января п. д. псаломщика къ церкви села Ивановки (Капустяновки) Изюмскаго уѣзда.

п) Бывшій воспитаникъ 5 класса духовной семинаріи Владимиръ *Мужинъ* опредѣленъ 22 января псаломщикомъ къ Троицкой церкви гор. Богодухова.

о) Крестьянинъ Никита *Губскій* опредѣленъ 22 января п. д. псаломщика къ Успенской церкви, сл. Петро-Павловки, Старобѣльскаго уѣзда.

2. О перемѣщеніи священно-церковно-служителей на другія мѣста.

а) Священникъ Георгіевской церкви, села Голой Долины, Изюмскаго уѣзда, Евгеній *Проскурниковъ* перемѣщенъ 15-го января 1908 г. на священническое мѣсто при церкви села Кочетка, Зміевского уѣзда.

б) Священникъ Преображенской церкви, слоб. Межирича, Лебединскаго уѣзда, Іоаниъ *Заводовскій* перемѣщенъ на священническое мѣсто при церкви села Христища, Изюмскаго уѣзда.

в) Діаконъ Спасской церкви, слоб. Воеводска, Старобѣльскаго уѣзда, Лука *Бугуцкій* перемѣщенъ 11 января на діаконое мѣсто при церкви села Липивки, Зміевского уѣзда.

г) Діаконъ Владимірской церкви, села Могрицы, Сумскаго уѣзда, Василій *Сулима* перемѣщенъ 25 января 1908 г. на діаконое мѣсто при Рождество-Богородичной церкви, гор. Чугуева, Зміевского уѣзда.

д) Псаломщикъ Троицкой церкви, города Богодухова, Дмитрій *Сукачевъ* перемѣщенъ 22 января на псаломщицкое мѣсто при церкви села Липолп, Изюмскаго уѣзда.

е) Псаломщикъ Успенской церкви, слободы Петропавловки, Старобѣльскаго уѣзда, Игорь *Збукаревъ* перемѣщенъ 22 января 1908 г. на псаломщицкое мѣсто при церкви слоб. Тростница, Ахтырскаго уѣзда.

3. Обь увольненіи за штатъ.

а) Священникъ Рождество-Богородичной церкви, села Христица, Изюмскаго уѣзда, Павелъ *Дзюбановъ* уволенъ, согласно его прошенію, за штатъ, 18 января.

б) Псаломщикъ церкви, сл. Тростянца, Ахтырскаго уѣзда, Михаилъ *Взоровъ* уволенъ согласно прошенію, за штатъ 1908 года.

в) Псаломщикъ церкви, села Протопоповки, Изюмскаго уѣзда, Василій *Пантелеймоновъ* уволенъ за штатъ, согласно прошенію, 18 января.

г) Псаломщикъ церкви, села Грачевки, Волчанскаго уѣзда, Василій *Склябинскій* уволенъ за штатъ, впредь до выздоровленія.

4. О смерти среди духовенства.

а) Священникъ Иоанно-Предтеченской церкви, села Видновка, Ахтырскаго уѣзда, Василій *Тугариновъ* умеръ 12 января.

5. Обь утвержденіи въ должности церковныхъ старостъ.

а) Къ Николаевской церкви, слоб. Хотомли, Волчанскаго уѣзда, утвержденъ 7 января старостою крестьянинъ Илья *Мальникъ*.

б) Къ церкви села Ясєнка, Ахтырскаго уѣзда, утвержденъ 9-го января старостою личный почетный гражданинъ Евгенийъ *Эрманъ*.

в) Къ церкви села Низу, Сумскаго уѣзда, утвержденъ 11 января старостою потомственный почетный гражданинъ Николай *Сухановъ*.

г) Къ церкви слоб. Чебаповки, Старобѣльскаго уѣзда, утвержденъ 11 января старостою кр. Евфремъ *Рябуха*.

д) Къ церкви слоб. Хрущевой-Никитовки, Богодуховскаго уѣзда, утвержденъ 11 января старостою кр. Андрей *Хирный*.

е) Къ церкви села Вѣжовки, Лебединскаго уѣзда, утвержденъ 11-го января н. г. старостою кр. Косьма *Васильченко*.

ж) Къ Воскресенской церкви, слоб. Новой Водолаги, Валковскаго уѣзда, утвержденъ 13 января старостою кр. Иванъ *Ефименко*.

з) Къ Троицкой церкви, слоб. Новой Водолаги, Валковскаго уѣзда, — приписной къ Воскресенской церкви, той-же слободы утвержденъ 18-го января старостою кр. Иванъ *Оберемонъ*.

и) Къ церкви села Старого, Оумскаго уѣзда, утвержденъ 19-го января старостою кр. Матвій *Окунтачъ*.

6. Обь утвержденіи въ должности законоучителей.

а) Священникъ церкви слоб. Средняго Бурлука, Волчанскаго уѣзда, Іустинъ *Корниѣнко* утвержденъ 23 декабря законоучителемъ Нестеровскаго народнаго училища.

б) Священникъ церкви, села Должика, Лебединскаго уѣзда, Сергій *Чугаевъ* утвержденъ 14-го января законоучителемъ мѣстнаго народнаго училища.

в) Священникъ церкви слоб. Дерновой, Ахтырскаго уѣзда, Алексѣй *Краснокутскій* утвержденъ 14-го января законоучителемъ мѣстнаго народнаго училища.

г) Священникъ Рождество-Богородичной церкви, гор. Валокъ, Григорій *Оминъ* 21 января утвержденъ законоучителемъ Роговскаго народнаго училища.

д) Священникъ Рождество-Богородичной церкви, гор. Чугуева, Зміевского уѣзда, Дмитрій *Яновскій* утвержденъ 21 января законоучителемъ мѣстнаго народнаго училища.

е) Священникъ церкви села Боровеньки, Лебединскаго уѣзда, Василій *Федоровъ* утвержденъ 21-го января законоучителемъ мѣстнаго народнаго училища.

ж) Священникъ Успенской церкви, города Ахтырки Фодоръ *Юшковъ* утвержденъ 21 января законоучителемъ 3-го сельскаго город. училища.

з) Священникъ церкви, села Рыснаго, Ахтырскаго уѣзда, Антоній *Рудневъ* утвержденъ 21 января законоучителемъ Александровскаго народнаго училища.

7. О присоединеніи къ православію.

Священникомъ Вознесенской единовѣрческой церкви, хутора Кряковки, Старобѣльскаго уѣзда, Лукою *Кряковцевымъ* присоединенъ изъ раскола австрійскаго жесвященства къ св. православной церкви крестьянка Фекла Потапова *Кряковцева*, 62 лѣтъ.

8. Вакантныя мѣста.

а) Священническія:

При Успенской церкви, слоб. Деметѣевки, Харьковскаго уѣзда.

— Иоанно-Предтечевской церкви, села Видновки, Ахтырскаго уѣзда.

— Петро-Павловской церкви, сл. Павловки, Старобѣльскаго уѣзда.

— Преображенской церкви, сл. Межирича, Лебединскаго уѣзда.

б) *Діакоискія.*

При Владимірской церкви, села Могрицы, Сумскаго уѣзда.

в) *Псаломщичкія:*

При Осіе-Андреевской церкви, Харьковскаго Реального училища.

— Благовѣщенской церкви, гор. Харькова.

При Всѣхсвятской церкви, сл. Котельвы, Ахтырскаго уѣзда.

— Рождество-Богородичной церкви, сл. Шторьмовой, Старобѣльскаго уѣзда.

— Николаевской церкви, сл. Высокополья, Валковскаго уѣзда.

— Георгіевской церкви, сл. Гусанки, Купянскаго уѣзда.

— Казанской церкви, села Голубовки, Старобѣльскаго уѣзда.

ОТЪ ИМПЕРАТОРСКАГО ПРАВОСЛАВНАГО ПАЛЕСТИНСКАГО ОБЩЕСТВА.

Не умолкну ради Сиона и ради Иерусалима не успокоюсь. (Исаія, LXII, 1).

Православные христіане!

Палестина, Обѣтованная Земля, приуготовившая Царю царей убогій вертепъ, странниую Голгофу и тридневное ложе въ саду благообразнаго Іосифа Аримаѳейскаго—вопстану Святая Земля. Она близка и дорога людямъ всѣхъ странъ, племенъ и языковъ, неговѣдующихъ вѣру въ Христа распята.

Боголюбивый православный русскій народъ съ того времени, какъ былъ просвѣщенъ свѣтомъ Христовой вѣры, возлюбилъ Святую Землю и драгоценныя свитыни ея и никогда не прерывалъ своего духовнаго общенія съ Іерусалимомъ, Сиономъ и Внемлемомъ. И нынѣ, по примѣру своихъ благочестивыхъ предковъ, весьма многіе изъ нашихъ соотечественниковъ и даже родственниковъ, покинувъ все, что имъ мило и близко сердцу, неудержимо стремятся въ Обѣтованную Святую Землю, чтобы тамъ—у Живоноснаго Гроба Царя и Владыки со слезами раскаянья во грѣхахъ, горячо помолиться за себя и своихъ присныхъ и испроить у Щедродателя благодать и милость всей русской родной землѣ.

Въ Святой Землѣ, мѣстѣ земной жизни нашего милосердаго Спасителя, призывающаго къ Себѣ всѣхъ обездоленныхъ, живутъ въ крайней бѣдности и угнетеніи наши единовѣрцы—православные сирійцы. Соблазненные подкупными и обѣщаніями инославныхъ, всемѣрно старающихся совратить

ихъ въ свою вѣру и отторгнуть отъ нашей Матери святой православной Церкви, обитатели Св. Земли съ мольбою и уповательною надеждою ожидаютъ помощи и защиты отъ могущественнаго и единовѣрнаго имъ великодушнаго христолюбиваго русскаго народа.

Исполно уже 25 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ, по милости Божіей, пользуясь благоволеніемъ Монарховъ и довѣріемъ всего православнаго русскаго народа, Императорское Православное Палестинское Общество начало свою человеколюбивую дѣятельность для поддержанія православія въ Святой Землѣ и улучшенія всѣхъ сторонъ быта русскихъ паломниковъ. Вступая нынѣ въ новую четверть вѣка своего существованія и оставаясь непоколебимо вѣрнымъ завѣту пророка *„Не умолкну ради Сіона и ради Иерусалима не успокоюсь“*, Палестинское Общество и при нынѣшнихъ тяжелыхъ условіяхъ жизни нашего отечества продолжаетъ питать надежду, что любовь русскаго народа къ Св. Землѣ не оскудѣла и что православный русскій христолюбецъ съ полною готовностію протянетъ руку помощи своимъ единовѣрцамъ—обитателямъ Святой Земли и своимъ соотечественникамъ паломникамъ—молитвенникамъ у Живописнаго Гроба Господня, припомянувъ слова писанія: *„Рука дающего не оскудѣетъ“*.

Возлюбленные христіане! Въ настоящій свѣтлый праздникъ Входа Господня въ Иерусалимъ, съ благословенія Святѣйшаго Синода, по примѣру прежнихъ лѣтъ, церковное блюдо для пожертвованій на Иерусалимъ и Св. Землю пройдетъ среди васъ и отъ щедротельности и усердія вашего вполнѣ зависить облегчить жизнь въ Св. Градѣ нашему паломнику и оказать помощь тамошнему православному населенію, не на минуту не упуская изъ мысли, что сборъ этотъ главный источникъ тѣхъ благодѣяній въ Св. Землѣ, какія посещъ туда Палестинское Общество, и что боголюбиваго жертвователя ожидаетъ за его трудовую лепту на Св. Землю благая горняго Иерусалима. Аминь.

Императорское Православное Палестинское Общество. С.-Петербургъ, Вознесенскій пр., 36.

ОТЪ СОВѢТА ХАРЬКОВСКАГО ЕПАРХІАЛЬНАГО ЖЕНСКАГО УЧИЛИЩА.

1) Совѣтъ епархіальнаго женскаго училища вторично усерднѣе проситъ родителей озаботиться взносомъ платы за содержаніе дѣтей, дабы училищная экономія не была поставлена въ затрудненіе исправно вести сложное хозяйственное дѣло.

2) Родителямъ дѣтей, за которыми числятся недоимки, Совѣтъ училища снова напоминаетъ, что безъ взноса платы за содержаніе невозможно оставленіе ихъ дѣтей въ училищѣ.

3) Несмотря на неоднократныя объявленія Совѣта училища, что всѣ имѣющіяся въ его распоряженіи епархіальныя и благотворительныя стипендіи распределяются въ началѣ учебнаго года, отъ многихъ родителей преимущественно псаломщиковъ и діаконъ, продолжаютъ поступать на имя Епархіальнаго Начальства и въ Совѣтъ училища прошенія о предоставленіи ихъ дѣтямъ церковнаго содержанія. За невѣніемъ въ своемъ распоряженіи никакихъ свободныхъ суммъ, Совѣтъ училища всѣ такія просьбы оставляетъ безъ удовлетворенія и настоящимъ объявленіемъ доводитъ до свѣдѣнія духовенства, что прошенія о принятіи на церковныя и благотворительныя стипендіи могутъ быть подаваемы съ нѣкоторою надеждою на успѣхъ только предъ началомъ учебнаго года, когда обыкновенно свободныя стипендіи распределяются между бѣднѣйшими воспитанницами.

4) Такія же несвоевременныя прошенія о пособіи поступаютъ и въ Правленіе Братства Св. Великомученицы Варвары и весьма часто отъ тѣхъ лицъ, которыя ничѣмъ не выразили своего сочувствія Братству. Въ 1907 г. Братство израсходовало на пособіе воспитанницамъ 2689 р. 50 к. и въ настоящее время, за невѣніемъ въ наличности расходной суммы, оно не въ состояніи удовлетворить поступившія въ Правленіе его новыя прошенія о пособіи. Чтобы Братство имѣло возможность расширить свою благотворительную дѣятельность, необходимо участливое отношеніе къ его нуждамъ со стороны всего духовенства епархіи, а не однихъ только священниковъ. Члены причтовъ, уклоняющіеся отъ матеріальной помощи Братству, этимъ самымъ нравственно лишаютъ себя права обращаться къ нему за помощію.

Письмо Товарища Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода на имя Высокопреосвященнѣйшаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, отъ 15-го января 1908 года за № 518.

*„Высокопреосвященнѣйшій Владыко,
Милостивый Государь и Архипастырь!*

Съ 1901 г. полковникомъ Дубенскимъ издается въ г. С.-Петербургѣ общедоступная, выходящая ежедневно, кромѣ дней послѣ—праздничныхъ,

газета „Русское Чтеніе“, съ приложеніемъ ежедѣльнаго литературно-художественнаго „Сборника Русскаго Чтенія“ и нѣсколькихъ премій, въ видѣ книжекъ общепользнаго содержанія и т. п. Общедоступности содержанія газеты соотвѣтствуетъ и доступность ея цѣны—3 рубля въ годъ.

Поставившая своими задачами просвѣщеніе народа и вообще служеніе интересамъ родины въ духѣ вѣчныхъ русскихъ началъ—православія, самодержавія и народности, названная газета не уклонилась отъ этихъ задачъ ни на шагъ, все время содѣйствуя укрѣпленію въ народномъ сознаніи основъ нашей государственной жизни. Въ настоящее время, когда путемъ печатнаго слова усиленно распространяются въ народѣ разрушительныя идеи, отравляющія его здоровый духовный организмъ, возможно широкой доступъ въ народную среду такихъ изданій, какъ газета „Русское Чтеніе“, воззрѣнія коихъ покоятся на здравыхъ русскихъ началахъ, является не только желательнымъ, но и необходимымъ. Нельзя по тѣмъ же основаніямъ не признать желательнымъ распространеніе того же изданія и въ средѣ православнаго духовенства, которое, будучи призвано охранять православно-русскія начала въ народѣ, должно быть снабжено и необходимыми для того средствами, въ видѣ печатныхъ изданій соотвѣтствующаго направленія.

Въ виду изложеннаго позволяю себѣ обратиться къ Вашему Высокопреосвященству съ покорѣншею просьбою не отказать въ добромъ вниманіи къ упомянутой газетѣ и въ возможномъ содѣйствіи къ распространенію ея среди православныхъ прихожанъ, церковныхъ старостъ и духовенства путемъ напечатанія объявленія о ней въ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ или другимъ путемъ, какой Вы, Милостивый Государь и Архипастырь, изволите признать целесообразнымъ.

Испрашивая молитвъ Вашихъ, съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностью живю честь быть

„Вашего Высокопреосвященства“ и пр.

На сомъ писемъ резолюція Его Высокопреосвященства послѣдовала такая:

„1908. Янв. 20. Въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“: для свѣдѣнія духовенства и рекомендаціи оному газетѣ „Русское Чтеніе“, съ приложеніемъ. Напечатать письмо это въ семь журналь, съ моею резолюцію. *А. Арсеній*“.

II.

Содержаніе. II. Мысли пастыря. *Священника Николая Загоровскаго*.—На правахъ „бѣдныхъ родственницъ“. *Стародума*.—Миссіонерскій листокъ. Харьковское селтапство въ 1908-му году. *И. Айвазова*.—Епархіальная хроника.—Посвященіе Его Высокопреосвященствомъ, Высокопреосвященнымъ Арсеніемъ, Архіепископомъ Харьковскимъ и Ахтырскимъ, Харьковской Духовной Семинаріи.—Посвященію Его Высокопреосвященствомъ, Высокопреосвященнѣйшимъ Арсеніемъ, Архіепископомъ Харьковскимъ и Ахтырскимъ, Харьковского Епархіальнаго Женскаго Училища.—Некрологъ діавона Петропавловской церкви слоб. Петропавловки, Кулиискаго уѣзда, Николая Даниловича Любарскаго.—Иноепархіальный отдѣлъ.—Предложеніе его преосвященства, преосвященнѣйшаго Стефана епископа могилевскаго и мстиславскаго, Могилевской духовной консисторіи.—Разныя извѣстія и замѣтки.—Необходимость объединенія церковно-приходскихъ совѣтовъ.—Трахома —Объявленія.

МЫСЛИ ПАСТЫРЯ

по поводу статьи: „виноваты ли мы“? ¹⁾

„Мы должны благодарить тѣхъ, которые указываютъ намъ наши недостатки. Хотя недостатки наши отъ этого указанія иногда и не пропадаютъ, за то, когда недостатки наши намъ извѣстны, они начинаютъ тревожить нашу душу, не даютъ совѣтя хлопнуть и мы стараемся исправиться и освободиться отъ нихъ“...

„Свѣтъ Господня Претображенія,—говоритъ въ рѣчи своей, по поводу Высочайшаго манифеста отъ 6-го августа 1905 г., Претосвященный Антонинъ епископъ Наврскій,—упалъ на темное тѣло народной жизни и преломился въ надеждѣ, что перевернутся пласты ея и дадутъ изъ себя сильныя, ростки живого устроенія блага нашей родины... Сердце Царя нашего открылось къ слушанію нуждъ изъ устъ народа своего... Онъ изрекъ свое повелительное слово и ждетъ, чтобы его народъ обнажилъ предъ нимъ свою наболѣвшую душу“...

И, дѣйствительно, быстро, за небольшое время перевернулись пласты жизни русскаго народа, нарушивъ, цѣдые вѣка слагавшійся и тянувшійся, историческій ходъ ея; быстро взошли „новые ростки“ живого устроенія блага нашей родины, но только лишь „ростки“, а каковы будутъ плоды ихъ—это дѣло отдаленнаго будущаго, ибо „всякое дерево, говоритъ слово Божіе, познается по плоду своему“ (Лук. 6,—44)... Теперь, въ

¹⁾ Въ „Хорсонскихъ Епарх. Вѣд.“ №№ 18 и 14 за 1905 г., 1—21 стр.

наши дни мы пока видимъ лишь великое „освободительное движеніе“, направленное на улучшеніе различныхъ сторонъ государственной жизни и всколыхнувшее въ русскомъ народѣ положительно всѣ слои общества... Люди всѣхъ званій и состояній, всѣхъ сословій и положеній, всѣ, желая „обнажить предъ Царемъ свою наболѣвшую душу“, заговорили о нуждахъ и боляхъ своей жизни, заговорили о недочетахъ и объ улучшеніи своего положенія... Не осталось безмолвнымъ и православное духовенство... Общій водоворотъ жизни не минулъ его... Ибо великій корабль воинствующей на землѣ Церкви Христовой „воздвигается“ нынѣ цѣлою бурей бѣдъ и напастей, бушующаго „житейскаго моря“... Бурливое и безпокойное, подъ вой ужасающаго урагана страстей человѣческихъ, уносящаго своимъ кровавымъ потокомъ цѣлше тысячи безцѣнныхъ человѣческихъ жизней и заставляющаго добрыхъ людей-христіанъ содрагаться отъ ужаса звѣрскихъ убійствъ, грабежа, пожаровъ и насилій,— это „житейское море“ угрожающее вздымаетъ свои буйные горы—волны и, какъ нѣкогда у учениковъ Христовыхъ, невольно извлекаетъ и у пастырей Церкви, вопль безпокойства и страха: „Господи! спаси насъ: погибаемъ!“ Въ самомъ дѣлѣ, кажется, только въ давно минувшій періодъ гоненій на христіанство церковь Христова и ея служители пережили болѣе трудную, тяжелую годину, чѣмъ въ наши дни,— дни величайшихъ государственныхъ реформъ и разныхъ переворотовъ, кровавыхъ событій и разныхъ нестроений въ общественной жизни народа; чѣмъ въ наши дни—наплыва расколо-сектантскихъ лжеученій, религіознаго индеферентизма и массовыхъ отпаденій отъ православія, съ особой силой заявившихъ себя послѣ закона 17 апрѣля 1905 года... Въ массѣ выступившіе въ народъ „политическіе агитаторы“ и сектантскіе лжеучители дѣйствуютъ, повидимому, за одно и стремятся къ одной „преступной“ цѣли: первые—поколебать и разрушить основы русскаго государства, укрѣплявшаго и поддерживавшаго доселѣ авторитетъ „господствующей“ вѣры; вторые—поколебать и разрушить устои православной вѣры, объединяющей и соединяющей православный русскій народъ въ одно великое и могучее государство...

При такомъ положеніи дѣла нельзя не воскликнуть: „Господи, спаси насъ“!... Но, вотъ, какъ бы слышится и успокаивающій гласъ Христа Спасителя: „что вы такъ боязливы, маловѣрные“? И умалывается чувство страха, стихаетъ боль души, за „грядущія на отечество и Церковь тревожныя событія“, при мысли о предстоящемъ всероссійскомъ Соборѣ православной русской церкви, имѣющемъ быть по Высочайшему соизволенію Государя Императора, сыновне пекущагося о матери Своей св. Церкви православной, осѣняющей и благословляющей державу Его!... Да, предстоящій Соборъ русской Церкви—событіе величайшей важности... И, судя по многочисленности и разнообразности вопросовъ, затронутыхъ на общихъ собраніяхъ предсоборныхъ присутствій и подлежащихъ обсужденію на Соборѣ, онъ (Соборъ) много свѣта и улучшеній долженъ внести въ церковно-приходскую жизнь русскаго народа... На него-то—Соборъ и православное духовенство возлагаетъ всѣ свои лучшія думы и чаянія... Въ надеждѣ быть услышанными великимъ Соборомъ русской Церкви, пастыри такъ часто вышпаютъ теперь голосъ свой въ періодической печати о тѣхъ своихъ жизненныхъ тискахъ, о тѣхъ недочетахъ и нестройностяхъ въ жизни церковно-приходскихъ общинъ, кои такъ сильно обременяютъ пастырскую дѣятельность, убиваютъ въ пастыряхъ „душу живу“, ослабляютъ энергію, идутъ нерѣдко въ разрѣзъ съ идеальными требованіями великаго пастырскаго служенія и стоятъ мрачной преградой на пути обновленія и возрожденія церковно-приходской жизни народа... Точно изъ наболѣвшей, измученной груди раздаются вопли пастырей о безправіи, приниженности, матеріальной необезпеченности и проч. и проч. тяжелыхъ условіяхъ жизни православнаго духовенства!...

Къ числу такихъ воплей мы относимъ и весьма интересную статью свящ. о. Ал. Смирягина, напечатанную въ Херсонскихъ Епархіальныхъ вѣдомостяхъ подъ заглавіемъ: „виноваты ли мы“?... Въ этой статьѣ почтенный авторъ взялъ на себя трудъ сказать пастырское слово правды въ защиту православнаго духовенства противъ существующаго въ общественномъ мнѣніи крайне несправедливаго обвиненія „въ лѣни и небреж-

номъ исполненіи духовенствомъ своихъ обязанностей“, а такъ же при помощи нагляднаго арифметическаго расчета „показать всѣмъ, что православные приходскіе священники, какъ бы ни выбивались изъ силъ, не могутъ въ точности исполнять возложенныя на нихъ обязанности, хотя бы для этого они работали по 25 часовъ въ сутки“. Вотъ въ главныхъ чертахъ содержаніе этой статьи.

„Православное бѣлое духовенство, пишетъ о. Ал. Смирятинъ, издавна служитъ излюбленной мишенью для всякихъ насмѣшекъ, острогъ и пересудовъ. Кажется, только мертвые не осуждаютъ его. Въ настоящее время болѣе всего обвиняютъ насъ въ лѣни, небрежномъ исполненіи своихъ обязанностей. Разсмотримъ, насколько справедливы эти обвиненія и сколько требуется времени на исполненіе пастыремъ всѣхъ своихъ обязанностей.

По требованію 34 ст. Устава Духовной Консistorіи и „Учительнаго Извѣстія“, каждый священникъ долженъ отслужить въ годъ болѣе 200 литургій; а по церковному уставу литургію можно совершать, лишь отслуживъ предварительную вечерню и утреню. Полагая на вечерню 1½ часа, на утреню 2½ часа, на литургію 2 часа, да на „Правила готовящимся къ служенію литургіи святыя“ (если выполнять его, какъ слѣдуетъ) 4 часа—увидимъ, что каждая литургія требуетъ отъ священника и діакова около десяти часовъ самой напряженной душевной работы... Значитъ, если приходскіе священники будутъ совершать, *не отступая отъ церковныхъ правилъ*, одно лишь церковное богослуженіе, и то у нихъ не останется времени даже на требы, не говоря уже о законоучительствѣ въ школахъ и завѣдываніи ими, о служебно-канцелярской отпискѣ, о бесѣдахъ съ прихожанами и проч. и проч. Такъ какъ на пастырей церкви кромѣ церковной молитвы возложено еще множество другихъ обязанностей, то имъ волей-неволей приходится или служить съ пропусками, или читать такъ быстро, что присутствующіе почти ничего не могутъ понять изъ читаемаго...

На хожденіе съ молитвою передъ Пасхою и Рождествомъ Христовымъ и на служеніе панихидъ и молебновъ по домамъ,

полямъ и въ церквахъ требуется около 360 часовъ въ годъ или по часу въ день, а въ приходахъ, гдѣ духовенство ходитъ изъ дома въ домъ и служитъ молебны на Пасху и храмовые праздники—гораздо больше... На истовое совершеніе каждаго крещенія (а ихъ приходится на каждаго приходскаго священника ежегодно около 200) идетъ 2 часа времени; если же, согласно нашему требнику, еще ходитъ или ѣздитъ къ каждой родильницѣ для прочтенія положенныхъ молитвъ, то и на это нужно, въ среднемъ, не менѣе часа. Далѣе въ теченіе великаго поста священнику приходится исповѣдать около 2000 человѣкъ; полагая на исповѣдь каждаго только по 15 минутъ, потребуется 500 часовъ. Такимъ образомъ на одну только исповѣдь (да и то не полную) въ великомъ посту нужно употребить болѣе 10 часовъ въ день; между тѣмъ, служеніе каждой литургіи съ подготовкою по уставу требуетъ около 10 часовъ; въ то же время священникъ долженъ по уставу крестить, хоронить и совершать другія требы и таинства; не освобождается онъ въ это время и отъ школъ, и отъ писмоводства... На каждое масло-соборованіе нужно по менѣе двухъ часовъ, на каждое напутствованіе больного, если приходится ѣхать версты 2—3, не менѣе часа, а если за 10—12 верстъ то и весь день уйдетъ; на каждое погребеніе, если провожать умершаго изъ дома въ церковь изъ церкви на кладбище и отпѣвать по уставу, безъ сокращеній,—требуется среднимъ числомъ отъ 2 до 6 часовъ, смотря по разстоянію церкви отъ мѣста жительства покойнаго и отъ кладбища... Такимъ образомъ, если бы приходскіе священники рѣшились исполнять всѣ требы по уставу, безъ всякихъ сокращеній, то едва ли успѣли бы управиться съ одной этою обязанностию...

Согласно уставу духовныхъ консисторій и строжайшимъ предписаніямъ начальства священники должны вести и ежегодно представлять начальству: 1) метрическія книги (въ двухъ экземплярахъ) о родившихся, бракосочетавшихся и умершихъ; согласно 99 и 100 ст. консисторскаго устава, они должны составляться и записываться съ чрезвычайной тщательностію и за пропускъ или искаженіе какого либо акта, священно-

служители и причетники, по 193 ст. Уст. Дух. Конс., наказываются выговоромъ или денежною пенею и даже отрѣшеніемъ отъ мѣста; 2) клировыя вѣдомости (въ 4-хъ экземплярахъ) съ подробными свѣдѣніями о церкви и ея имуществѣ, о службѣ всѣхъ членовъ причта и церковнаго старосты, о живущихъ въ приходѣ вдовахъ и сиротахъ духовенства и проч. 3) исповѣдныя росписи о бывшихъ и не бывшихъ у исповѣди и св. причастія; 4) приходо-расходныя книги по церкви, за неисправное веденіе которыхъ священнослужители и причетники, по 192 ст. консисторскаго устава, наказываются выговоромъ или денежною пенею; 5) книгу брачныхъ обысковъ; собирать для нихъ свѣдѣнія и составлять ихъ нужно съ чрезвычайной осторожностію, такъ какъ за повѣнчаніе недозволенныхъ браковъ священнослужители и причетники, по 188—190 ст. Уст. Дух. Кон., наказываются болѣе или менѣе продолжительною ссылкой въ монастырь и даже лишеніемъ сана; 6) выписи изъ метрическихъ книгъ о лицахъ призванного къ отбытію воинской повинности возраста; 7) описи церковнаго имущества—главную и дополнительную; 8) церковную лѣтопись; 9) каталогъ книгъ церковныхъ; 10) богослужебный журналъ; 11) книгу съ записью содержанія поученій, произнесенныхъ священникомъ въ теченіе года; 12) всѣ собственныя поученія, произнесенныя священникомъ въ теченіе года, каковыя поученія священники должны при рапортахъ предоставлять предварительно на просмотръ благочинному или цензору; 13) подробный реестръ братскихъ доходовъ съ точной записью поступленія ихъ; 14) реестръ для записи входящихъ бумагъ съ точнымъ указаніемъ года, мѣсяца и числа поступленія, наименованія и содержанія каждой бумаги; 15) книгу для записи исходящихъ бумагъ; 16) подробный годичный отчетъ благочинному о церкви, причтѣ, прихожанахъ, школахъ, о церковно-приходскомъ попечительствѣ или, если есть, братствѣ, о церковной библіотекѣ, о богадѣльнѣ, если есть при церкви, объ иновѣрцахъ, раскольникахъ, сектантахъ и проч. 17) Статистическія таблицы о сектантахъ; 18) такія же таблицы о раскольникахъ; 19) отчетную вѣдомость о приходѣ и расходѣ церковныхъ суммъ.

подъ лит. А. (въ четырехъ экземплярахъ надъ составленіемъ ихъ многіе священники трудятся по нѣскольکو дней; 20) книжку о заборѣ церковныхъ свѣчей изъ епархіальныхъ лавокъ и свѣчную вѣдомость; 21) вѣнчиковую вѣдомость; 22) всякія вѣдомости и отчетныя свѣдѣнія о церк.-приходскихъ школахъ и школахъ грамоты и проч. и проч... Но и это еще не все. Посчитайте сколько въ церквахъ кружекъ и сообразите сколько требуется отъ священника времени для сбора въ нихъ пожертвованій!... 1) И еслибы приходскіе священники исполняли всѣ подробнѣйшія и обстоятельнѣйшія распоряженія своего начальства о производствѣ безчисленныхъ сборовъ, съ предварительною подготовкою къ нимъ прихожанъ *прочувствованными* и убѣдительными поученіями съ церковной кафедры, то прихожанамъ на каждой службѣ церковной и дома приходилось бы слушать отъ своихъ пастырей проповѣди на одну и ту же тему: „денегъ дай, денегъ дай“ круглый годъ. Обыкновенно священники и старосты церковныя, боясь отпугнуть народъ отъ церкви, не рѣшаются производить всѣ установленныя сборы, а для отчета берутъ деньги изъ церковныхъ суммъ.

Теперь вошли сборы пожертвованій въ церквахъ на всевозможныя благотворительныя цѣли, на постройки величественныхъ соборовъ, монастырей, школъ и проч. и проч.; это

1) Церковныя сборы: 1) въ пользу своего храма; 2) въ пользу бѣдныхъ духовнаго званія; 3) въ пользу мѣстнаго церковно-приходскаго попечительства; 4) въ пользу церк.-приходскихъ школъ; 5) въ пользу бѣдныхъ славянъ; 6) въ недѣлю православія; 7) въ недѣлю Вайи; 8) въ недѣлю пятидесятницы; 9) въ недѣлю 25-ю по Пятидесятницѣ; 10) въ пользу Миссіонерскаго общества; 11) на построеніе церкви и школы въ епархіи; 12) въ пользу Маринскаго попечительства о слѣпыхъ; 13) въ пользу Миссіонерскаго братства; 14) въ пользу Краснаго Креста; 15) въ пользу православныхъ поклонниковъ въ Палестинѣ; 16) на распространеніе православія на Кавказѣ; 17) на сооруженіе и содержаніе бѣднѣйшихъ церквей въ Имперіи; 18) на Туркестанскій край; 19) на возобновленіе Михетскаго собора; на возобновленіе Мстиславова храма въ гор. Владиміръ-Волинскомъ; 21) на построеніе въ Москвѣ храма въ честь Александра-Невскаго и 22) на построеніе собора въ г. Владивостокѣ.

Въ другія церквахъ есть еще сборы: въ пользу общества спасенія на водахъ, въ пользу разныхъ пріютовъ, больницъ, мѣстныхъ благотворительныхъ обществъ и т. д. Стран. 8--9.

легкое средство сразу получить въ свои руки десятки и сотни тысячъ рублей, такъ какъ въ Россіи около 37000 приходскихъ церквей.

Священникъ Николай Загоревскій.

(Продолженіе будетъ)

НА ПРАВАХЪ „БѢДНЫХЪ РОДСТВЕННИЦЪ“.

Въ дворянскихъ и купеческихъ семьяхъ не рѣдко можно встрѣтить приживалокъ, пріютившихся на правахъ «бѣдныхъ родственницъ». По большей части, это или одинокія вдовы, или старыя дѣвы, не успѣвшія во время составить себѣ партію и въ то же время не подготовленныя воспитаніемъ къ тому, чтобы жить собственнымъ трудомъ. Въ семьяхъ, гдѣ онѣ нашли себѣ пріютъ, ихъ обязанности крайне разнообразны, смотря по общественному, семейному и матеріальному положенію хозяевъ, ихъ роду жизни, занятіямъ, привычкамъ и т. п. Бѣдная родственница присматриваетъ за дѣтьми, помогаетъ въ домашнемъ хозяйствѣ, слѣдитъ за прислугой, занимается разговоромъ непріятнаго, но нужнаго почему-либо посѣтителя и прч. и прч. Услугъ требуется отъ нея не мало, но услуги это такого рода, что безъ нихъ легко можно и обойтись: всегда есть возможность самому сдѣлать то, что поручаютъ приживалкѣ. Въ домѣ, слѣдовательно, онѣ не необходимы, а только лишь терпимы. Понятно поэтому, что дорожить ими особенно не стануть. Ими не дорожатъ, и большею частію имъ, несчастнымъ, приходится мириться со многими не совсѣмъ пріятными вещами. Какой-нибудь Китъ Китычъ въ пьяномъ видѣ вздумаетъ потѣшаться надъ ними—нарядить ихъ въ шутовской костюмъ, и онѣ должны при этомъ ласково улыбаться и находить это милой шуткой; взбалмошный Петя, или Миша, усѣвшись къ нимъ на колѣни, изомнетъ имъ платье, взъерошитъ волосы, и онѣ опять таки устранятъ его съ веселой улыбкой, восхищаясь его ловкостью и проворствомъ и прч. и прч.; все это онѣ должны не замѣчать. Однако, какъ бы ни обращались съ ними, ихъ обязанность душой и тѣломъ быть преданными интересамъ Китъ Китыча и его домочадцевъ: его интересы—ихъ интересы, его друзья—ихъ друзья, его враги—

нихъ враги. Онѣ не могутъ имѣть собственныхъ убѣжденій, собственныхъ симпатій и антипатій, собственныхъ друзей и враговъ. Въ мелочахъ какихъ-нибудь имъ еще могутъ поступиться: могутъ позволить по ихъ вкусу убрать свой уголокъ въ домѣ, зажечь лампадку предъ образомъ, или что-нибудь въ этомъ родѣ. Но и только. А если онѣ вздумаютъ переставить вазу въ гостиной, переменить салфетку на столѣ, то ихъ сейчасъ же оборвутъ и скажутъ, что онѣ вмѣшиваются не въ свое дѣло. Трудно, какъ видите, позавидовать положенію „бѣдныхъ родственницъ“. Тѣмъ не менѣе иногда онѣ такъ свыкаются съ своимъ положеніемъ, такъ втягиваются въ свою роль, что, дѣйствительно, душой и тѣломъ готовы стоять за интересы своихъ хозяевъ, пріобрѣтаютъ какую-то, слѣпую вѣрность, по своему даже счастливы бываютъ отъ этого. А тѣмъ не менѣе жалко все-таки ихъ.

— Все это такъ, скажете вы, но къ чему этотъ разговоръ о бѣдныхъ родственницахъ? Не хотите ли вы приглашать къ пожертвованіямъ на устройство для нихъ пріютовъ, домовъ трудолюбія и прочъ?

Спѣшу васъ успокоить, читатель. У меня нѣтъ никакихъ такихъ цѣлей. Дѣло гораздо проще, чѣмъ вы думаете. Я нарисовалъ предъ вами положеніе „бѣдныхъ родственницъ“, чтобы нагляднѣе представить положеніе нѣкоторыхъ... кого бы вы думали? Положеніе нѣкоторыхъ нашихъ батюшекъ въ отношеніи къ такъ называемому освободительному движенію. Надѣюсь, что, если вы всмотритесь въ дѣло поближе, то найдете нѣкоторую аналогію, найдете въ положеніи батюшекъ, примкнувшихъ къ освободительному движенію, нѣкоторое сходство съ положеніемъ „бѣдныхъ родственницъ“.

Прежде всего, батюшки, примкнувшіе къ освободителямъ, какъ и приживалки, лишь до поры до времени терпимы тамъ, а отнюдь не болѣе того. Въ самомъ дѣлѣ, разъ эсъ-деки, эсъ-эры и к^о открыто заявляютъ, что Богъ имъ не нуженъ, не нужна церковь, не нуженъ рай на небѣ, ибо они устроятъ его на землѣ, то для чего, скажите пожалуйста, могутъ понадобиться имъ христіанскіе священники-то? На первыхъ порахъ, думаютъ либералы, пока народъ еще не достаточно просвѣщенъ, придется, разумѣется, пойти на кое-какія уступки, придется вѣрить въ Бога и держать поповъ, но это лишь временно, это лишь вынужденная уступка.

Отсюда само собою понятно, каково положеніе батюшекъ, пристроившихся къ лагерю освободителей на правахъ „бѣдныхъ родственницъ“. Ими понукають, ихъ третируютъ, а они должны усиливаться показать, что они, Боже сохрани, отнюдь не черносотенники, что, напротивъ, они тоже сочувствуютъ до нѣкоторой степени и краснымъ.

И вы думаете, не стараются они объ этомъ? О, еще какъ! вспомните ихъ рѣчи въ Госуд. Думѣ!

Одинъ мой знакомый священникъ, о. Григорій Х., въ поискахъ уроковъ въ учебныхъ заведеніяхъ, зашелъ къ директрисѣ одной частной женской гимназіи, гдѣ освободилось мѣсто законоучителя. Директриса, которая, кстати сказать, не принадлежала къ крайнимъ лѣвымъ партіямъ, а была по политическимъ убѣжденіямъ всего лишь ка-де, благосклонно выслушавъ просьбу священника и взявъ отъ него прошеніе, начала излагать свои взгляды на задачи школы вообще и въ частности на роль законоучителя въ школѣ, взгляды, которые долженъ былъ принять во вниманіе кандидатъ въ законоучители.

— Видите ли, батюшка, начала она, я могу вамъ обѣщать уроки въ моемъ учебномъ заведеніи, но предварительно поставлю вамъ нѣкоторыя условія, которыя вы должны будете принять.

— Я васъ слушаю.

— Во-первыхъ, въ моей школѣ не должно быть политики.

— Прекрасно.

— Я очень рада, что вы раздѣляете мой взглядъ. Мнѣ остается въ поясненіе его лишь сказать, что политикой я называю и тѣ уроки катихизиса, гдѣ рѣчь идетъ о почитаніи предрержащихъ властей.. ну, и прочее тамъ... Вы меня понимаете. Эти вещи необходимо устранить.

— ?

— Да я рѣшительно стою на этомъ. Затѣмъ необходимо устранимъ весь этотъ... какъ бы сказать... ну миѳическій элементъ изъ свящ. исторіи: всѣ эти басни о всемірныхъ потопахъ, египетскихъ казняхъ, маннахъ, каменныхъ дождяхъ и т. п. Словомъ, весь, или почти весь ветхій завѣтъ нужно преподавать иначе. Несвоевременно все это!.. Что касается новаго завѣта, то и здѣсь я нахожу кое-что, что не должно имѣть мѣста въ школѣ. Недавно я была за границей, въ Германіи, слышала тамъ проповѣдниковъ—пасторовъ, познакомилась съ нѣкоторыми и

кое-чему поучилась. Но объ этомъ подробнѣе мы еще будемъ имѣть случай говорить, а пока я васъ только предупреждаю о той постановкѣ дѣла, какая у меня будетъ принята. Пока нельзя, конечно, совсѣмъ изгнать религію изъ школы, но нужно и можно ее нѣсколько очистить. Достаточно, если духъ религіи будетъ удержанъ, а все прочее—вещь второстепенная. Вы меня понимаете?

— Очень хорошо.

— Ну, и какъ же вы находите?

— Я попрошу мое прошеніе обратно.

— Что такъ? Вы не согласны со мной? Очень жаль, а я думала...

— Простите, условія для меня не подходящія. Честь имѣю кланяться.

О. Григорій ушелъ, отказавшись отъ уроковъ. Но на слѣдующій день былъ принятъ другой законоучитель, который, очевидно, на предложенныя условія согласился. Этотъ новый законоучитель по политическимъ убѣжденіямъ довольно-таки съ краснымъ оттѣнкомъ и не только не нуждается въ понуканіи со стороны директрисы, но, говорятъ, его приходится даже сдерживать...

Оно и понятно. Дѣло въ томъ, что мы, духовенство, по ихъ мнѣнію, слишкомъ долгое время были консерваторами, черносотенцами. Всѣ къ этому такъ привыкли, что съ трудомъ вѣрятъ, чтобы къ намъ могло привиться что-нибудь этакое, прогрессивное... какое-нибудь „освободительное“ амбре. Думаютъ, что мы ничѣмъ другимъ не можемъ быть, какъ только реакціонерами, обскурантами, слѣпыми рабами предержащей власти; что мы никогда не употребляли иныхъ духовъ, кромѣ тѣхъ, что извѣстны подъ именемъ „Дымъ отечества“, что мы насквозь пропитаны этими духами. Вотъ почему всякій, кто хочетъ перемѣнить о себѣ установившееся у либераловъ мнѣніе, долженъ для этого умѣть приспособиться, долженъ употреблять большія усилія, долженъ отрещиваться отъ наслѣдственныхъ грѣховъ—косности и низкопоклонства, дыма отечества и т. п. Ну, и стараются иные попасть въ передовые батюшки...

— Иные иногда говорятъ имъ: вѣдь вы, духовные, всегда были и должны оставаться черносотенцами!

— Ахъ, нѣтъ, это не мы, отвѣчаютъ они. Мы ни въ какомъ родствѣ не состоимъ съ ними, они совсѣмъ не наши, пожалуйте не смѣшивайте насъ съ ними.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Ужъ будьте покойны. Послушайте, что говорятъ наши въ Госуд. Думѣ! Вы посмотрите, какъ мы относимся къ высшей іерархической власти! Прочтите только напр. нашу корреспонденцію объ этомъ въ газетѣ „Ка-де“! Тутъ все есть.

— Да правда ли это?

— Правда, это ужъ не ново, объ этомъ раньше было напечатано, но тогда напечатали въ журналѣ, котораго никто не читаетъ, а теперь въ газетѣ „Ка-де“ всѣ прочтутъ. Затѣмъ мы находчиво задѣваемъ здѣсь секретарей консисторіи, которые тоже бюрократы и черносотѣнцы, какихъ мало. Досталось и остальному духовенству: мы называемъ его убогимъ умственно и нравственно. Разумѣется, мы тутъ великодушно исключаемъ нѣкоторыхъ изъ нашей партіи. Но не щадимъ мы ректоровъ и инспекторовъ семинаріи... Мы ихъ называемъ бездарностями. Оно, конечно, тутъ нѣкоторое преувеличеніе, ну, да вѣдь нужно принять во вниманіе, что эти господа, состоя большею частію редакторами епархіальныхъ изданій, буквально давятъ всякую свѣжую мысль, превращаютъ свое изданіе въ черносотенное, печатаютъ напр., статьи въ защиту смертной казни и т. под. Съ такими господами церемониться нечего. Не дурно у насъ выходитъ относительно безсодержательности проповѣдей духовенства. Съ прискорбіемъ однакоже нужно сознаться, что народъ любитъ архіерейскія проповѣди и тѣснится вокругъ ихъ какъ еедръ. Но что отсюда слѣдуетъ? Изъ этого слѣдуетъ только то, что народъ пока грубъ и невѣжественъ и больше ничего. Но всего лучше то, что мы говоримъ въ нашихъ статьяхъ объ архіерейскихъ доходахъ... Это, такъ сказать, гвоздь нашихъ статей. Этого одного факта достаточно, чтобы убѣдить всѣхъ и каждого, что церковь наша нуждается въ коренномъ переустройствѣ, что въ ней сверху до-низу все гнило, все покрыто ржавчиной, все требуетъ реформы. И дадимъ эту реформу церкви мы, священники-освобожденцы, а не духовные бюрократы. Мы создадимъ церковь на новыхъ началахъ, вдохнемъ въ нее жизнь, очистимъ отъ бюрократизма, принаровимъ христіанское ученіе къ духу и потребностямъ современнаго общества. Мы не скрываемъ отъ себя огромной трудности той задачи, которую беремъ на себя. Мы знаемъ, что трудъ предстоитъ колоссальный. Нужно вѣдь ни мало ни много, какъ пе-

ревоспитать стомилліонную массу народа, нужно вытравить изъ его души и сердца хитросплетенія византизма и взаи́мъ этого насадить болѣе свѣтлое ученіе новаго времени. Нужно сознаться, что въ этомъ отношеніи дѣло едва лишь начато: первые шаги сдѣланы гр. Львомъ Николаевичемъ, а затѣмъ продолжены нѣкоторыми его послѣдователями изъ нашихъ. Но пока что—это лишь капля въ морѣ. Нужны новые дѣятели, ахъ, какъ много ихъ нужно!

— И вы полагаете, что вы будете нужны при грядущемъ строѣ нашего общества?

— Непремѣнно. Вѣдь что такое въ сущности христіанство? Что такое царство Христово? Это и есть наилучшее социальное устройство на началахъ свободы, равенства, братства. Вотъ зерно христіанства. Христосъ въ нѣкоторомъ смыслѣ можетъ быть названъ первымъ социаль-демократомъ, какъ его и называли уже. Не даромъ же Беллами, рисуя жизнь будущаго общества, не забылъ упомянуть и о богослуженіи будущихъ гражданъ, при чемъ приводитъ даже выдержку изъ будущей проповѣди. Да, да, религія и социализмъ—это близкіе родственники, это сестра и братъ, они могутъ, они будутъ жить вмѣстѣ. Только не нынѣшняя религія, не религія византийскаго христіанства, которая является злой мачехой социализма, а религія новая, религія будущаго, церковь реформированная, обновленная,—она будетъ сестрой социализма. Новая грядущая религія вовсе не будетъ помѣхой счастья: она не погребуетъ разныхъ тамъ умерщвленій плоти, самоограниченій, самозаключеній. Вовсе нѣтъ, это будетъ религія жизни, а не смерти, радости, а не страданій. Несомнѣнно также, что и семейный вопросъ будетъ разрѣшенъ религіей совмѣстно съ наукой объ обществѣ. Мы тутъ будемъ идти, такъ сказать, параллельно, нога въ ногу, никакимъ конфликтамъ съ наукой у насъ не будетъ мѣста. Приспособленію будетъ дано самое широкое мѣсто. Религія для человѣка, а не человѣкъ для религіи—вотъ нашъ девизъ.

Словомъ, эти люди увлекаются всякимъ вѣтромъ лжеученій, согласны на всякія уступки, лишь бы не быть выброшенными за бортъ мнимой современности, лишь бы пристроиться къ освободителямъ, хотя бы на правахъ „бѣдныхъ родственниковъ“. Какое легкомысліе и глубокое умопомраченіе! Ихъ преступная любовь въ міру и его благамъ омрачаетъ ихъ души. Въ погонѣ за этими благами они роютъ свой санъ и являются недостой-

ными служителями Церкви въ глазахъ тѣхъ нашихъ освободителей, которые притворно дѣлають видъ, будто слушаютъ ихъ и соглашаются съ ними...

Какое же сужденіе мы должны имѣть объ этихъ людяхъ? О нихъ мы имѣемъ богомудрое сужденіе отъ самихъ апостоловъ. Св. ап. Іуда говоритъ о нихъ: „Это люди, отдѣляющіе себя (отъ единства вѣры), душевные, не имѣющіе духа. А вы, возлюбленные, назидая себя на святѣйшей вѣрѣ вашей, молясь Духомъ Святымъ, сохраняйте себя въ любви Божіей, ожидая милости отъ Господа нашего Іисуса Христа для вѣчной жизни“ (Ап. Іуды гл. 1, ст. 19—21). А ап. Петръ говоритъ о нихъ: „Это безводные источники, облака и мглы, гонимыя бурей: имъ приготовленъ мракъ вѣчной тьмы. Ибо, произнося надутое пустословіе, они уловляютъ въ плотскія похоти и развратъ тѣхъ, которые едва отстали отъ находящихся въ заблужденіи. Обѣщаютъ имъ свободу, будучи сами рабы тлѣнія; ибо кто кѣмъ побѣжденъ, тотъ тому и рабъ“. (2. Петр. гл. 2, ст. 17—19).

Стародумъ.

МИССИОНЕРСКІЙ ЛИСТОКЪ.

ХАРЬКОВСКОЕ СЕКТАНТСТВО КЪ 1908-МУ ГОДУ.

Харьковское сектантство къ 1908 году составляли: штундисты, толстовцы, хлысты, новоизраильтяне, скопцы и іеговисты.

I. *Штундисты*, въ количествѣ болѣе 4,000 чел. об. пола, проживаютъ въ слѣдующихъ пунктахъ Харьковской епархіи¹⁾:

1) Харьковскій уѣздъ: г. Харьковъ, с. Синолицевка, Ольшана, *Пересыное*, Панъ-Ивановка, Рускіе Тишки, Веселое, Татарка (хуторъ Токаревъ), Должикъ, Люботинъ, Дергачи, г. Золочевъ;

2) Богодуховскій уѣздъ: гор. *Богодуховъ*, г. *Краснакутскъ*, *Яблочное*, Вольное, Бол. Писаревка, Лѣсковка (хут. Зарябинка), *Сынное* съ хуторами, Малыжино (*Мерло*), Ивановы, *Мурафа*, *Козьевка*, *Городное*, *Кичаловка*, *Хрущевая-Нижитовка*, Шаровка, *Мирное*, Рублевка, Филенково, Константиновка, Тарасовка;

¹⁾ Подчеркнутые пункты являются крупными очагами сектантства.

3) Валковскій уѣздъ: г. *Валжи, Козьми*, Кантакузово съ дер. *Николаевкой, Снѣжковъ-Кутъ* съ хуторами, *Коломакъ, Сидоренково* съ хуторами, *Дороееевка, Переконъ, Левендаловка, Высокополье, Новый-Мерчикъ, Калленниково, Огульцы, Черемушная, Одринка, Александровка, Алексѣевка*;

4) Волчанскій уѣздъ: *Польное, Хотомля, Верхній-Салтовъ, Нижній-Салтовъ, Большая-Бабка* съ хут. *Гремячимъ, Пятнишкое, Печенги, Юрченково, Василенково, Нов.-Бурлукъ, Великое*;

5) Купянскій уѣздъ: г. *Купянскъ* съ хуторами; *Ново-Осиновая, Ново-Александровка, Монашчовка* съ хут. *Селмице, Пристѣна, Сватова-Лучка*, станц. *Купянскъ-Узловая, Ново-Николаевки, Старовѣровка*;

6) Изюмскій уѣздъ: *Рай-Александровка* съ хут. *Оршоваткой, Некременное* съ дер. *Беззаботовкою, Привольное, Михайловка, Надеждовка* съ дер. *Никополь, Голая-Долина* съ хут. *Грековское-Товарищество, Долгенькое, Семеновка, Ново-Павловка, Пашково, Барвенково*;

7) Зміевской уѣздъ: *Гомольша, Дудковка* съ хут. *Шиманской* и дер. *Безпаловкой, Тарановка, Алексѣевка, Берека*;

8) Старобѣльскій уѣздъ: *Петропавловка, Закотное*;

9) Сумской уѣздъ: г. *Сумы, Вирь, Ободы, Искриковщина, Б.-Бобрикъ, Андреевка* съ хут. *Москаленковымъ*;

10) Лебединскій уѣздъ: *Олешная* съ хут. *Вардаковымъ*;

11) Ахтырскій уѣздъ: *Самотоевка*.

Центромъ Харьковской штунды является г. Харьковъ. Штундовая община здѣсь насчитываетъ до 1000 чел. об. пола. Въ м. іюнь 1906 г. штундисты образовали въ Харьковѣ и зарегистрировали „Общество евангельскихъ вѣрующихъ христіанъ“, уставъ котораго напоминаетъ уставы нашихъ братствъ. Органомъ управленія дѣлами „Общества“ является особый „Комитетъ“, въ составѣ 15-ти членовъ и председателя М. Хорошилова. Комитетъ помѣщается на Екатеринославской ул. № 34-й въ наемномъ зданіи. Въ м. октябрѣ 1906 г. при Комитетѣ открыто „Училище для дѣтей Общества евангельскихъ вѣрующихъ христіанъ“, въ которое съ 1907 года принимаютъ всѣхъ дѣтей, безъ различія исповѣданій. Въ настоящее время

въ училищѣ до 40 учениковъ. Учителями состоятъ сектанты: Дацко и Лейдницъ. При Комитетѣ имѣются для продажи въ изобиліи сектантскія книги, журналы, брошюры, листки, календари и пр... При самомъ „Обществѣ“ сгруппированъ цѣлый штатъ—болѣе десяти спеціальныхъ разъѣздныхъ миссіонеровъ—проповѣдниковъ, которые систематически и усиленно разъѣзжаютъ по всѣмъ православнымъ и зараженнымъ сектантствомъ приходамъ епархіи съ публичною и домашнею пропагандою въ нихъ штунды. То-же Общество устраиваетъ „библейскіе вечера“ и „воскресные миссіонерскіе курсы“, на которыхъ обучаются пропагандѣ мѣстные и изъ разныхъ штундовыхъ общинъ епархіи рядовые сектанты, изъ которыхъ постепенно и образуется контингентъ будущихъ миссіонеровъ—проповѣдниковъ.

Особенное вниманіе Общества посвящено „пѣвческимъ собраніямъ“. На этихъ собраніяхъ разучаются „псалмы“ и „духовныя стихотворенія“, принятыя къ употребленію на молитвенныхъ собраніяхъ сектантовъ, а также и въ ихъ домашнемъ религіозномъ быту. Здѣсь же организовываются „разъѣздные хоры“, которые сопровождаютъ штундовыхъ миссіонеровъ во время ихъ поѣздокъ по деревнямъ и селамъ епархіи, съ цѣлю привлеченія на штундовыя бесѣды православныхъ и болѣе успешнаго совращенія ихъ въ сектантство. Общество чрезъ свой Комитетъ находится въ самомъ тѣсномъ единеніи съ все-россійскою организаціею „штундизма“, съ „Всероссійскимъ Союзомъ Русскихъ Баптистовъ“. Въ истекающемъ году оно, вмѣстѣ со всею штундою, вошло въ составъ „Всероссійскаго Евангельскаго Союза“, объединившаго собою все русское сектантство и поставившее его въ тѣсное общеніе съ „Всемирнымъ Евангельскимъ Союзомъ“. Тоже Общество командируетъ на сектантскіе областныя и все-россійскіе съѣзды представителей Харьковской штунды. Такъ, на примѣръ, на Ростовскій на-Дону съѣздъ въ маѣ 1906 г. были командированы М. Зайцевъ (Харьковъ), Ф. Макаренко (Ковяги) и С. Андриановъ (Орѣховатка). На Кіевскій съѣздъ въ декабрѣ 1906 г. и Петербургскій въ январѣ 1907 г. изъ Харькова были посланы В. Ивановъ.

Молитвенныя собранія штундистовъ происходятъ въ Харьковѣ вполнѣ свободно и ярко запечатлѣны характеромъ публичной пропаганды. Достаточно указать на помѣщеніе вышеназваннаго Общества (Екатеринославская 34), гдѣ на бесѣдахъ сектантскихъ проповѣдниковъ бываетъ до 300 чел. слушателей, изъ которыхъ всегда половина православныхъ, причемъ возраженія и совопросничество не допускаются. Въ меньшемъ размѣрѣ сектантская пропаганда ведется на собраніяхъ сектантовъ по Цыгаревской ул. № 44-й, на Основѣ—въ домѣ Мальцева, на Журавлевкѣ, на Москалевкѣ и др. мѣстахъ. Въ настоящее время сектанты пріискиваютъ для найма помѣщеніе, могущее вмѣстить до 800 человекъ, въ которомъ и будутъ вести свои собранія и пропаганду. Помѣщеніе требуется ими вблизи конки или трамвая. Пріисканіемъ озабоченъ „пресвитеръ“ М. Хорошиловъ (Рождественская ул. д. № 5. Погорѣловъ). По всему видно, что штундисты обладаютъ порядочными суммами, такъ какъ содержаніе наемныхъ помѣщеній и большого числа платныхъ миссіонеровъ (напримѣръ, миссіонеръ по Валковскому уѣзду крестьянинъ Ѡ. Макаренко получаетъ 300 руб. въ годъ только жалованья) требуетъ немалыхъ затратъ. Въ августѣ м. 1907 года въ Харьковской общинѣ штундистовъ обнаружился сильный расколъ. Часть штундистовъ, во главѣ съ составомъ „Комитета“ названнаго Общества, протестовала противъ усиленія обрядности въ „упованіи“, и особенно противъ производимыхъ главными руководителями штунды—Д. Мазаевымъ и др. „грабительскихъ поборовъ“. На сторону протестантовъ перешло до 300 ч. и всѣ они объявили себя „духовными евангеликами“, повернувъ въ своихъ взглядахъ къ пашковщинѣ. Собранія этой части штундистовъ происходятъ, главнымъ образомъ, на Екатеринославской ул. № 34, подъ руководствомъ: Хорошилова, Алексѣева, Урменка, Иванова, Кириллова, Мироненка и др., при „пресвитерствѣ“ Хорошилова. Другая-же, значительно большая часть штундистовъ осталась вѣрной „баптизму“ и во главѣ съ пресвитерами—Зайцевымъ и Диденкомъ, а равно діаконами—Морозовымъ и Лавровымъ собирается преимущественно на Цыгаревской ул. № 44 и на Основѣ въ домѣ Мальцева. Расколъ между штун-

дистами побудилъ ихъ главныхъ вождей назначить въ Харьковѣ осенью 1907 г. съѣздъ „для обсужденія внутреннихъ общинныхъ нуждъ“. Уже было испрошено у Министра Внутр. Дѣлъ и разрѣшеніе на съѣздъ, но почему то съѣздъ состоялся въ Одессѣ, причемъ примиренія доселѣ не обнаружено. Расколъ между Харьковскими штундистами отразился и въ уѣздахъ штундовыхъ общинахъ.

Внѣ гор. Харькова штундисты, какъ я уже указалъ, имѣются во всѣхъ одиннадцати уѣздахъ губерніи. Они гнѣвдятся болѣе чѣмъ въ ста приходахъ, числомъ превышая 3000 чел. об. пола. Въ своей религіозной жизни эти штундисты находятся въ зависимости отъ штундовой общины гор. Харькова. Отсюда они получаютъ утвержденіе для своихъ „пресвитеровъ“ и „проповѣдниковъ“, а также и прочихъ должностныхъ лицъ. Отсюда они снабжаются всѣми руководственными указаніями по дѣламъ своихъ, общинъ и пропаганды, открытія школъ, молитвенныхъ домовъ, организаціи хоровъ и т. п... Отсюда къ нимъ наѣзжаютъ для ревизіи и пропаганды пресвитеры и миссіонеры—проповѣдники. Отсюда идетъ къ нимъ обильная сектантская литература и т. д... По вѣроученію своему эти штундисты въ подавляющей массѣ принадлежатъ къ обрядовой штундѣ, или, какъ они себя именуютъ, къ „евангельскимъ христіанамъ-баптистамъ“. Кое-гдѣ въ епархіи имѣются адвентисты-субботники, именно: въ Козѣвкѣ и Качаловкѣ, Богодуховскаго уѣзда, въ г. Валкахъ—въ Успенскомъ приходѣ и въ хут. Бугазвкѣ, Спѣжковскаго прихода, Балковскаго уѣзда, а также и въ хут. Орѣховаткѣ, Изюмскаго уѣзда. Въ Волчанскомъ же уѣздѣ вся штунда пропитана толстовскими воззрѣніями на личность Иисуса Христа и социалистическими чаяніями. Впрочемъ, почти повсюду штундисты высказываются въ духѣ „освободительныхъ“ идей нашего времени.

Послѣ 17 апрѣля 1905 г. и особенно послѣ революціонныхъ дней и правилъ 17-го апрѣля 1906 г. пропаганда штундизма въ епархіи приняла небывалые размѣры и до сильнаго соблазна стала публичной. Уже указанныя нами штундовыя учрежденія ясно свидѣтельствуютъ о большомъ напряженіи штундовой пропаганды, которая вѣдется сплоченно, органи-

зованно и разносторонне. Донесенія приходскихъ священниковъ и благочинническихъ миссіонерскихъ съѣздовъ, а равно и спеціальныхъ дѣятелей миссіи единодушно свидѣтельствуютъ, что:

1) въ Харьковскомъ уѣздѣ штунда сильно воспрянула въ с. Пересѣчномъ, а за послѣдніе дни и въ сл. Ольшаной, куда наѣзжаютъ теперь сектантскіе миссіонеры изъ Харькова для пропаганды;

2) въ Богодуховскомъ уѣздѣ повсюду „штунда подняла голову;“ имѣетъ своихъ спеціальныхъ миссіонеровъ—проповѣдниковъ, которые являются сами въ приходы и требуютъ бесѣдъ“ (проток. благоч. миссіон. съѣзд. въ Богодуховѣ). Такъ, въ Лѣсковскій приходъ и особенно въ хуторъ Мерло (Малыжинскаго прихода) не разъ пріѣзжали сектантскіе миссіонеры, собирали штундистовъ и православныхъ и устраивали бесѣды, обѣщали постройть въ хуторѣ молитвенный домъ и школу. Броженіе штундизма въ уѣздѣ усиливаются и воротившіеся изъ ссылки сектанты, какъ, напримѣръ, крестьянинъ пригороднаго хутора Залугъ Особа, состоящій районнымъ миссіонеромъ въ сѣверной части Богодуховскаго уѣзда;

3) въ Валковскомъ уѣздѣ также штунда повсюду подняла голову; кругомъ идутъ публичныя собранія, организуются хоры, вырабатывается богослужебный культъ, заводятся спеціальныя мѣстные миссіонеры и наѣзжаютъ пропагандисты изъ Харькова“ (данныя благоч. миссіон. съѣзда въ Валкахъ). Въ слоб. Ковягахъ штундисты имѣютъ „пресвитера“—Григорія Макаренка, особаго разъѣздного районнаго миссіонера-проповѣдника—Θоку Макаренка, который, по постановленію съѣзда въ Ростовѣ на-Дону въ маѣ 1906 г., получаетъ жалованья 300 р. Прежде Θ. Макаренко былъ пресвитеромъ, но за второбрачіе былъ лишенъ пресвитерства. Ковяговскіе штундисты имѣютъ также особый молитвенный домъ, хоръ, регента, школу и учителя. Они устраиваютъ „библейскіе вечера“ и „воскресныя миссіонерскіе курсы“. Насколько печально положеніе православія въ Ковягахъ видно, напримѣръ, изъ отмѣтки священника о. Сергія Александрова въ „дневникѣ“ помощника миссіонера отъ 8 августа 1906 г.: „подъ вліяніемъ пропаганды хлыстовъ и штундистовъ въ сл. Ковягахъ среди православнаго населенія

въ приходѣ развитъ крайній индифферентизмъ къ церкви. Какъ на фактъ, характеризующій отношеніе православныхъ къ богослуженію, должно указать, что на праздникъ Преображенія Господня въ храмѣ было не болѣе 70-ти душъ! Глушленія, насмѣшки и издѣвательства надъ причомъ сдѣлались самымъ обычнымъ явленіемъ въ приходѣ. И это далеко не единичное явленіе въ жизни зараженныхъ сектантами приходоѡ. Конечно, пресловутая свобода совѣсти сыграла въ данномъ случаѣ главную роль. За послѣднее время штунда въ Валковскомъ уѣздѣ особенно сильно проявилась въ сл. Черемушной, Перекопѣ и Одринкѣ. Новый Мерчикъ, благодаря поѣздкамъ сюда сектантскихъ миссіонероѡ, превратился въ оочень тревожный миссіонерскій пунктъ. Въ другихъ приходоѡ, гдѣ штунда давно осѣла, какъ Высокополье и др., ведется также усиленная пропаганда. Даже въ Коломакѣ, прежде тихомъ пунктѣ, стали часто появляться штундовые миссіонеры, особенно въ Николаевскомъ приходѣ; они устраиваютъ публичныя бесѣды, зазываютъ православныхъ на бесѣды и на воскресныя миссіонерскіе курсы;

4) въ Волчанскомъ уѣздѣ также часто появляются штундовые миссіонеры съ хорами, устраиваютъ публичныя собранія — бесѣды, привлекаютъ на нихъ православныхъ и даже пастырей, внушаютъ народу пренебрежительное отношеніе къ священникамъ и Церкви. Ярво запечатленная идеями толстовства и соціализма, Волчанская штунда особенно сильно развивается въ Большой-Бабкѣ съ хут. Гремячимъ, Хотомлѣ, Печенѣгахъ и Пятницкомъ. Огромное вліяніе на этихъ штундистовъ „оказываетъ извѣстный толстовецъ Бодянскій, издававшій въ 1907 г. „Свободное Слово“, вскорѣ прикрытое гражданскою властью за противоправительственный характеръ. Благодаря Бодянскому, нигдѣ въ епархіи штунда ни настроена такъ на „освободительный“ тонъ, какъ въ Волчанскомъ уѣздѣ;

б) въ Купянскомъ уѣздѣ штундовые миссіонеры, являясь въ села, сами приглашаютъ пастырей къ себѣ на бесѣды, какъ напримѣръ въ сл. Ново-Осиновой. Появляются въ уѣздѣ пропагандисты штунды и съ Кавказа, — напримѣръ Примаченко въ сл. Пристѣнѣ;

6) въ Изюмскомъ уѣздѣ за послѣдніе два года штунда вновь появилась въ приходахъ сель: Семеновки, Голой-Долины, Долгенькаго, Ново-Павловки, Барвенково, Надеждовки и Пашкова. Въ Семеновскомъ приходѣ насадили штунду переселенцы изъ Екатеринославской губ. и мѣстные нѣмцы—колонисты. Сюда же наѣзжаетъ изъ Харькова штундовый миссіонеръ Костюченко. Въ Голую-Долину занесено сектантство—также изъ, Екатеринославской губ. Въ Доменькое принесли штунду голодолинцы. Въ Ново-Павловку, Пашково и Барвенково занесена штунда изъ с. Привольнаго, а въ Барвенково и изъ Дружковка, Екатеринославской губ. Въ Надеждовскій приходъ штунда проникла изъ дер. Беззаботовки. Особенно сильно распространяется штунда въ селѣ Привольномъ; значительно возросла пропаганда и въ хут. Орѣховаткѣ;

7) въ Зміевскомъ уѣздѣ особеннаго вниманія заслуживаютъ приходы сель Дудковки и Тарановки, въ районѣ которыхъ въ 1905 г. поселились штундисты и толстовцы въ числѣ 31 чел. обоюго пола, ранѣе проживавшіе въ г. Харьковѣ;

8) въ Сумскомъ уѣздѣ штунда за послѣднее время появилась въ Вирахъ, Ободахъ, В. Бобрикѣ и г. Сумахъ. Въ Сумахъ штундисты имѣются на водопроводѣ, въ цехѣ и при станціи желѣзной дороги, въ качествѣ садовниковъ. Изъ Сумъ пропаганда штунды занесена въ Виры;

9) въ Старобѣльскомъ уѣздѣ въ м. іюль 1906 г. появились три штундиста съ сл. Петропавловкѣ. Всѣ они оказались уволенными въ запасъ арміи. Въ настоящее время эти сектанты отбыли на срокъ на отхожіе промыслы, не оставивъ пока слѣда своей пропаганды въ слободѣ. Въ томъ же году появилась одна семья штундовъ въ с. Закотномъ;

10) въ Ахтырскомъ уѣздѣ въ с. Самогоевкѣ числится съ 1907 г. сектантъ-штундистъ. Наколаѣ, пріѣзжающій съ пропагандою въ Виры. Онъ почти не живетъ въ своемъ селѣ, а большею частью въ Сумахъ и въ другихъ мѣстахъ;

11) въ Лебединскомъ уѣздѣ въ 1905 г. появился съ Кавказа въ хут. Бардаковъ, прихода сл. Олешной, мѣстный крестьянинъ Крамаренко, совратившійся на Кавказъ въ штунду. Въ настоящее время онъ выѣхалъ на сторону, не успѣвъ, видимо, въ своей пропагандѣ на родинѣ.

Изъ даннаго нами въ достаточной подробности очерка состоянія штунды въ Харьковской епархіи видно, что въ лицѣ штундизма Православная Харьковская Церковь имѣетъ очень серьезнаго врага, который прекрасно сьорганизовался въ стройныя общины, сплотился, выдвинулъ на дѣло пропаганды большое количество спеціальныхъ миссіонеровъ, завелъ стройныя хоры пѣвчихъ, школы, молитвенные дома, миссіонерскіе курсы, библейскіе вечера, обильную сектантскую литературу и т. под... Вся дѣятельность штундистовъ направлена къ одной цѣли, объединяющей и вдохновляющей ихъ,—это къ расхищенію стада Православной Церкви ¹⁾. Пользуясь вѣроисповѣдною свободою и общою сумятицею, а также сравнительною безоружностію Православной Церкви и разстройствомъ во многихъ приходахъ церковной жизни, штундисты съ успѣхомъ расхищаютъ православное стадо.

И. Айвазовъ.

(Окончаніе будетъ).

Посѣщеніе Его Высокопреосвященствомъ, Высокопреосвященнымъ Арсеніемъ, Архіепископомъ Харьковскимъ и Ахтырскимъ, Харьковской Духовной Семинаріи.

18-го января с. г. Его Высокопреосвященство, Высокопреосвященный Арсеній, Архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій, дозволилъ посѣтить Харьковскую Духовную Семинарію. Прибывъ въ Семинарію въ девять час. утра, Архипастырѣ былъ встрѣченъ о. ректоромъ семинаріи, прот. А. М. Юшковымъ, инспекторомъ семинаріи Л. М. Вагрецовымъ и другими, служащими при семинаріи, лицами. Преподавъ всѣмъ благословеніе, Архипастырѣ прослѣдовалъ въ семинарскій храмъ, а затѣмъ въ VI классъ, гдѣ былъ урокъ по Догматическому Богословію.

¹⁾ По вопросу о правѣ сектантовъ на публичную пропаганду смотрѣть нашу замѣтку: „Необходимое разъясненіе“—„В. и Раз.“ № 7, 1907 г. въ „Извѣст. по Харьк. еп.“.

При входѣ Архіепископа воспитанника пропѣли тропарь: „Апостоле Христу Богу возлюбленне“, а затѣмъ „исъ полла эти деснота“. Владыка занялъ приготовленное ему кресло и началъ спрашивать воспитанниковъ. Спросивъ заданный урокъ (о таинствѣ елеосвященія), Высокопреосвященный болѣе двадцати минутъ бесѣдовалъ съ воспитанниками о необходимости для пастыря церквей быть во всеоружіи знаній по догматическимъ богословскимъ предметамъ. Изъ VI кл. Высокопреосвященный направился затѣмъ въ V классъ, гдѣ былъ урокъ по Церковной исторіи. Здѣсь Архипастыръ спрашивалъ воспитанниковъ о средневѣковыхъ мистикахъ. По выходѣ изъ 5 кл. Владыка осматривалъ актовъ залъ, дуртуары воспитанниковъ, читальню и ученическую библіотеку. Затѣмъ Его Высокопреосвященство посѣтилъ 1 норм. кл., гдѣ былъ урокъ по Алгебрѣ,—3 норм. кл. во время урока Священ. Писанія,—3 пар. кл. во время урока по Логикѣ,—4 кл. во время урока по Латинскому языку,—2 норм. кл. гдѣ былъ урокъ Свящ. Пис. и 2 пар. кл., во время урока по Церковному пѣнію. Въ этомъ послѣднемъ классѣ Архипастыръ изволилъ слушать пѣніе догматиковъ, затѣмъ преподавалъ нѣсколько указаній г. преподавателю о желательности изученія воспитанниками нѣкоторыхъ церковныхъ пѣснопѣвій (напр. „Выспую небесъ“ и др.).

Окончивъ посѣщеніе классовъ и другихъ помѣщеній семинаріи, Высокопреосвященный прослѣдовалъ въ такъ называемую учительскую комнату, гдѣ находились члены семинарской корпораціи. Здѣсь Архипастыръ въ теченіе 30 минутъ велъ бесѣду по разнымъ вопросамъ учебно-воспитательнаго и хозяйственнаго строя семинаріи. Архипастыръ сдѣлалъ также нѣсколько указаній о производствѣ экзаменовъ лицамъ, желающимъ получить санъ священника.

Посѣтивъ затѣмъ о. ректора семинаріи и откушавъ хлѣба-соли, Владыка во 2-мъ часу дня, напутствуемый пѣніемъ „исъ полла эти деснота“ и колокольнымъ звономъ, отбылъ изъ семинаріи.

Посѣщеніе Его Высокопреосвященствомъ, Высокопреосвященнѣйшимъ Арсеніемъ, Архіепископомъ Харьковскимъ и Ахтырскимъ, Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища.

19-го сего января мѣсяца, въ субботу, Харьковское Епархіальное Женское Училище изволило посѣтить Его Высокопреосвященство, Высокопреосвященнѣйшій Арсеній, Архіепископъ Харь-

ковскій и Ахтырскій. Прибывъ въ училище въ 10 ч. утра, когда кончился 1-й урокъ, Его Высокопреосвященство, встрѣченный о. предсѣдателемъ Совѣта, г жей начальницей училища и о. инспекторомъ классовъ, отправился въ 5 норм. классъ, гдѣ начался урокъ дидактики. Владыка интересовался преподаваніемъ дидактики, спрашивалъ сопровождавшихъ его лицъ о пройденномъ и, между прочимъ, замѣтилъ—почему не преподается теперь педагогика, которая раньше преподавалась въ Епархіальныхъ училищахъ. Оставшись доволенъ отвѣтами, Высокопреосвященный спрашивалъ воспитаницъ по Закону Божию о пройденномъ изъ катихизиса и церковной исторіи и молитвы. Затѣмъ Его Высокопреосвященство прослѣдовалъ въ 3 норм.— гдѣ былъ урокъ арифметики, —приготовительный нормальный кл. гдѣ происходилъ урокъ русска. яз., подготов. парал.—во время урока по церк. пѣнію, 3-й парал. кл. гдѣ былъ урокъ чистописанія. Въ упомянутыхъ классахъ Его Высокопреосвященство спрашивалъ воспитаницъ, кромѣ тѣхъ предметовъ, по которымъ шли уроки, преимущественно по Закону Божию—изъ богослуженія, Священ. Исторіи и молитвы, предлагая воспитаницамъ вопросы, каждой по мѣрѣ ея развитія.

По окончаніи 2-го урока во время большой перемѣны, продолжающейся 40 минутъ, Владыка посѣтилъ столовую воспитаницъ, гдѣ былъ завтракъ. Здѣсь Его Высокопреосвященство подробно спрашивалъ—чѣмъ кормятъ воспитаницъ, изъ чего у нихъ состоитъ завтракъ, какое росписаніе кушаній бываетъ у нихъ на обѣдъ, достаточно ли онѣ кушаютъ, причемъ изволилъ отвѣдать чернѣй и бѣлѣй хлѣбъ и сыръ, поданный на завтракъ. Изъ столовой Владыка прослѣдовалъ въ квартиру начальницы, гдѣ ему предложенъ былъ чай. Затѣмъ Его Высокопреосвященство обошелъ классы—1 норм.—гдѣ былъ урокъ церк. пѣнія, 4 норм.—урокъ Закона Божию, 1 парал.—урокъ руководствія, 6 пар.—урокъ гражданской исторіи, 2 норм.—урокъ русской исторіи, 6 норм.—урокъ русской литературы и 2 пар.—урокъ русскаго языка. Въ каждомъ классѣ Владыка живо интересовался не только изучаемыми предметами, спрашивая учащихся о ходѣ преподаванія, о пройденномъ въ теченіе года о трудности и удобопонятности предмета, объ учебникахъ и спрашивалъ воспитаницъ по означеннымъ предметамъ, а также предлагалъ вопросы—изъ катихизиса, Церковной и Священной Исторіи и молитвы. Въ заключеніе Высокопреосвященный Арсеній посѣтилъ уроки природовѣдствія въ 4 пар. и 5 пар. классахъ, интересовался этимъ предметомъ, какъ

вновь введеннымъ въ училищѣ только съ ноября мѣсяца настоящаго учебнаго года. Посѣтивъ во время 2, 3 и 4 и начала 5-го уроковъ всѣ 14 классовъ училища, преподавшъ благословеніе воспитанникамъ и всѣмъ служащимъ и напутствуемый пѣніемъ: „исъ-полла-эти, деспота“, Его Высокопреосвященство около 2-хъ часовъ отбылъ изъ училища.

Инспекторъ классовъ, свящ. Іоаннъ Котовъ.

Н Е К Р О Л О Г Ъ

діакона Петропавловской церкви слоб. Петропавловки, Купянскаго уѣзда, Николая Даниловича Любарскаго.

(1828—1908 г.г.).

1-го января сего 1908 года въ два часа дня скончался заштатный діаконъ Петропавловской церкви слоб. Петропавловки, Купянскаго уѣзда, *Николай Даниловичъ Любарскій* на 80-мъ году своей жизни. Покойный о. діаконъ Николай Даниловичъ родился 9 мая 1828 года въ слободѣ Петропавловкѣ, гдѣ отецъ его былъ тогда дьячкомъ; девяти лѣтъ онъ лишился отца и остался сиротою; десяти лѣтъ отданъ былъ въ Купянское духовное училище. Отъ природы Н. Д. одаренъ былъ хорошими способностями, въ училищѣ занимался съ успѣхомъ, пользовался особеннымъ вниманіемъ бывшаго смотрителя училища протоіерея Петра Протопопова, который принялъ его даже къ себѣ на квартиру; но по настоянію своей матери—бѣдной вдовы, обремененной семьей и не имѣвшей средствъ къ существованію, былъ уволенъ изъ высшаго отдѣленія училища, и въ 1843 году, т. е. 15-ти лѣтъ отъ роду, опредѣленъ былъ преосвященнымъ Иннокентіемъ пономаремъ къ Троицкой церкви слободы Комышевахъ, Изюмскаго уѣзда. Въ 1849 году, во время поѣздки по епархіи, преосвященный Филаретъ, посѣтивъ г. Изюмъ, обратилъ здѣсь вниманіе на молодого пономаря Николая Любарскаго, вызваннаго благочиннымъ въ уѣздный городъ къ пріѣзду архіерея, какъ прекраснаго чтеца и пѣвца. Преосвященный взялъ его съ собою въ архіерейскую свиту, посвятилъ въ стихарь и хотѣлъ оставить его вподіакономъ при соборѣ; но въ это время старшій его братъ Павелъ, занимавшій послѣ смерти отца мѣсто дьячка въ Петропавловкѣ, умеръ, старуха-мать и оставшіеся сироты нуждались въ помощи и просили преосвященнаго назначить въ Петропавловку дьячкомъ Николая Любарскаго, чтобы онъ могъ поддержать вдову-мать и остав-

швхся сиротъ. 29 іюля 1850 года онъ и былъ назначенъ въ родную свою слободу Петропавловку, гдѣ и прослужилъ болѣе 50-лѣтъ. Въ 1862 году 22 октября Н. Д. Посвященъ былъ преосвященнымъ Макаріемъ въ санъ діакона. Въ 1894 году за отличную усердную пятидесятилѣтнюю службу Высочайше награжденъ былъ орденомъ св. Анны 3 ст. Въ 1897 году, когда всѣ дѣти были пристроены, вышелъ въ за штатъ и до конца своей жизни остался лишь въ родной Петропавловкѣ у своего зятя діакона Власовскаго, который занялъ его мѣсто.

„Цокобный о. діаконъ Н. Д.—чъ былъ неутомимый, честный труженникъ при исполненіи своихъ обязанностей; онъ не только во время своей свыше 50-ти лѣтней службы никогда не опускалъ богослуженій, не пользовался отпускомъ, но даже, находясь почти десять лѣтъ въ за штатѣ и выѣвъ преклонный возрастъ, почти каждый воскресный и праздничный день принималъ участіе въ богослуженіяхъ, съ большою охотою ѣздилъ съ приходскими священниками на требы въ приходъ вмѣсто своего зятя, занятаго уроками въ церковной школѣ. Прихожане любили своего „старого діакона“ за его простоту, ласковость, за его привѣтливый характеръ, а главнымъ образомъ за его прекрасное—громкое, отчетливое чтеніе пѣніе въ церкви. Почившій о. діаконъ, прослуживъ въ Петропавловкѣ болѣе 50 лѣтъ, зналъ всѣхъ своихъ прихожанъ и по имени и по отчеству; и при всякомъ удобномъ случаѣ онъ охотно вступалъ съ ними въ разговоръ, расширявалъ о семействѣ, о семейныхъ дѣлахъ; в крестьяне—прихожане высоко цѣнили такое къ нимъ вниманіе, любили своего „старого діакона“ и постоянно обращались къ нему за совѣтомъ въ затруднительныхъ случаяхъ. Насколько прихожане любили и уважали своего „старого“ діакона можно видѣть изъ слѣдующаго факта. Лѣтомъ 1906 года, вслѣдствіи агитаціи нѣкоторыхъ темныхъ личностей, въ слоб. Петропавловкѣ, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ селахъ Куинскаго уѣзда, было волненіе крестьянъ, выразившееся, между прочимъ, въ томъ, что повлѣ волостного правленія собралась масса крестьянъ—особенно молодежи, составили приговоръ объ отобраніи у духовенства церковной земли, составили таксу за церковныя требы (самую минимальную плату—копѣйками), потребовали на сходку священниковъ в подѣ угрозой чуть ли не смерти заставили ихъ подписаться подѣ этою таксою, панесли священникамъ оскорбленія и навела на духовенство такой страхъ, что два дня никто не рѣшался даже выходить изъ-дому... Только „старый діаконъ“

Н. Д.—чѣ не боялся возбужденной толпы: онъ почти цѣлый день находился среди ея, уговаривалъ и усовѣщевалъ ее, разъяснялъ имъ незаконность и преступность ихъ дѣйствій; и не только „старика“, но и молодежь выслушивали любимаго своего діакона со вниманіемъ. И безъ преувеличенія можно сказать, что благодаря почвшему о. діакону, волненіе народной массы въ сл. Петропавловкѣ противъ духовенства и сельскихъ властей не приняло тѣхъ размѣровъ, какое оно могло принять, если бы покойный о. діаконъ не повліялъ отрезвляющимъ образомъ на возбужденную массу. И послѣ всѣ благодарилъ за это о. діакона. Но почившій пользовался уваженіемъ не только среди своихъ прихожанъ, но и среди духовенства всего Купянскаго уѣзда: его часто приглашали въ сосѣднія села на храмовые праздники для соборныхъ служеній; всѣ священники включительно до о. благочиннаго относились къ нему съ особеннымъ вниманіемъ и уваженіемъ—принимали его въ своихъ домахъ какъ желаннаго и почетнаго гостя. Но не смотря на такое вниманіе къ себѣ священниковъ, о. діаконъ Н. Д.—чѣ никогда не забывалъ, что онъ *только діаконъ*; у всѣхъ священниковъ не только во время богослуженія, но и при обыкновенной встрѣчѣ въ домѣ всегда бралъ благословенія и дѣловалъ руку священникамъ не только почтеннымъ, но и молодымъ, которыхъ онъ зналъ еще дѣтвмъ..., и никогда не подавалъ руки священнику для пожатія, считая это не только не приличнымъ, но даже преступнымъ... Если приходилъ къ своему приходскому священнику въ домъ, то дальше передней никогда не проходилъ и безъ приглашенія никогда не садился. Къ низшимъ членамъ причта—діаконамъ и псаломщикамъ относился по-братски: былъ ласковъ, внимателенъ и простъ; никогда не отказывалъ дать совѣтъ молодому неопытному собрату. Гордость считалъ великимъ грѣхомъ—матерією всѣхъ грѣховъ.

По отношенію къ себѣ покойный былъ очень строгъ и требователенъ. Къ богослуженію являлся раньше всѣхъ, часто даже будилъ передъ заутренней церковныхъ сторожей; заранѣе приготовлялъ все въ алтарѣ къ богослуженію, особенно предъ большими праздниками; къ богослуженію относился съ усердіемъ и страхомъ Божиимъ. Къ божественной литургіи готовился всегда съ особеннымъ благоговѣніемъ: съ вечера вычитывалъ положенное правило, ложился рано спать; утромъ вставалъ рано, надѣвалъ чистое бѣлье, припомадывалъ и съ особеннымъ тщаніемъ расчесывалъ на головѣ волосы, одѣвался въ лучшій подрясникъ и рясу,

вычитывалъ съ благоговѣніемъ молитвы съ восковою свѣчею въ рукахъ и часто стоя на колѣняхъ. Уходилъ къ утрени не менѣе какъ за часъ до ея начала. По окончаніи утрени домой не возвращался, а обыкновенно заходилъ въ церковную сторожку, гдѣ собирались въ ожиданіи литургіи почтенные прихожане, и здѣсь велъ съ ними душеспасительныя бесѣды: объяснялъ или воскресное евангеліе, или событіе праведника, или читалъ изъ Четьи-Миней житіе святого. Иногда здѣсь-же въ церковной сторожкѣ, а лѣтомъ—и въ церковной оградѣ велъсь бесѣды съ прихожанами и на современные темы. И прихожане любили бесѣды своего о. діакона в съ жадностію слушалъ ихъ.

Къ священническому сану покойный о діаконъ относился съ рѣдкимъ уваженіемъ. Когда многіе изъ его молодыхъ сослуживцевъ—діаконовъ и псаломщиковъ достигли священническаго сана и знакомые, а также в родные совѣтовали и о. діакону Н. Д.—чужестранцу искать этого сана, обѣщая даже протекцію предъ преосвященнымъ, то онъ даже обидѣлся за такой совѣтъ, считая себя—по своему образованію недостойнымъ такого высокаго сана. Въ 1897 г., когда покойный былъ у преосвященнаго Амвросія и просилъ его уволить въ за штатъ и на его мѣсто назначить зятя, архіепископъ просьбу исполнилъ, но о. діакону предложивъ просить себѣ священническаго мѣста; Н. Д.—чужестранецъ земно поклонился архіепископу, поблагодарилъ за такое милостивое вниманіе и отъ предложенія отказался, говоря, что онъ малоученый и не считаетъ себя достойнымъ для прохожденія многотруднаго и отвѣтственнаго сана священника въ приходѣ; тогда архіепископъ предложилъ ему возвести его въ санъ священника для исполненія обязанностей при тюремной церкви въ г. Кузнецкѣ съ правомъ жить въ Петропавловкѣ в только пріѣзжать въ воскресенье и праздничные дни для богослуженій въ тюремной церкви; о. діаконъ долго колебался, наконецъ согласился; но на другой день явился къ архіепископу и заявилъ, что не рѣшается принять санъ священника. Такъ и остался о. Н. Д. въ санѣ діакона, не смотря на то, что и дѣтя его желали видѣть хотя на склонѣ лѣтъ священникомъ; въ санѣ діакона онъ и умеръ съ мыслию, что не всякій діаконъ можетъ быть, а главное—достоинъ быть священникомъ. И какъ рѣзко почившій о. діаконъ отличался въ этомъ случаѣ отъ современныхъ о.о. діаконовъ, которые, прослуживъ 2—8 года діакономъ, всячески стремятся получить санъ священника!..

Дѣтей своихъ почившій о. діаконъ воспитывалъ въ строгихъ

правилахъ; съ равнаго лѣтства приучалъ ихъ во всѣ воскресные и праздничные дни неопустительно посѣщать храмъ; сыновей приучалъ на впросѣ къ чтенію и пѣнію, а также постоянно бралъ съ собою въ приходъ на требы. Всѣхъ тронхъ сыновей самъ подготовлялъ въ Купянское духовное училище; во время обученія въ училищѣ самъ строго слѣдилъ за ихъ поведеніемъ (общевитія въ Купянскомъ училищѣ тогда не было и ученики стояли по частнымъ квартирамъ) и занятіями и для этого еженедѣльно приѣзжалъ провѣдывать ихъ. На рождественскіе и пасхальныя праздники и на лѣтніе канвулы самъ привозилъ и ствозилъ своихъ сыновей и въ училище и въ семинарію; возилъ ихъ самъ безъ кучера на одной лошади, запряженной въ простые дроги, наложенныя на дорогу сѣномъ... Въ дорогѣ сыновья — и бурсачевъ и семинариствъ и академистъ — помогали отцу выпрягать лошади, поить ее, подмазывать дроги и пр. Не смотря на то, что самъ почившій не окончилъ духовнаго училища, онъ своихъ тронхъ сыновей воспиталъ такъ, какъ рѣдко удается и отцамъ-священникамъ... Старшій сынъ его Николай окончилъ курсъ въ духовной академіи и въ настоящее время состоитъ протоіеремъ въ одной изъ Харьковскихъ церквей и членомъ духовной консисторіи; второй — Василій окончилъ курсъ учительской семинаріи и въ настоящее время занимаетъ мѣсто преподавателя въ Старобѣльской гимназіи, а третій — Іаковъ окончилъ курсъ духовной семинаріи и состоитъ священникомъ въ Купянскомъ уѣздѣ. Три дочери выданы за-мужь: двѣ за діаконами, а одна за псаломщикомъ. Изъ многочисленныхъ внуковъ — два священника, одинъ надзирателемъ духовнаго училища, одинъ — студентъ; два правнука воспитываются въ духовномъ училищѣ. И почившій о. діаконъ считалъ себя счастливымъ отцомъ и радовался, что всѣхъ дѣтей воспиталъ и устроилъ. Особенно радостнымъ днемъ въ его жизни было 29-е іюня, т. е. храмовой праздникъ въ Петропавловкѣ; къ этому дню обыкновенно съѣзжались къ нему всѣ дѣти съ семействами и проживали у него по нѣскольку дней. И какъ былъ покойный счастливъ въ эти дни — плакалъ отъ радости! И не было для него большаго удовольствія и радости когда дѣти со внучками собирались вечеромъ въ саду пить чай и здѣсь начинали пѣть любимыя его пѣсни. Пѣлъ и онъ. И сколько въ эти вечера онъ передавалъ окружающимъ его дѣтямъ и внукамъ интереснаго и поучительнаго о прошломъ изъ своей долголѣтней жизни. Со слезами прощался онъ, когда начинали развѣзжаться его го-

сти—дѣти. Посѣщалъ и онъ своихъ дѣтей довольно часто, но долго не могъ жить у нихъ, скоро начиналъ скучать по своей Петропавловкѣ и по своей «старухѣ» —женѣ и возвращался домой. Особенно тяготился онъ жить въ городѣ Харьковѣ, гдѣ нельзя было посидѣть возлѣ воротъ на скамеечкѣ—„на улицѣ“ и побесѣдовать съ пріятелями мужичками... Городской жизни не любилъ, и спѣшилъ домой. Дома жилъ съ своей „старухой“, т. е. съ женой очень просто; сами дѣлали все; мужской прислуги постоянной не имѣли, а женскую стали нанимать, когда „старуха“ стала болѣть и не въ состояніи была одна справиться съ домашнимъ хозяйствомъ; а хозяйство было полное: всего было въ-доволь. Покойный былъ, что называется мастеръ на всѣ руки: онъ самъ шилъ себѣ подряслики и рясы, былъ хоршій плотникъ, столяръ; въ молодости—былъ хоршій косарь, самъ возилъ съ поля сѣно, самъ молотилъ хлѣбъ и пр. Любимымъ занятіемъ въ старости было пчеловодство: пасѣва была въ саду и онъ цѣлые дни проводилъ тамъ.

Покойный отличался крѣпкимъ здоровьемъ и только въ послѣдніе годы сталъ болѣть: два раза было воспаление легкихъ, отъ ушиба вѣткою въ саду появился на одномъ глазу каторрактъ; но особенно по временамъ беспокоили его сильное выхожденіе грыжи... Въ декабрѣ истекшаго года онъ сталъ чувствовать особенную слабость во всемъ организмѣ и часто говорилъ, что не переживетъ этого тяжелаго года. 25 декабрѣ онъ участвовалъ въ богослуженіи въ приходскомъ храмѣ и радовался, что дожилъ до такого великаго праздника; вечеромъ былъ въ гостяхъ у сосѣда—о. діакона Л—скаго, но на другой день почувствовалъ сильныя боли въ желудкѣ и вынужденъ былъ лежать въ постели. 30-го декабря, по его желанію, совершенно было надъ нимъ таинство елеосвященіе, 31-го—исповѣдывался и причастился св. таянъ, а 1 января въ два часа дня тихо скончался. Почти до самой смерти не терялъ сознанія; въ день смерти, когда старуха, прислуживавшая въ домѣ, возвратилась изъ церкви, онъ, хотя и слабымъ голосомъ, расширявалъ ее что служилъ, много ли народу было въ церкви.

Потребеніе совершенно было 4 января соборне приходскими священниками, внукомъ и зятемъ покойнаго. Ко времени погребенія съѣхались всѣ сыновья и дочери нѣкоторые изъ внуковъ и родственниковъ. Похоронили, съ разрѣшенія, даннаго еще архіепископомъ Амвросіемъ, въ церковной оградѣ—возлѣ могилы бывшаго настоятеля церкви о. Николая Базилевича, съ которымъ покойный служилъ около 40 лѣтъ вмѣстѣ. Покойный о. діаконъ самъ

заранѣе выбралъ мѣсто для своего погребенія и заблаговременно поставилъ на этомъ мѣстѣ нагробный памятникъ... Не смотря на то, что день погребенія былъ день буденный и былъ сильный морозъ, церковь была наполнена прихожанами, пришедшими отдать послѣдній долгъ своему любимому и уважаемому отцу діакону. При послѣднемъ дѣлованіи многіе плакали и дали здѣсь же въ церкви предъ гробомъ обѣщаніе никогда не забывать его въ своихъ молитвахъ и записать имя его въ свои поминальницы. Послѣ погребенія, согласно волѣ почившаго, для народа былъ приготовленъ поминальный обѣдъ на оставленные покойнымъ средства, а именно роздана была значительная сумма денегъ бѣднымъ въ приходѣ. Согласно оставленному домашнему завѣщанію, старшій сынъ Николай уплатилъ мѣстному причту за служеніе сорокоуста — отдалъ 9% билетъ на вѣчное поминаніе, распредѣлялъ оставленную сумму гробокопателямъ, церковнымъ сторожамъ, кухаркамъ и вообще всѣмъ, кто принималъ какое либо участіе въ его погребеніи.

Почтенная вдова почившаго — старуха Вѣра Яковлевна по своей болѣзни не могла даже быть въ церкви на погребеніи; все время плакала и просила Бога, чтобы Онъ в ея поскорѣе взялъ изъ этого міра...

Итакъ, почившій о. діаконъ Н. Д — чъ съ рѣдкимъ усердіемъ и любовію прослужилъ въ санѣ діакона болѣе 50-ти лѣтъ; жилъ по христіански и окончилъ свою жизнь какъ истинный христіанинъ, а потому дерзаемъ надѣяться, что и онъ вмѣстѣ съ ап. Павломъ можетъ связать: *подвигомъ добрымъ я подвизался, терпѣніемъ совершилъ, вѣру сохранилъ, а теперь готовится мнѣ вѣнецъ правды, который дастъ мнѣ Господь, праведный Судья, въ день оный...* (2 Тим. 4, 7—8). Θ. М.

Иноепархіальный отдѣлъ.

Предложеніе его преосвященства, преосвященнѣйшаго Стефана, епископа могилевскаго и мстиславскаго, могилевской духовной консисторіи.

Предаваніе Закона Божія въ начальныхъ народныхъ школахъ и общее руководство религіозно-нравственнымъ воспитаніемъ уча-

щихся дѣтей, составляя одну изъ священнѣйшихъ и важнѣйшихъ обязанностей пастырскаго служенія, является въ то же время факторомъ громадной важности и въ церковно-общественной жизни народа. Въмѣсто ожидаемой пользы, великое бѣдствіе для Церкви православной и самого государства русскаго можетъ приготовить народная школа, если вмѣстѣ съ грамотностью волеетъ она въ дѣтскую душу ядъ равнодушія къ предметамъ вѣры, воспитываетъ юныя массы народныя внѣ той живой связи съ Церковью, что искони была коренною особенностію русскаго народнаго быта. Между тѣмъ такого рода опасность нынѣ болѣе чѣмъ вѣроятна, въ виду начавшагося повсемѣстно, въ томъ числѣ и нашемъ краѣ, осуществленія плана всеобщаго обученія, если служители Церкви не обезпечатъ себѣ параллельно съ развитіемъ школьной сѣти столь же общаго и повсемѣстнаго религіозно-нравственнаго воздѣйствія на школы.

До настоящаго времени въ нашей епархіи, кромѣ 400 церковно-приходскихъ школъ, обезпечивающихъ христіанское воспитаніе народа всѣмъ строемъ своей жизни, существовало всего лишь до 300 начальныхъ сельскихъ училищъ Ман. Нар. Пр. При такомъ количествѣ школъ священно-служители епархіи имѣли возможность, за самыя рѣдкія исключенія, безирепетственно вырешить свой великій долгъ обученія дѣтей закону Божию въ школахъ; кромѣ того, что правительственная министерская школа, сосредоточенная почти исключительно въ селахъ и мѣстечкахъ, по самому существу своему не могла далеко уклоняться отъ типа приходской школы. Въ данный моментъ школьное обученіе народа въ нашей губерніи принимаетъ новый оборотъ. Главнѣйшимъ факторомъ народнаго начальнаго образованія выступаетъ земство, число начальныхъ сельскихъ школъ увеличивается съ такою быстротою, при которой скоро духовенство епархіи лишено будетъ физической возможности непосредственнаго обученія закону Божию во всѣхъ школахъ своего прихода. Губернскимъ земскимъ комитетомъ принципиально рѣшено осуществить планъ всеобщаго обученія въ губерніи въ теченіе десяти лѣтъ съ тѣмъ, чтобы за этотъ періодъ времени было открыто не менѣе 2.500 школъ, въ дополненіе къ существующимъ церковно-приходскимъ и народнымъ училищамъ. Въ осуществленіе этого плана съ начала текущаго учебнаго года уже открыто по губерніи 154 новыхъ земскихъ школы и ассигнованъ кредитъ на открытіе таковыхъ же 200 школъ слѣдующаго учебнаго года. Разбросанныя по самымъ отдаленнымъ

и глухимъ пунктамъ, новыя земскія школы, при численой массѣ своей, явятся малодоступными для какого бы то ни было правительственнаго контроля; вся судьба школы зачастую можетъ оказываться при этомъ въ рукахъ недоучекъ-подростковъ-учителей, въ выборѣ которыхъ и само школьное начальство не можетъ быть особенно разборчиво, при громадномъ спросѣ на учительскій трудъ. И рѣчь быть не можетъ о томъ, чтобы предметъ Закона Божія могъ быть переданъ при этомъ такому учительскому персоналу. Наоборотъ, такъ какъ мы становимся здѣсь лицомъ къ лицу съ вопросомъ громадной, не только церковной, но и государственной важности, то духовенству епархіи придется наврядъ всю свою бдительность, чтобы и общая постановка школьнаго дѣла въ приходѣ не была бы въ ущербъ ни интересамъ Церкви ни исконнымъ устоямъ русскаго народнаго быта.

Какъ практически осуществить эту первостепенной важности задачу времени, этотъ вопросъ требуетъ немедленнаго и самаго серьезнаго обсуждения со стороны всего духовенства епархіи и согласнаго энергичнаго дѣйствованія затѣмъ общими силами. Несомнѣнно, первую и наиболѣе дѣйствительною мѣрою къ тому было бы обезпеченіе въ общей сѣти школъ возможно большаго мѣста за церковно-приходскою школою. Духовенство епархіи должно глубоко проникнуться этимъ убѣжденіемъ и приложить всѣ силы своя къ тому, чтобы въ тѣхъ пунктахъ, по крайней мѣрѣ, гдѣ вмѣются уже достаточно развитыя и обезпеченныя школы грамоты, были организованы церковно-приходскія школы. Настоятельно обязываю къ тому, особенно пастырей тѣхъ приходо-въ, въ районахъ которыхъ нѣтъ вовсе церковно-приходскихъ школъ, а новыя школы нужны.

По отношенію къ школамъ другихъ вѣдомствъ отъ духовенства епархіи желательно прежде всего непосредственное обученіе Закону Божію. Отказы приходскихъ священниковъ отъ исполненія обязанностей законоучителя въ школахъ прихода, при отсутствіи на то исключительныхъ, извнвляющихъ обстоятельствъ, должны быть рассматриваемы не иначе, какъ небреженіе или недостаточное пониманіе своего пастырскаго долга. Но и въ тѣхъ случаяхъ, когда личное обученіе Закону Божію въ той или другой школѣ представляется безусловно невозможнымъ, духовенство епархіи не должно оставлять поличенія о правильномъ религіозномъ воспитаніи учащихся дѣтей. Быть-можетъ откроется возможность назначенія особыхъ районныхъ законоучителей, учрежденія діаконскихъ лекцій

сѣй съ нарочитою цѣлью законоучительства въ приходскихъ школахъ, предоставленія особаго права контроля за направлениемъ школьной жизни приходскими совѣтамъ или изысканія другихъ подобныхъ мѣръ, обо всемъ этомъ духовенство епархій нравственно обязано серьезно и основательно подумать нынѣ же, пока еще не поздно. Наконецъ долженъ быть организованъ общепархіальный контроль надъ постановкой Закона Божія въ земскихъ школахъ и народныхъ училищахъ губерніи чрезъ посредство тѣхъ или другихъ органовъ епархіальной власти; объ организаціи этого контроля на возможно дѣйственныхъ и цѣлесообразныхъ началахъ духовенство епархій, въ свою очередь, должно позаботиться.

Предлагаю оо. благочиннымъ не медля собрать благочинническіе сѣзды и на нихъ прямиѣнительно къ изложеннымъ даннымъ обсудить способъ наилучшаго по мѣстнымъ условіямъ разрѣшенія трактуемаго вопроса. 29-го же ноября (къ 7 часамъ вечера) оо. благочинные должны будутъ собраться въ г. Могилевѣ, въ залѣ архіерейскаго дома, для обсужденія предположеній благочинническихъ сѣздовъ и принятія тѣхъ или другихъ общихъ мѣръ къ урегулированію данной, важнѣйшей нынѣ, по условіямъ времени, отрасли пастырскаго служенія; при чемъ къ участию въ благочинническомъ сѣздѣ для большаго успѣха дѣла будутъ приглашены мною какъ члены дирекціи народныхъ училищъ, такъ и представители земскаго управленія, которымъ, я убѣжденъ, одинаково близокъ вопросъ христіанскаго воспитанія въ организуемыхъ ими школахъ, какъ и служителямъ Церкви.

Предлагаю духовной консисторіи объявить настоящее предложеніе оо. благочиннымъ епархія циркулярными указами.

Разныя извѣстія и замѣтки.

Необходимость объединенія церковно-приходскихъ совѣтовъ.

На общемъ пастырскомъ уѣздномъ орловскомъ собраніи однихъ священниковъ, между другими вопросама, указавъ на то, что сельскіе іеревы по преимуществу, затрудняются вести новое и трудное дѣло церковно-приходскихъ совѣтовъ, не имѣя на то надлежащей опытности и не встрѣчая нигдѣ поддержки и нравственнаго ободренія, сдѣлалъ предложеніе объединяться всѣмъ совѣтамъ вокругъ одного какого либо центра и въ качествѣ такового указалъ на

орловское Петропавловское братство, богатое знаніемъ и опытностью въ дѣлѣ развитія духовнаго просвѣщенія и имѣющее возможность оказывать даже матеріальную помощь недостаточнымъ совѣтамъ.

Несмотря на высказанныя противорѣчивые взгляды на сдѣланное предложеніе, въ результатѣ всего собраніемъ было сдѣлано такое постановленіе: для развитія и оживленія дѣятельности церковно-приходскихъ совѣтовъ желательно объединеніе ихъ вокругъ Петропавловскаго братства съ цѣлью использовать его опытность въ дѣлѣ распространенія религіозно-нравственнаго просвѣщенія и почерпнуть въ немъ нравственную поддержку. Способы объединенія поручить выработать исполнительному комитету вмѣстѣ съ совѣтомъ братства и о послѣдующемъ доложить на слѣдующемъ общемъ собраніи.

На журналѣ этого собранія, въ которомъ рассмотрѣно было и нѣсколько другихъ вопросовъ, преосвященный Серафимъ, между прочимъ, въ резолюціи своей пишетъ (высказавъ сожалѣніе, что пастыри не приступаютъ ни въ какой дѣятельности въ своихъ приходяхъ, кромѣ благотворительной): „На уѣздныхъ собраніяхъ нужно добиваться не разнообразныхъ темъ для бесѣдъ, а положительныхъ рѣшеній хоть по одному вопросу, чтобы составить постановленіе и затѣмъ проводить его въ жизнь всѣми и всюду. На слѣдующемъ собраніи надо выслушать сообщеніе, какъ удалось пастырямъ провести въ жизнь положенную мѣру и снова обсудить, не слѣдуетъ ли измѣнить рѣшеніе, согласно добытаго опыта. Затѣмъ обсудить слѣдующій вопросъ“.

Т р а х о м а

Трахома нашла себѣ благопріятную почву въ нѣкоторыхъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, она ежегодно выводитъ изъ строя многихъ учащихся.

Воспитанники и воспитанницы духовныхъ учебницъ въ громадномъ большинствѣ живутъ въ общежитіи; при учащихся же и трахома передается отъ одного къ другому очень легко.

Заболѣвшихъ дѣтей обыкновенно отираютъ домой; впродъ до излеченія.

Учащіеся теряютъ много учебнаго времени и часто выпущены бываютъ оставаться въ томъ же классѣ на второй годъ, а то и совсѣмъ выбыть изъ учебнаго заведенія.

Кромѣ того, заболѣвшій трахомой, возвращаясь домой, заражаетъ другихъ дѣтей, вноситъ заразу въ семью.

Это ужасный бичъ о двухъ концахъ,—однимъ концомъ онъ беретъ дѣтей, а другимъ—родителей.

Болезнь эта очень упорная, требуетъ врача-спеціалиста и продолжительнаго лѣченія.

А гдѣ въ селѣ найдете вы врача спеціалиста?

Необходимо принять мѣры въ борьбѣ съ этимъ бичомъ; необходимо предупредить эту болѣзнь.

Одной изъ самыхъ доступныхъ и радикальныхъ мѣръ, по нашему мнѣнію, будетъ та, чтобы учащіеся имѣли всегда руки чистыми, а для этого предоставить имъ возможность мыть руки, когда они пожелаютъ, а не заперать умывальную (уборную) комнату съ 8 ч. утра до 6 ч. утра слѣдующаго дня, и такимъ образомъ въ теченіе почти сутокъ лишать дѣтей самой насущной потребности вымыть руки, быть опрятными.

Въ теченіе сутокъ мало ли что берутъ руками? Руки грязнятся и пылью и чернилами; грязными руками вытираютъ глаза и такимъ образомъ заражаются трахомой. Нѣсколько лишнѣхъ ведеръ воды не разорять училища, а для того, чтобы лишній разъ убрать уборную—служителей жалѣть нечего, ибо служители для училища, а не училище для служителей. Если же на это не хватеть средствъ, то пусть правленіи училищъ обратятся къ родителямъ учащихся, и они охотно дадутъ свою лепту, лишь бы ихъ дѣти избѣжали трахомы, чесотки и проч. Наблюденіе за чистотой рукъ и вообще за опрятностью возложить на гг. надзирателей

(„Совр. Лѣт.“).

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Отъ протоіерея Т. И. Буткевича (Харьковъ, Газетный пер. д. № 5) можно пріобрѣтать слѣдующія книги его сочиненія:

1. Нагорная проповѣдь. Опытъ изложенія ученія Господа нашего Иисуса Христа съ опроверженіемъ возраженій, указываемыхъ отрицательною критикою новѣйшаго времени. По поводу джеученія графа Л. Н. Толстого. Харьковъ. 1892. Ц. 1 р.
2. Зло, его сущность и происхожденіе. Харьковъ. 1897. Ц. 3 р.
3. Религія, ея сущность и происхожденіе. Въ двухъ книгахъ. Харьковъ. 1902, 1904. Ц. 5 р.
4. Религіозныя убѣжденія декабристовъ, Харьковъ. 1899. Ц. 10 к.
5. Последнее сочиненіе графа Л. Н. Толстаго „Царство Божіе внутри васъ“ (Критическій разборъ). Харьковъ 1897. Ц. 60 к.
6. Религія москвитякъ (переводъ съ нѣмецкой рукописи 1702 г.) Харьковъ. 1899. Ц. 10 к.
7. Э. Ренанъ и его сочиненіе „Жизнь Иисуса“. Москва. 1904. Ц. 60 к.
8. Взглядъ Ренана на чудеса и пророчества въ евангельской исторіи Харьковъ. 1904. Ц. 20 к.
9. Сужденіе Ренана объ источникахъ для жизнеописанія Господа нашего Иисуса Христа. Москва. 1905. Ц. 60 к.
10. Уроки первой французской революціи. (Изъ переписки друзей). Харьковъ. 1907. Ц. 75 к.

Книгопродавцамъ—обычная уступка.

Открыта подписка на иллюстрированный журнал на 1908 годъ.

ДРУЖЕСКІЯ РѢЧИ.

52 иллюстрированныхъ номера, 3 бесплатныя преміи.

ВЫХОДИТЬ ОДИНЪ РАЗЪ ВЪ НЕДѢЛЮ ПО ВОСКРЕСЕНЬЯМЪ.

ШЕСТОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Всѣ новости и всѣ выдающіяся статьи, появляющіяся въ дорогихъ изданіяхъ, будутъ помѣщены на страницахъ «Дружескихъ Рѣчей». Въ каждомъ номерѣ рисунки.

Въ каждомъ номерѣ подробные отчеты о засѣданіяхъ Государственной Думы.

Редакція даетъ подписчикамъ отвѣты на интересующіе ихъ вопросы; лицамъ, приложившимъ къ вопросу 15 двухкопеечныхъ марокъ, посылаетъ отвѣты отдѣльными письмами почтою.

Въ 1906 и 1907 г.г. было дано около 10.000 отвѣтовъ.

Журналъ служитъ исключительно нуждамъ и интересамъ небогатыхъ людей, преимущественно же сельскаго населенія.

Въ прошедшемъ 1907 году подписчики получили бесплатно три преміи: 1-я премія. «Справочная книжка о переселеніи». 2-я премія. «Хуторское разселеніе». 3-я премія. «Дѣловой письмовникъ» разосланы 16 декабря 1907 года.

Въ 1908 г. редакція также даетъ три бесплатныхъ приложенія.
1-я премія. Подробныя правила покупки земель у назны и Крестьянскаго банка съ разъясненіемъ порядка залога надѣльныхъ земель.

2-я премія. Сборникъ справочныхъ свѣдѣній по всѣмъ отраслямъ сельскаго хозяйства.

3-я премія. Сборникъ разсказовъ изъ минувшей русско-японской войны.

Журналъ „Дружескія Рѣчи“, освѣщая текущія событія, давая интересное чтеніе, знакомитъ читателей съ такими свѣдѣніями, примѣненіе которыхъ въ жизни наиболѣе способствуетъ улучшенію матеріальнаго благосостоянія. Печатаемые въ журналѣ научныя и историческіе очерки удовлетворяютъ естественному стремленію cadaго челоѵка расширить и обогатить запасы своихъ знаній. Такимъ образомъ наше изданіе, служа интересамъ сельскаго хозяйства, способствуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ самообразованію нашихъ читателей.»

Всѣ три преміи получаютъ только годовые подписчики, приславшіе деньги до 1 марта 1908 года. Цѣна на годъ 1 р. 45 к. Разсрочка платы не допускается, и редакція проситъ гг. подписчиковъ присылать деньги 1 руб. 45 коп. полностью.

Адресъ конторы и редакціи: С.-Петербургъ, Фонтанка 391.

Редакторъ-издатель В. И. Бафталовскій.

Открыта подиска на 1908 г. На журналы
ЦЕРКОВНЫЙ ВѢСТНИКЪ

— И —

„ХРИСТИАНСКОЕ ЧТЕНІЕ“

съ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

полнаго собранія твореній преподобнаго **ѲЕОДОРА СТУДИТА**,

издаваемые при С.-Петербургской Духовной Академіи.

„Церковный Вѣстникъ“.

Еженедѣльный журналъ „Церковный Вѣстникъ“ вступаетъ въ 1908 году въ тридцать четвертый годъ изданія. Программа изданія остается прежняя. Въ нее входятъ:

1) Передовыя статьи, посвященныя разрѣшенію выдвигаемыхъ временемъ вопросовъ церковной въ широкомъ смыслѣ (богословскихъ, ц.-историческихъ, ц.-практическихъ, духовно-учебныхъ) и церковно-общественной жизни. 2) Статьи и сообщенія церковно-общественнаго характера, въ которыхъ обсуждаются различныя церковныя и общественныя явленія текущей русской и иностранной жизни. Въ этомъ отдѣлѣ редація даетъ широкое мѣсто и голосу своихъ подписчиковъ и читателей, которые пожелаютъ высказаться по тѣмъ или другимъ наврѣвшимся вопросамъ времени. 3) Въ отдѣлѣ „Мнѣнія и отвѣты“ приводятся и подвергаются оцѣнкѣ наиболѣе интересныя и заслуживающія вниманія сужденія свѣтской и духовной печати по вопросамъ, составляющимъ злобу дня. 4) По настойчивому желанію подписчиковъ „Церковный Вѣстникъ“ давно уже даетъ на своихъ страницахъ мѣсто ихъ вопросамъ изъ области церковно-приходской практики, поручая составленіе отвѣтовъ на эти вопросы исполнѣ компетентнымъ лицамъ. 5) Корреспонденціи изъ епархій и изъ-за границы знакомятъ читателей съ выдающимися явленіями мѣстной церковной жизни. 6) Библиографическія замѣтки о новыхъ книгахъ. 7) Постановленія и распоряженія правительства, печатаемая, смотря по обстоятельствамъ, полностью или въ извлеченіи. 8) Лѣтопись церковной и общественной жизни въ Россіи. 9) Лѣтопись церковной и общественной жизни за границей. 10) Ивѣстія и замѣтки, содержащія разнообразныя интересныя свидѣнія, не укладывающіяся въ вышеозначенные отдѣлы. 11) Объявленія.

Условія подписки на 1908 годъ.

Въ Россіи: а) за оба журнала 8 (восемь) руб., съ приложеніемъ 2-го тома Твореній преп. Ѳеодора Студита—9 (девять) руб., въ изящномъ переплетѣ—9 руб. 50 коп. б) отдѣльно за „Церковный Вѣстникъ“ 5 (пять) руб., съ приложеніемъ 2-го тома Твореній преп. Ѳеодора Студита—6 руб. 50 коп., въ изящномъ переплетѣ—7 руб. (на полугодіе 3 р., съ приложеніемъ 1-го тома Твореній преп. Ѳеодора Студита—5 руб., въ переплетѣ—5 руб. 50 коп.); за „Христіанское Чтеніе“—5 руб., съ приложеніемъ 2-го тома Твореній преп. Ѳеодора Студита—6 руб. 50 коп., въ изящномъ переплетѣ—7 руб.

За границей для всехъ мѣстъ: за оба журнала 10 (десять) руб., съ приложеніемъ 2-го тома Твореній преп. Ѳеодора Студита—11 р. 50 коп., въ переплетѣ—12 р.; за каждый журналъ отдѣльно—7 (семь) руб., съ приложеніемъ 2-го тома Твореній преп. Ѳеодора Студита—9 р., въ переплетѣ—9 р. 50 к. Иногородніе подписчики надписываютъ свои требованія такъ: въ Редацію „Церковнаго Вѣстника“ и „Христіанскаго Чтенія“, въ С.-Петербургѣ. Подписывающіеся въ С.-Петербургѣ обращаются въ контору редакціи (Невскій пр., д. № 182, кв. 10), гдѣ можно получать также отдѣльныя изданія редакціи и гдѣ принимаются объявленія для напечатанія и рассылки при „Церковномъ Вѣстникѣ“.

Допускается подиска на журналы въ кредитъ и съ рассрочкою платежа подписныхъ денегъ,—по усмотрѣнію самихъ подписчиковъ; но выписка въ кредитъ томовъ Твореній Св. Іоанна Златоустаго и преп. Ѳ. Студита не допускается. Редакторъ „Церк. Вѣстника“ проф. Д. Миртовъ.

Журналъ „ВѢРА и РАЗУМЪ“ издается съ 1884 года; за первые двадцать лѣтъ въ журналѣ помѣщены были, между прочимъ, слѣдующія статьи:

Произведенія Высокопреосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: „Живое Слово“, „О причинахъ отчужденія отъ Церкви нашего образованнаго общества“, „О религіозномъ сектанствѣ въ нашемъ образованномъ обществѣ“; кромѣ того пастырскія воззванія и утѣшанія православнымъ христіанамъ Харьковской епархіи, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: бесѣды, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія другихъ писателей, какъ-то: „Петербургскій періодъ проповѣднической дѣятельности Филарета, митроп. Московскаго“, „Московскій періодъ проповѣднической дѣятельности его же“. Профес. Н. Корсунскаго.—„Религіозно-нравственное развитіе Императора Александра I-го и идеи священнаго союза“. Профес. В. Надлера.—„Архіепископъ Инокентій Борисовъ“. Биографическій очеркъ. Свщ. Т. Буткевича.—„Протестантская мысль о свободномъ и независимомъ пониманіи Слова Божія“. Т. Столыпна (К. Истомина).—Многія статьи о Владиміра Гетте въ переводѣ съ французскаго языка на русскій, въ числѣ коихъ помѣщено „Изложеніе ученія католической православной Церкви, съ указаніемъ различій, которыя усматриваются изъ другихъ церквей христіанскихъ“.—„Графъ Левъ Николаевичъ Толстой“. Критическій разборъ Проф. М. Остроумова.—„Образованные евреи въ своихъ отношеніяхъ къ христіанству“. Т. Столыпна (К. Истомина).—„Западная средне-вѣковая мистика и отношеніе ея къ католичеству“. Историческое изслѣдованіе А. Вертеловскаго.—„Имѣютъ-ли каноническія или общеправовыя основанія притязанія мірянъ на управленіе церковными имуществами?“ В. Ковалевскаго.—„Основныя задачи нашей народной школы“. К. Истомина.—„Принципы государственнаго и церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Современная апологія талмуда и талмудистовъ“. Т. Столыпна (К. Истомина).—„Теософическое общество и современная теософія“. Н. Глубоковскаго.—„Очеркъ православнаго церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Художественный натурализмъ въ области библейскихъ повѣствованій“. Т. Столыпна (К. Истомина).—„Нагорная проповѣдь“. Свщ. Т. Буткевича.—„О славянскомъ Богослуженіи на Западѣ“. К. Истомина.—„О православной и протестантской проповѣднической импронизаціи“. К. Истомина.—„Ультрамонтанское движеніе въ XIX столѣтіи до Ватиканскаго собора (1869—70 г.г.) включительно“. Свщ. І. Арсеньева.—„Историческій очеркъ единовѣрія“. П. Смирнова.—„Зло, его сущность и происхожденіе“. Профес.—прот. Т. И. Буткевича.—„Обращеніе Савла и „Евангеліе“ св. Апостола Павла“. Профес. Н. Глубоковскаго.—„Основное или Апологетическое Богословіе“. Профес.—прот. Т. И. Буткевича.—Статьи объ антихристѣ. Профес. А. Д. Бѣляева.—„Книга Руоф“. Пресвященнаго Инокентія, епископа Сумскаго (нынѣ Тамбовскаго).—„Религія, ея сущность и происхожденіе“. Проф.—прот. Т. И. Буткевича.—„Естественное Богопознаніе“. Профес. С. С. Глаголева.—„Философія мистицизма“. Профес.—прот. Т. Буткевича.—„Матерія, духъ и энергія, какъ начала объективнаго бытія“. Проф. Г. Струво.—„Краткій очеркъ основныхъ началъ философіи“. Профес. П. И. Липницкаго.—„Законы причинности“. Профес. А. И. Василевскаго.—„Ученіе о Святой Троицѣ въ позднѣйшей идеалистической философіи“. Профес. П. П. Соколова.—„Очеркъ современной французской философіи“. Профес. А. И. Введенскаго.—„Очеркъ исторіи философіи“. Н. И. Страхова.—„Этика в религіи въ средѣ нашей интеллигенціи и учащейся молодежи“. Профес. А. Шлятова.—„Психологическіе очерки“. Профес. В. А. Свєгирева.—Чтенія по космологіи Профес. В. Д. Кудрявцева.—„Законы жизни“. Профес. Мечникова. Д-ра М. Глубоковскаго.

А также въ журналѣ помѣщены были переводы философскихъ произведеній: Сенеки, Лейбница, Канта, Каро, Кане, Фулье и многихъ другихъ философовъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію «Вѣра и Разумъ», свои сочиненія, должны быть точно обозначены, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала производится въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою. Жалобу на неполученіе какой-либо книжки журнала просимъ являть редакціи не позже, какъ по истеченіи мѣсяца со времени выхода книжки въ свѣтъ.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 3-хъ часовъ по полудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

 Редакция считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца каждой четверти года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ-какъ при окончаніи каждой четверти, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особыя заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 30 к., за два раза 40 к., за три раза 50 к.

Редакторы: { Рокторъ Семинаріи, Протоіерей Алексѣй ЮШКОВЪ.
Дѣйств. Статск. Совѣт. Константинъ ИСТОМИНЪ.